This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

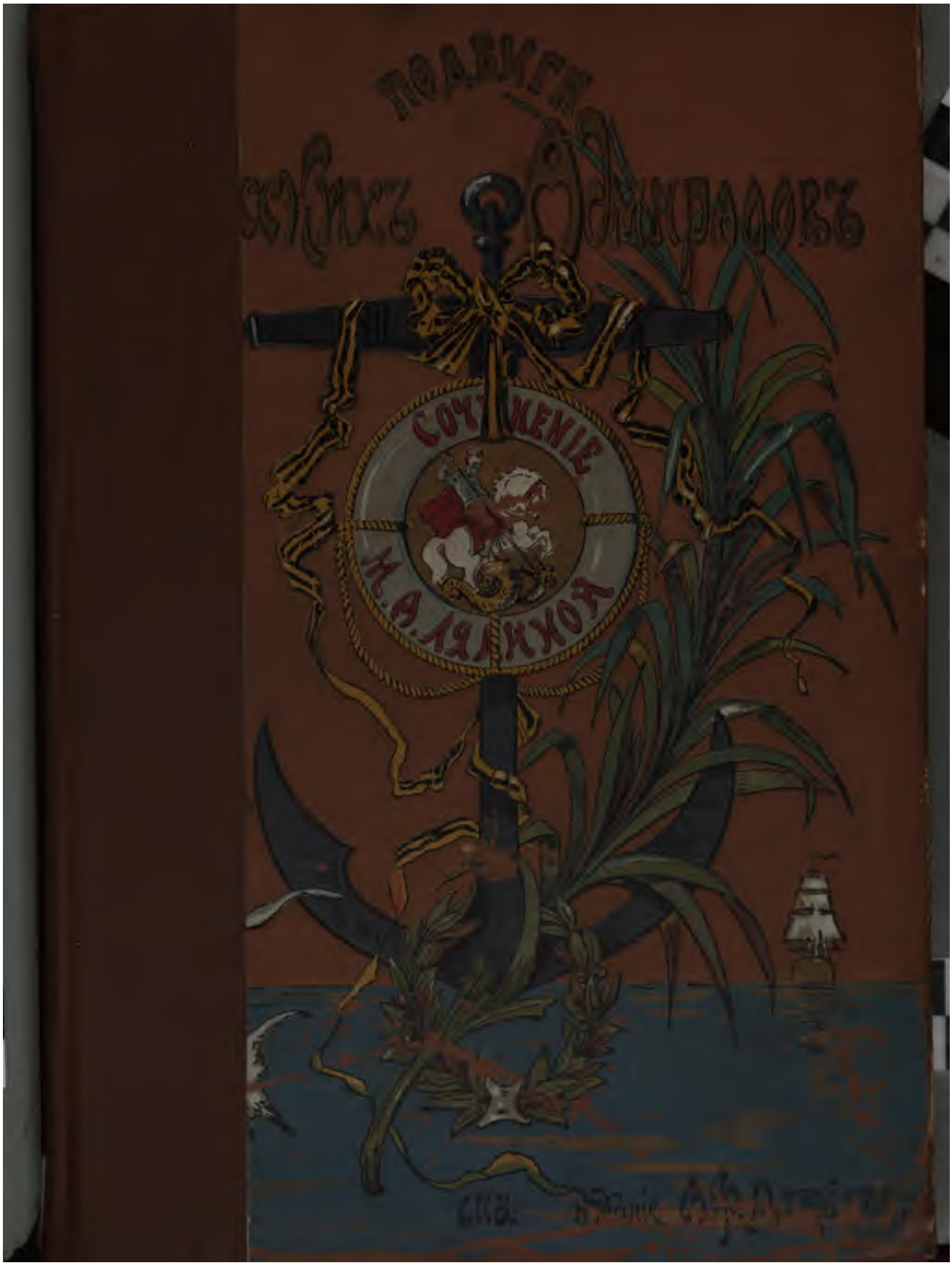
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

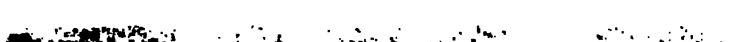
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


СОЧИНЕНІЕ
М.А.ЛЯЖКОТ

gift of

Alexandre G. Tarsaidze

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



ПОДВИГИ

РУССКИХЪ АДМИРАЛОВЪ.

Lialina, M.

ПОДВИГИ

РУССКИХЪ АДМИРАЛОВЪ

Петра Михайлова, Спиридова, Ушакова, Сенявина, гр. Гейдена, Лазарева, Нахимова, Корнилова

И ИХЪ СПОДВИЖНИКОВЪ.

М. А. ЛЯЛИНОЙ.

СЪ 33 РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 августа 1900 года.

DK55.5
L5

Тип. Спб. акц. общ. печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

Памяти героевъ

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

М. А. Лялина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

КОЛЫБЕЛЬ РУССКАГО ФЛОТА. Адмиралъ Петръ Михайловъ 1

ЧЕСМЕНСКІЙ БОЙ. Адмиралъ Спиридовъ 27

ДѢЙСТВІЯ РУССКАГО ФЛОТА НА МОРЯХЪ: Азовскомъ, Черномъ и Средиземномъ. Адмиралъ Ушаковъ 58

Екатерининскія войны съ Турціею 1774—1787.
Подвигъ Сакена и Ломбарда 1787—1789 г.
1790—1791 г.
Дѣйствія въ Средиземномъ морѣ. Союзъ Россіи съ Турціею.
Покореніе Корфу.

ПОДВИГИ РУССКАГО ФЛОТА въ СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ и АРХИПЕЛАГѢ. Адмиралъ Д. Н. Сенявинъ. 110

НАВАРИНСКАЯ БИТВА. Адмиралы гр. Гейденъ и Лазаревъ 178

Бой брига „Меркурій".

СИНОПСКІЙ БОЙ и ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ. Адмиралы Нахимовъ и Корниловъ 217

Литература Западной Европы богата біографіями, записками и корреспонденціей замѣчательныхъ людей. Этотъ родъ сочиненій имѣетъ тамъ многочисленныхъ читателей, и неудивительно: человѣкъ останется всегда самымъ привлекательнымъ предметомъ изученія для человѣчества.—„The noblest study of mankind is man". Спеціалисты находятъ въ этихъ сочиненіяхъ массу поучительныхъ для себя подробностей, уроки мудрости, купленной опытомъ и обогащаютъ свое спеціальное образованіе. Большинство же читателей, слѣдя за дѣятельностью выдающихся людей, невольно поучается. Близкое знакомство съ великими характерами возвышаетъ душу и благотворно дѣйствуетъ на развитіе человѣка. Недаромъ мудрые наставники даютъ юношеству въ руки Плутарха. Съ другой стороны, отечество не должно забывать людей, которыми оно въ правѣ гордиться; и для человѣчества вообще не должны пропадать примѣры мужей, которые могутъ служить образцами отдаленному потомству. (*Изъ вступленія къ біографіи Корнилова,—Лихачева*).

Колыбель русскаго флота.

Адмиралъ Петръ Михайловъ.

Развитіе силы и могущества Россіи повело за собою естественное стремленіе ея къ морю, какъ средству для непосредственныхъ и удобныхъ сношеній съ Европою. Царь Петръ, вступивъ въ управленіе государствомъ, скоро пришелъ къ убѣжденію, что для экономическаго развитія Россіи и подобающаго ей политическаго значенія необходимы болѣе удобные порты, чѣмъ портъ Архангельскій. Но при всей геніальности «Великаго» созданіе мощнаго флота можетъ быть не явилось бы такъ скоро, еслибъ онъ отъ природы не былъ одаренъ страстною любовью къ морю. Еще въ дѣтствѣ плавалъ онъ по Яузѣ и окрестнымъ озерамъ; но скоро эти забавы перестали удовлетворять его пылкую душу; онъ сталъ стремиться къ болѣе широкой дѣятельности; его влекла борьба съ опасностями. Встрѣчающіяся на морѣ безпрестанныя неожиданности, пріятныя и грозныя, представляли для страстной натуры царственнаго юноши много привлекательнаго.

При врожденной страсти Петра къ морю, достаточно было одной искры, чтобъ вспыхнуло пламя; одного ничтожнаго обстоятельства, чтобъ направить геній его на надлежащій путь.

Въ селѣ Измайловѣ, гуляя однажды по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей Никиты Романова, Петръ увидалъ судно иноземнаго образца и спросилъ учителя своего, Тиммермана, что это такое? Тиммерманъ отвѣчалъ, что это ботъ англійскій, ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Петръ сильно заинтересовался и, убѣдившись, что въ наукѣ мореплаванія математика занимаетъ первое мѣсто, сталъ усердно ею заниматься. Тиммерманъ былъ далеко не первоклассным математикомъ. Его державному ученику приходилось знакомиться съ четырьмя правилами ариѳметики подъ такими мудрыми названіями какъ аддиціо, субстракція, мультипликація, дивизіо. Но талантливый отрокъ скоро сообразилъ въ чемъ дѣло; самъ, своею рукою, безошибочно изложилъ онъ четыре правила, пояснилъ ихъ примѣрами; затѣмъ быстро овладѣлъ именованными числами и перешелъ къ высшей математикѣ.

Одновременно съ наукою шли и практическія занятія на Переяславскомъ озерѣ, гдѣ скоро появилась порядочная гребная флотилія подъ управленіемъ самого царя на англійскомъ ботѣ, который впослѣдствіи сдѣлался знаменитымъ подъ названіемъ «Дѣдушки русскаго флота».

Побывавъ въ Архангельскѣ и увидавъ настоящее море, Петръ еще болѣе къ нему пристрастился. Съ этой минуты началось дѣятельное судостроеніе въ Архангельскѣ и покупка судовъ заграницей. Въ это же время положено начало торговому мореплаванію.

Задумавъ пріобрѣсти для Россіи морскіе порты, Петръ обратилъ свои взоры на югъ, на моря Азовское и Черное. Для исполненія этого плана, нужно было прежде всего завладѣть устьями Дона и Днѣпра.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I.

Въ то время оттоманская имперія, держава сильная и грозная, была опасною для Россіи сосѣдкою. Господствуя надъ Чернымъ и Азовскимъ морями, владѣя Румыніей, Сербіей, Болгаріей, Оттоманская Порта держала себя въ отношеніи Россіи кичливо и непріязненно. Петръ пытался сломить эту кичливость, но за неимѣніемъ достаточнаго количества боевыхъ судовъ не достигъ цѣли.

Первая осада Азова (1695 года) кончившаяся неудачею, ясно показала Петру, что безъ содѣйствія морской силы невозможно овладѣть берегомъ. Въ Преображенскомъ и Архангельскѣ закипѣла работа. Суда въ разобранномъ видѣ доставлялись въ Воронежъ, гдѣ ихъ собирали. Кромѣ того множество мелкихъ судовъ было заготовлено на окрестныхъ рѣкахъ.

Душею всего дѣла былъ, разумѣется, царь. Всегда первый труженикъ для пользы своего народа, Петръ принималъ обязанности корабельнаго мастера и нерѣдко самъ принимался за топоръ, чтобы собственнымъ трудомъ и личнымъ надзоромъ ускорить ходъ дѣла. Голландскіе и англійскіе плотники съ чужеземныхъ судовъ, волею или неволею, должны были помогать державному кораблестроителю. «Min Herr Gubernor Archangel» писалъ царь черезъ недѣлю по прибытіи въ Москву (30-го ноября 1695 г.) Двинскому воеводѣ Апраксину. «По возвращеніи отъ невзятія Азова, съ консиліи господъ генераловъ, указано мнѣ къ будущей войнѣ дѣлать галеи [1]), для чего удобно мню быть шхиптиммерманомъ [2]) всѣмъ отъ васъ сюды: понеже они сіе зимнее время туне будутъ препровождать, а здѣсь тѣмъ временемъ великую пользу въ войнѣ

[1]) Трехмачтовая галера.
[2]) Корабельнымъ плотникамъ.

учинятъ; а кормъ и за труды заплата будетъ довольная, и ко времени отшествія кораблей [1]) возвращены будутъ безъ задержанія, и тѣмъ ихъ обнадежь и подводы дай и на дорогу кормъ».

Адмираломъ будущаго флота назначенъ былъ любимецъ царя, женевецъ Лефортъ; командирами су-

ФРАНЦЪ ЛЕФОРТЪ.

довъ—преображенскіе и семеновскіе офицеры; экипажи набирались изъ людей разнаго званія и состоянія. Назначено было дѣйствовать запорожскимъ и донскимъ казакамъ.

Не взирая на большія препятствія, Петръ втеченіе

[1]) Т. е., ко времени открытія навигаціи въ Архангельскѣ.

одного мѣсяца соорудилъ свою флотилію, и съ первыхъ чиселъ апрѣля началъ спускать суда на воду. Три изъ нихъ, бо́льшаго противъ другихъ размѣра, были названы Principium Св. Маркъ и Св. Матвѣй.

3 мая 1696 года выступилъ изъ Воронежа авангардъ изъ 8 галеръ; адмиралъ ввѣрилъ начальство надъ ними капитану галеры Principium Петру Михайлову. «Сегодня»—пишетъ государь къ Виніусу [1])—съ осьмью галерами въ путь свой пошли, гдѣ я отъ господина адмирала учиненъ есмь командіоромъ».

Шествуя Дономъ, Петръ 8 мая отдалъ по галерамъ приказъ, опредѣлившій главныя начала морской службы, первый нашъ морской регламентъ. Капитаны судовъ должны были внимательно смотрѣть, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, на сигналы командира флотиліи и въ точности исполнять его повелѣнія. Строго воспрещено во время похода отставать другъ отъ друга или идти не своимъ путемъ: «понеже»—говоритъ царь—«и того требуетъ общая польза, и военныя суда, плотно другъ съ другомъ идущія, могутъ объѣхать всю вселенную, не страшась никакого шторма; если же разлучатся, и ста саженъ проплыть не могутъ».

Когда начальникъ флотиліи увидитъ непріятеля и подниметъ красный флагъ, всѣ капитаны должны немедленно приготовиться къ бою, подъ смертною казнью. Смертная казнь угрожала и тому, кто товарища своего въ бою покинетъ, или пойдетъ въ сра-

[1]) Андрей Виніусъ, сынъ голландскаго купца. Обладая многосторонними свѣдѣніями—горнозаводскими, корабельными, даже филологическими, онъ пріобрѣлъ благоволеніе царя. Петръ поручалъ ему выписку изъ заграницы инструментовъ и моделей, наемъ иностранныхъ мастеровъ, переводы голландскихъ книгъ, выдѣлку пороха, отливку орудій, бомбъ, ядеръ, а въ послѣдствіи возложилъ на него учрежденіе перваго въ Россіи морского училища, «Навигаціонной Школы».

женіе не своимъ путемъ; также тому, кто не подастъ помощи бѣдствующей галерѣ.

Царь плылъ не болѣе 11 дней; онъ далеко оставилъ за собою адмирала и прибылъ въ Черкаскъ съ 4 галерами; остальныя четыре галеры, оставшіяся позади присоединились нѣсколько позже. Поджидая войска, царь занялся нагрузкою на струги оставленныхъ въ минувшемъ году батарейныхъ орудій, мортиръ и боевыхъ снарядовъ. Между тѣмъ съ моря получены были важныя вѣсти. 18-го мая царю донесли, что со взморья видны два турецкихъ большихъ корабля. Царь рѣшился самъ атаковать непріятельскія суда своими галерами при содѣйствіи донскихъ казаковъ. 20 мая, когда Петръ рѣшился на это отважное дѣло, дулъ крѣпкій вѣтеръ съ сѣвера; вода по всему Дону спала; гирлы и даже главные притоки, обмелѣли. Легкія казацкія лодки, поднимавшія не болѣе 20 человѣкъ, успѣли выбраться въ море, но галеры, нагруженныя сотнями солдатъ и орудіями, не могли плыть далѣе. Петръ пересѣлъ съ своей галеры въ казацкую лодку и вышелъ въ море. Тамъ стояли не два, а тринадцать большихъ турецкихъ кораблей. Атаковать столь сильный флотъ утлыми челнами казацкими было бы безразсудною дерзостью и царь, оставивъ атамана съ казаками, грустный возвратился къ своимъ галерамъ. Между тѣмъ удалые витязи Дона обратили турецкій флотъ въ постыдное бѣгство. По отъѣздѣ царя, они стояли смирно, до наступленія вечера. Съ турецкаго флота не замѣтили ихъ, или не обратили вниманія на мелкія лодки. Утромъ 21-го мая до 500 янычаръ сдѣлали высадку и благополучно добрались до Азова, съ нѣсколькими орудіями; передъ вечеромъ турки перегрузили съ кораблей на 13 транспортныхъ

Петръ I подъ Азовомъ въ 1696 году.

(Снимокъ съ картины, находящейся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ).

судовъ снаряды, казну, оружіе, сукна, съѣстные припасы и подъ прикрытьемъ янычаръ на 11 ушколахъ (малыя галеры), отправили ихъ къ Азову. Между тѣмъ стемнѣло.

Когда транспортныя суда поровнялись съ устьемъ казаки стремительно ударили на нихъ, перебили гребцовъ и овладѣли 10 тунбасами (транспортныя суда); бывшій въ нихъ грузъ взяли, а суда, за исключеніемъ одного сожгли. Пораженные ужасомъ янычары на своихъ ушколахъ бросились къ кораблямъ, гдѣ произвели такое замѣшательство, что весь турецкій флотъ спѣшилъ уйти въ море; два корабля, однако, не успѣли сняться съ якоря; одинъ изъ нихъ турки затопили сами, другой сожгли казаки. Радостно услышалъ Петръ объ этомъ славномъ дѣлѣ и сейчасъ же двинулся въ лодкахъ къ взморью къ казакамъ.

Съ укрѣпленій и галеръ въ ознаменованіе побѣды, открылась пушечная пальба. Между тѣмъ, южный вѣтеръ поднялъ воду въ самыхъ мелкихъ притокахъ Дона и вся флотилія безъ труда могла выйти въ море и преградила турецкому флоту путь къ Азову. Для подкрѣпленія галеръ, при главномъ протокѣ Дона, на правомъ берегу его недалеко отъ устья, Петръ приказалъ возвести земляную крѣпость; на противоположномъ берегу Дона былъ сооруженъ другой фортъ. Дней черезъ десять оба форта были готовы, вооружены пушками, наполнены солдатами и стрѣльцами. «Теперь мы безопасны отъ турецкаго флота»—писалъ государь въ Москву, и грозно подступилъ къ Азову.

Неусыпно наблюдая за турецкимъ флотомъ, царь постоянно жилъ на морѣ и съ галеры «Principium» распоряжался осадою Азова. Въ лагерь онъ пріѣзжалъ изрѣдка, для совѣщанія съ генералами и для осмотра

осадныхъ работъ; съ обычнымъ безстрашіемъ ходилъ по траншеямъ, назначалъ мѣста для орудій, самъ бросалъ бомбы съ батарей и къ ночи возвращался на свою галеру, готовый напасть на непріятеля, при малѣйшемъ покушеніи его прорваться въ устье Дона. Въ Москвѣ знали, какимъ опасностямъ подвергался государь на морѣ и на сушѣ, и трепетали за него. Болѣе всѣхъ тосковала родная сестра его, царевна Наталія Алексѣевна. Письмами, исполненными нѣжнѣйшей любви, она умоляла брата беречь свое здоровье и хранить себя отъ вражескихъ пулекъ. «Сестрица здравствуй!»—отвѣчалъ Петръ, «а я слава Богу здоровъ! «По письму твоему, я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили. Однако-жъ, хотя и ходятъ, только до сія поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ; а чаю, что желаютъ насъ къ себѣ».

Въ іюлѣ запорожскіе казаки съ донцами взяли у турокъ два бастіона штурмомъ. Встревоженные этой потерей, дѣйствіемъ флота, а болѣе всего удалью казаковъ, турки рѣшились, наконецъ сдать Азовъ. Сдача послѣдовала 19-го іюля.

Но ненадолго овладѣлъ Петръ Азовомъ. Въ 1711 г. онъ вынужденъ былъ заключить миръ съ турками при рѣкѣ Прутѣ, по которому обязался возвратить имъ Азовъ и срыть Таганрогъ.

Развитіе морскихъ силъ Россіи перешло съ юга на сѣверъ. Исключительныя заботы царя направились на созданіе флота въ Балтикѣ, съ развитіемъ котораго азовскій флотъ быстро падалъ, уничтожался и наконецъ окончилъ свое существованіе.

Какъ ни была скромна дѣятельность азовскаго флота, но онъ сослужилъ не малую службу тѣмъ, что

далъ возможность пріобрѣсти опытность въ кораблестроеніи и подготовкѣ людей. На азовскій флотъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на зерно, которое хотя и уничтожилось, но пустило могучіе ростки.

Политическія обстоятельства при Петрѣ Великомъ сложились такимъ образомъ для Россіи, что ей представлялась возможность отнять у шведовъ древнія свои владѣнія на берегу Финскаго залива и открыть черезъ Балтійское море свободное морское сообщеніе съ Европою. Морскія побѣды надъ Шведами начались съ занятія Шлиссельбурга, древняго Орѣшка. Затѣмъ гребная флотилія подъ командою самого царя сразилась со шведами въ устьѣ Невы и прогнала ихъ. Такимъ образомъ, освободивъ истокъ и устье Невы, Петръ возвратилъ Россіи древній путь «изъ Варягъ въ греки» и земли «отчичъ и дѣдичъ», захваченныя шведами въ смутное время междуцарствія. Овладѣвъ Котлиномъ и построивъ Кронштадтскія укрѣпленія, Петръ создалъ надежный оплотъ противъ вторженія непріятеля въ устья Невы.

Въ періодъ времени съ 1704—1711 юный балтійскій флотъ нашъ собирался съ силами, увеличивался въ числѣ судовъ и совершенствовалъ различныя части морскаго управленія. Удачное отраженіе шведовъ отъ Котлина и появленіе нашихъ фрегатовъ на нѣмецкомъ морѣ показали Европѣ, что Россія готовится занять видное мѣсто въ ряду морскихъ державъ. Такимъ образомъ время съ 1704—1711 г. хотя и не ознаменовалось особенно важными событіями, но уже показало на дѣлѣ серьезное значеніе балтійскаго флота и прочность его существованія.

Въ 1714 г. балтійскій флотъ былъ приведенъ уже въ такое состояніе, что могъ дать отпоръ непріятелю

опытному и искусному на морѣ. Весною этого года въ Кронштадтѣ снаряжались два флота, корабельный и гребной. Царь Петръ, начавшій службу подъ именемъ Петра Михайлова съ бомбардира и дослужившійся до шаутбенахта (контръ-адмирала), командовалъ корабельнымъ флотомъ, генералъ-адмиралъ гр. Апраксинъ—гребнымъ.

Шведскій флотъ явился къ нашимъ берегамъ тотчасъ послѣ ледохода. 4-го мая онъ показался у Або, 9-го—противъ залива Кирки—Поэ (между Гельсингфорсомъ и Або). Отдѣльные отряды появлялись близъ Ревеля и Нарвы.

Государь прибылъ 10-го мая къ Кронштадту и поднялъ свой флагъ на 66-ти пушечномъ кораблѣ «Св. Екатерина». Корабельный флотъ состоялъ изъ 18 кораблей, фрегатовъ и шнякъ. Настроеніе духа офицеровъ и экипажей было прекрасное. Всѣ горѣли желаніемъ отличиться въ глазахъ Державнаго Адмирала.

Оба флота вышли вмѣстѣ; но 31 мая, у Березовыхъ острововъ галерный флотъ отдѣлился и пошелъ къ Гельсингфорсу, котораго достигъ 11 іюня. Корабельный же флотъ отправился къ Ревелю для соединенія съ находившимися тамъ кораблями. Съ своимъ гребнымъ и паруснымъ флотомъ царь чувствовалъ себя уже довольно сильнымъ. «Теперь, писалъ онъ Меньшикову, дай Боже милость Твою! Пытаться можно».

29-го іюня, гр. Апраксинъ, передвинувшись съ галернымъ флотомъ къ деревнѣ Тверминде, увидалъ у полуострова Гангута (Гангеудъ) большую непріятельскую эскадру. Убѣдившись, что гребному флоту невозможно проскочить мимо этой эскадры, чтобъ идти

въ Або, какъ было сначала предположено, онъ послалъ къ Петру въ Ревель, приглашая его прибыть на совѣщаніе.

20-го іюля Петръ прибылъ къ гребному флоту въ Тверминде и осмотрѣлъ позицію. Положеніе нашего галернаго флота было таково, что надо было немедленно рѣшиться идти ли впередъ, или повернуть назадъ. Долговременное пребываніе въ этихъ мѣстахъ было опасно, потому что непріятель легко могъ за-

АДМИРАЛЪ АПРАКСИНЪ.

(Снимокъ съ гравюры, находящейся въ библіотекѣ Морского Министерства).

переть нашъ флотъ. Сдѣлавъ тщательную рекогносцировку, Петръ увидѣлъ, что перешеекъ въ одномъ мѣстѣ полуострова Гангута очень узокъ. У него тотчасъ же явилась мысль, устроить черезъ этотъ перешеекъ мостъ, перетащить нѣсколько галеръ, неожиданно напасть на непріятеля, привести его въ замѣшательство и въ это время съ остальнымъ флотомъ проскочить мимо.

Когда собрались это сдѣлать, то узнали, что шведская эскадра снялась съ якоря и готовится атаковать галерный флотъ. Петръ, осмотрѣвъ мѣстность, замѣтилъ, что между непріятельскимъ флотомъ и Гангутскимъ мысомъ проходъ довольно широкъ. Благословясь, галерный флотъ двинулся по этому проходу и счастливо проскочилъ мимо. Адмиралъ и шаутбенахтъ отправились сухимъ путемъ на другую сторону полуострова, чтобы принять участіе въ предполагавшейся атакѣ шведскаго флота.

Наступило прекрасное лѣтнее утро, 27-го іюля, и на морѣ стоялъ мертвый штиль. Шведскія суда стояли вогнутой линіей; въ срединѣ находился флагманскій корабль. Наши галеры построились въ три колонны; авангардомъ командовалъ самъ царь. Отчаянная битва, начавшаяся около двухъ часовъ, продолжалась до пяти. Оба непріятеля дрались упорно: русскіе—одушевляемые присутствіемъ Государя; шведы—возбужденные отчаяніемъ и чувствомъ оскорбленной гордости. Въ самомъ дѣлѣ имъ, привыкшимъ пользоваться заслуженной боевой славой, тяжело было уступить первенство на морѣ новичкамъ. Наконецъ послѣ упорной обороны, шведскія суда, одно за другимъ, спустили флаги. Шведскій контръ-адмиралъ Эреншельдъ, весь израненный, бросился въ море, но былъ поднятъ нашими людьми и доставленъ на галеру царя. Петръ, уважая храбрость въ своемъ противникѣ, оказалъ Эреншельду всевозможное вниманіе, самъ старался привести его въ чувство и потомъ при каждомъ случаѣ съ похвалою отзывался о его храбрости и примѣрномъ исполненіи долга.

Кромѣ военныхъ и политическихъ выгодъ, Гангутская побѣда радовала Государя какъ моряка. Это

Плѣненіе шведскаго адмирала Эреншельда въ битвѣ при Гангутѣ.
(Снимокъ съ картины, находящейся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ).

была первая серьезная морская побѣда одержанная нашимъ флотомъ.

9-го сентября взятыя нами шведскія суда были торжественно введены въ Неву, и Петръ получилъ чинъ вице-адмирала. Онъ былъ въ восторгѣ. Уже давно онъ добивался этого чина, и всякій разъ, когда открывалась вакансія, онъ писалъ въ адмиралтействъ-коллегію челобитную, поименовывая свои заслуги отечеству. Но адмиралтействъ-коллегія отвѣчала, что хотя и признаетъ его заслуги и надѣется, что впредь онъ будетъ служить еще ревностнѣе, но, сравнивая его службу морскую съ другимъ шаутбенахтомъ, находитъ, что тотъ служитъ долѣе, во многихъ случаяхъ отличился и потому адмиралтействъ-коллегія, не можетъ дать ему, на сей разъ, передъ другимъ преимущество. Шаутбенахтъ Петръ Михайловъ оставался вполнѣ доволенъ такимъ рѣшеніемъ и терпѣливо дожидался своей очереди.

Въ числѣ цѣлаго ряда удачныхъ дѣлъ противъ шведовъ слѣдуетъ отмѣтить взятіе Наумомъ Синявинымъ шведской эскадры у Эзеля въ 1719 г. и Гренгамское сраженіе въ 1720. Дѣло у Эзеля было первымъ дѣйствительно морскимъ сраженіемъ нашего корабельнаго флота, и Государь благодарилъ Синявина собственноручнымъ письмомъ.

Въ Гренгамскомъ сраженіи шведы пострадали благодаря оплошности, необъяснимой для такихъ опытныхъ воиновъ. Зная, что русскіе обладаютъ значительнымъ гребнымъ флотомъ, шведы не позаботились обзавестись мелкими судами, для которыхъ только и возможно движеніе въ шхерахъ. Когда наши суда подошли къ острову Гренгаму, шведскій отрядъ, очертя голову, пустился за ними. Въ увлеченіи пре-

слѣдованія, шведы незамѣтно забрались въ такую тѣсноту между мелями и каменьями, что съ парусными судами трудно было управиться, и галеры получили надъ ними преимущество. Взяты были нашими четыре шведскихъ фрегата и флагманскому кораблю удалось спастись только благодаря находчивости своего командира.

Вскорѣ послѣ этого въ Ништадтѣ 1721 г. заключенъ былъ миръ съ Швеціею, по которому мы пріобрѣтали Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и часть Кореліи. Такимъ образомъ, восточная оконечность Финскаго залива, весь южный берегъ и Рижскій заливъ съ прилегающими ко всѣмъ этимъ берегамъ островами отданы были, или вѣрнѣе, возвращены Россіи, владѣвшей этимъ прибрежьемъ въ древности. Кромѣ вновь созданнаго Петербурга, Ништадтскій миръ укрѣплялъ за Россіею значительные приморскіе порты: Выборгъ, Нарву, Ревель и Ригу. Завѣтная мысль Петра осуществилась; владычество на Балтійскомъ морѣ переходило отъ Швеціи къ Россіи, а съ нимъ связывалось развитіе торговли и усиленіе значенія Россіи въ европейской политикѣ.

Въ утвержденіи нашемъ на балтійскомъ прибрежьѣ, флотъ, какъ мы видѣли, принималъ большое участіе. Прогнавъ шведовъ съ Ладожскаго и Чудскаго озеръ, отстоявъ Котлинъ, флотъ развязалъ царю руки, давъ ему возможность смѣло, не пропуская ни одного благопріятнаго случая, шагъ за шагомъ занимать непріятельское прибрежье. Флотъ былъ большимъ подспорьемъ для арміи, доставляя провіантъ и все необходимое, также охраняя берега отъ разбойничества непріятельскихъ каперовъ и отъ неожиданной высадки. Услуги флота оправдали знаменательное изрѣченіе великаго

государя: «Потентатъ» (владѣтель), который едино сухопутное войско имѣетъ, одну руку имѣетъ; а который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ».

Ништадтскій мирный трактатъ Петръ получилъ по дорогѣ въ Выборгъ. Онъ тотчасъ же вернулся въ Пе-

Сраженіе при Гренгамѣ.
(Снимокъ съ гравюры, находящейся въ Морскомъ Музеѣ).

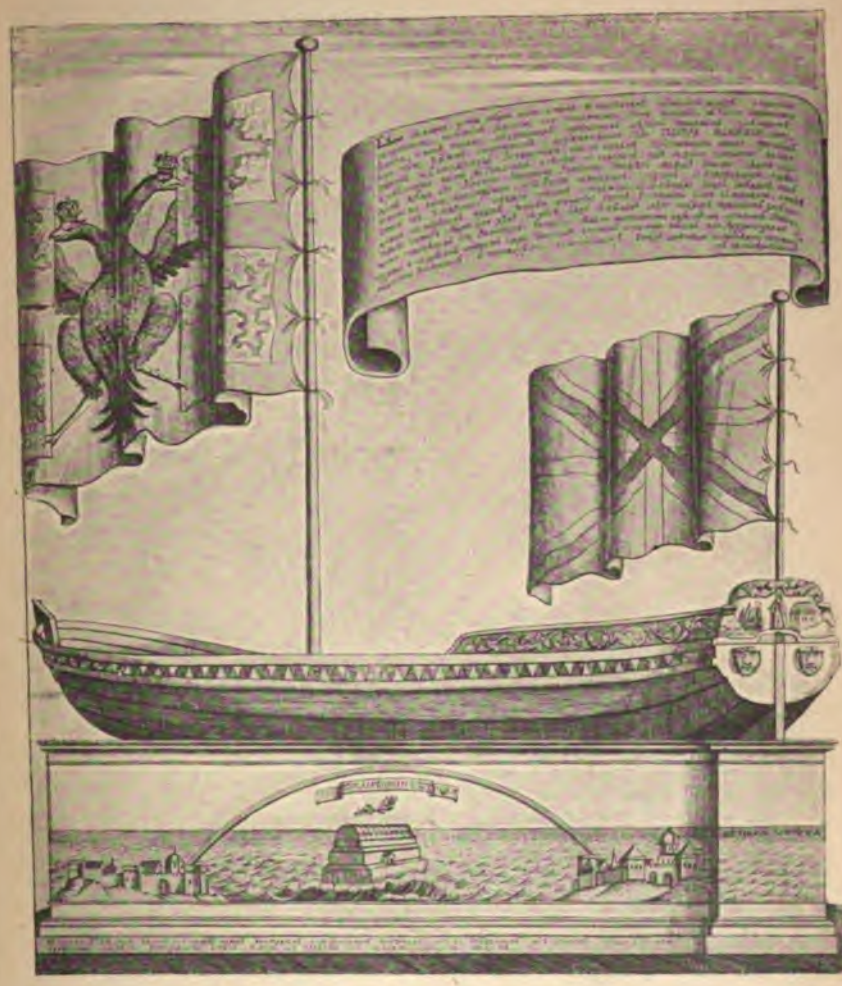
тербургъ и былъ торжественно встрѣченъ народомъ. Сенатъ, именемъ всего народа, просилъ царя за его труды, заслуги и благодѣянія, оказанныя отечеству, принять титулъ «Отца отечества, Великаго и Императора Всероссійскаго».

Послѣ цѣлаго ряда празднествъ въ Петербургѣ,

Государь 10 декабря поѣхалъ въ Москву подѣлиться радостью со своей первопрестольною столицею. Туда же были посланы гвардейскіе и нѣкоторые армейскіе полки. Въ московскихъ торжествахъ морской элементъ занималъ весьма видное мѣсто. Уже заранѣе было извѣстно, что въ селѣ Всесвятскомъ готовится что то необычайное. Москвичи изнывали отъ нетерпѣнія. И вотъ, въ назначенный день утромъ, изъ села Всесвятскаго потянулась оригинальная процессія. Двинулась цѣлая эскадра, вопреки пословицѣ, по суху, аки по морю. Она состояла изъ множества судовъ разныхъ типовъ, начиная отъ небольшихъ шлюпокъ до линейнаго корабля включительно. За шутовскимъ княземъ-папой [1]) и его штатомъ, открывавшими процессію, ѣхалъ Нептунъ въ саняхъ въ видѣ раковины. Далѣе слѣдовали князь Меншиковъ и генералъ-адмиралъ; первый на шлюпкѣ, а второй на галерѣ, раззолоченныхъ и великолѣпно убранныхъ. На всѣхъ судахъ, имѣвшихъ весла, гребцы гребли ими какъ будто по водѣ. За галерою слѣдовала шлюпка съ морскими офицерами, одѣтыми лоцманами—которые бросали лотъ. Но гвоздемъ процессіи былъ корабль въ настоящую величину, сдѣланный изъ дерева и папки. Онъ шелъ подъ парусами и имъ командовалъ самъ царь. Экипажъ состоялъ изъ корабельныхъ юнговъ, а пассажирами были генералы, одѣтые барабанщиками. За кораблемъ шла великолѣпная баржа, на которой сидѣла Императрица съ придворными.

---

[1]) Императоръ Петръ I, любившій и повеселиться, въ свои молодые годы учредилъ юмористическое общество подъ названіемъ „всешутнѣйшаго, всепьянѣйшаго и сумасброднѣйшаго собора", состоявшее изъ ближнихъ къ царю лицъ. Бывшій учитель Петра, Никита Моисеевичъ Зотовъ, былъ названъ „всешутнѣйшимъ патріархомъ или князь-папою". Послѣ его смерти въ 1717 году княземъ-папою былъ избранъ Петръ Бутурлинъ.



Ботикъ Петра Великаго.

(Изъ изданія Морского Министерства 1888 г. „Свѣдѣнія о ботикѣ, Дѣдушкѣ русскаго флота“ за 200 лѣтъ съ 1688 по 1888 годъ).

Потомъ тянулось нѣсколько десятковъ судовъ, наполненныхъ мужчинами и женщинами, наряженными въ самые разнообразные костюмы. Въ нѣкоторыя суда были запряжены, ради потѣхи, свиньи, козлы, медвѣди. На всемъ этомъ флотѣ гремѣла музыка, раздавались пушечные выстрѣлы и крики ура! Полозья, на которыхъ катились суда, были незамѣтны для зрителей и флотилія, на удивленіе народу, какъ будто и на самомъ дѣлѣ плыла по морю.

Этой процессіей царь наглядно хотѣлъ показать москвичамъ, какое значеніе имѣетъ въ его глазахъ имъ же созданный флотъ.

Знаменитому ботику также была оказана особая честь. «Дѣдушка русскаго флота», остававшійся на покоѣ въ Москвѣ, въ первый разъ явился передъ народомъ въ эти дни праздниковъ мира. Ботикъ поставленъ былъ среди Кремля на четыреугольномъ подножіи, украшенномъ аллегорическими изображеніями.

Въ 1723 г. ботикъ былъ привезенъ въ Петербургъ и торжественно встрѣченъ флагманами. Утромъ 11-го августа, при ясной и тихой погодѣ, всѣ флагманы стоявшей на рейдѣ эскадры, въ числѣ которыхъ находился и Петръ Михайловъ, собрались на генералъ-адмиральскій корабль «Гангутъ», гдѣ Государь пожаловалъ имъ всѣмъ шлюпочные шелковые флаги. Съ «Гангута», на шлюпкахъ, адмиралы, каждый подъ своимъ флагомъ, отправились для пріема ботика, стоявшаго на галіотѣ за военнымъ угломъ. Здѣсь флагманы пустили ботикъ на воду, поставили на немъ мачту, и поднявъ на ней штандартъ, повели на буксирѣ своихъ шлюпокъ на рейдъ. Предоставивъ первое мѣсто генералъ-адмиралу Апраксину, адмиралъ Петръ Михайловъ взялъ на себя обязанность квартирмейстера и правилъ рулемъ. При

проходѣ ботика по линіи, состоявшей изъ 29 кораблей, на каждомъ суднѣ приспускали флагъ и вымпелъ и привѣтствовали «дѣда» барабаннымъ боемъ, трубными звуками и пушечными выстрѣлами.

По окончаніи всѣхъ торжествъ, ботикъ былъ поставленъ въ присутствіи самого Петра на храненіе въ государевомъ больверкѣ.

Чесменскій бой 1770.

Адмиралъ Спиридовъ.

„Дай лиру. Брань воспѣть Чесменскую хочу,
„Въ безсмертіе ее исторія включаетъ.
„Она безсмертіемъ и пѣснь мою вѣнчаетъ.

Херасковъ.

Съ того времени какъ Петръ, по Прутскому договору, возвратилъ Азовъ и срылъ Таганрогъ, турки еще впродолженіе полустолѣтія оставались полными хозяевами морей Чернаго и Азовскаго.

Въ 1735 г., въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, Азовъ взятъ былъ вновь, но обладаніе имъ продолжалось очень недолго. Въ послѣдующіе три года войска наши доблестно боролись съ турками; но разныя невзгоды, бури и моровая язва такъ ослабили наши силы, что въ 1738 г. военныя дѣйствія прекратились, а въ 1740 г. въ Бѣлградѣ заключенъ былъ миръ съ Турціею, по которому Россія обязалась срыть укрѣпленія Азова и не посылать больше судовъ въ Черное и Азовское море.

Таково было положеніе Россіи на югѣ при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины Великой. Этой Государынѣ суждено было изгладить слѣды невыгоднаго для Россіи Бѣлградскаго договора.

Въ 1768 г. Турція, подстрекаемая Франціею, кото-

рая съ завистью и страхомъ смотрѣла на усиленіе нашего отечества, позволила себѣ вмѣшаться въ дѣла Россіи съ Польшею и, придравшись къ ничтожному поводу, объявила намъ войну, ознаменованную истребленіемъ турецкаго флота въ чесменской бухтѣ.

Принявъ вызовъ, Екатерина задалась слѣдующею цѣлью: въ 1-хъ, освободить турецкихъ христіанъ; во 2-хъ, утвердиться на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей; въ 3-хъ—добиться свободнаго торговаго пути въ Средиземное море.

Еще задолго до этого, мудрая государыня съ свойственной ей проницательностью разработала съ помощью графа Алексѣя Григорьевича Орлова планъ, по которому вознамѣрилась, усиливъ вліяніе свое на юго-западныхъ славянъ и въ особенности на подвластныхъ Турціи грековъ, нанести туркамъ ударъ съ той стороны, съ которой они менѣе всего его ожидали. «Подпалить Турцію со всѣхъ четырехъ угловъ», говорила она. Такое предпріятіе обѣщало наиболѣе успѣха въ Морѣ, гдѣ греческое населеніе было несравненно многочисленнѣе турецкаго.

Съ этой цѣлію посланы были агенты въ славянскія и греческія области съ предложеніемъ снаряжать отряды сухопутныхъ войскъ, или суда для крейсерства. Лица, сдѣлавшія по этому предмету пожертвованія, награждались военными чинами. На случай открытія военныхъ дѣйствій, Государыня назначила гр. Орлова главнокомандующимъ всей экспедиціей съ неограниченной властью дѣйствовать такъ, какъ онъ признаетъ нужнымъ.

Графъ Орловъ всей душой преданный Императрицѣ готовъ былъ для нея въ огонь и въ воду. Екатерина, умѣвшая хорошо распознавать людей, оцѣнила эту

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

преданность и сумѣла направить ее на пользу отечества.

Избравъ Францію мѣстомъ своего пребыванія для тайныхъ сношеній съ нашими единовѣрцами, гр. Орловъ не замедлилъ убѣдиться, что греки вполнѣ готовы къ возстанію. Ихъ духовенство волновало народъ, вспоминая о старинныхъ пророчествахъ, предрекавшихъ паденіе турецкаго владычества и зарю свободы. Всеобщее одушевленіе было такъ велико, что еслибъ въ эту минуту появился русскій флотъ, то Морея, была бы въ короткое время очищена отъ турокъ и осталась бы въ полной власти грековъ. Графъ Орловъ съ нетерпѣніемъ ждалъ нашей эскадры, чтобы тотчасъ же приступить къ дѣйствіямъ.

18-го іюля 1769 г. эта эскадра стояла въ Кронштадтской гавани, вполнѣ готовая къ походу. Начальство надъ нею поручено были адмиралу Григорію Андреевичу Спиридову. Спиридовъ родился въ 1713 г.; на службу поступилъ волонтеромъ. Въ 1737 г. онъ находился какъ адъютантъ Бредаля въ Азовской экспедиціи; потомъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ, и въ кампанію 7-ми лѣтней войны отличился своей неустрашимостью и распорядительностью. Въ чинѣ вице-адмирала командовалъ сперва въ Ревелѣ, потомъ въ Кронштадтѣ и въ 1769 г. произведенъ въ адмиралы. Умеръ въ Москвѣ въ 1790 году.

Получивъ назначеніе, Спиридовъ, откланиваясь Государынѣ во дворцѣ, сказалъ ей, что онъ слабъ и немощенъ. «Я дамъ тебѣ силы», отвѣчала Екатерина и, снявъ со стѣны образъ Іоанна воина, благословила имъ Спиридова.

18-го іюля Императрица прибыла въ Кронштадтъ, на корабль «Евстафій», гдѣ Спиридовъ имѣлъ свой

флагъ, и, вручивъ адмиралу знаки ордена Александра-Невскаго, пожелала эскадрѣ счастливаго пути.

Такимъ образомъ, нашему флоту давно забытому и заброшенному, не ходившему дальше Балтійскаго моря, если не считать посылокъ нѣкоторыхъ судовъ съ припасами въ Архангельскъ, выпала завидная доля показать силу русскаго оружія въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ раньше и не думалось. Ему предстояло въ первый разъ, съ самаго основанія своего, совершить далекое плаваніе, и на чужихъ незнакомыхъ моряхъ быть участникомъ замысловъ, величію которыхъ дивился весь міръ.

Проводивъ эскадру, Императрица писала Орлову: «Ничто на свѣтѣ нашему флоту столь добра не сдѣлаетъ, какъ этотъ походъ. Все закоснѣлое и гнилое наружу выйдетъ и онъ будетъ со временемъ кругленько обточенъ».

Эскадра Спиридова изъ 7-ми кораблей, 1-го фрегата и 6-ти судовъ меньшихъ размѣровъ покинула Кронштадтъ и перешла къ Красной горкѣ, чтобы взять сухопутныя войска и артиллерію. По выходѣ изъ Финскаго залива началось для эскадры трудное плаваніе. Корабли были плохо построены, команды мало обучены, командиры не имѣли той опытности, которую даютъ частыя и продолжительныя плаванія. Многіе корабли не справились съ вѣтромъ и заблудились; другіе должны были зайти въ попутныя гавани и чиниться. На всѣхъ судахъ было множество больныхъ. Умершихъ насчитывалось свыше 50-ти. Всѣ эти обстоятельства задержали эскадру Спиридова и она только въ сентябрѣ мѣсяцѣ вступила въ Средиземное море, гдѣ до тѣхъ поръ русскій флагъ никогда не развѣвался.

18-го Ноября эскадра прибыла на Минорку въ портъ Магонъ, гдѣ была встрѣчена греками, наѣхавшими во множествѣ съ предложеніемъ услугъ.

Между тѣмъ главнокомандующій, находясь въ Ливорно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Спиридова.

АДМИРАЛЪ СПИРИДОВЪ.

(Снимокъ съ гравюры, находящейся въ библіотекѣ Морского Министерства).

Еще не зная о приходѣ его въ портъ Магонъ, онъ послалъ туда своего брата, графа Федора Григорьевича, который 29-ти лѣтъ отъ роду былъ уже генералъ-маіоръ, оберъ-прокуроръ сената и гвардіи капи-

танъ. Главнокомандующій поручилъ ему, по прибытіи эскадры, немедленно слѣдовать въ Грецію и тамъ начать военныя дѣйствія. Но не такъ то легко было это сдѣлать. У Спиридова тогда былъ только одинъ корабль, тотъ, на которомъ онъ самъ находился, остальные корабли подходили понемножку. Кромѣ того, надо было ихъ исправить, запастись водой и провизіей. Дѣло подвигалось такъ туго, что только въ январѣ 1770 г. удалось приготовить небольшой отрядъ: корабль «Трехъ Іерарховъ» и два малыхъ судна для посылки за главнокомандующимъ. Но и этотъ отрядъ былъ разсѣянъ бурею и собрался въ Ливорно только въ началѣ февраля. Одно судно выброшено было на берегъ и долго исправлялось, такъ что гр. Орловъ только 1-го апрѣля могъ выйти въ море. 17-го Февраля эскадра Спиридова пришла въ Морею и встала на якорь въ портѣ Витула полуострова Майна.

Надежды Орлова на первыхъ порахъ оправдались. При совершенно неожиданномъ для Порты появленіи въ Средиземномъ морѣ русскихъ кораблей, греки окончательно взволновались, готовясь свергнуть турецкое иго. Возстали жители Архипелага и Мореи, особенно Майноты, потомки древнихъ спартанцевъ.

Живя грабежемъ и разбоемъ, майноты не признавали власти турокъ. Изъ неприступныхъ своихъ ущелій они дѣлали набѣги на равнины, похищали скотъ и съѣстные припасы. Турки не на шутку боялись ихъ. Такой народъ казался гр. Орлову самымъ подходящимъ для исполненія его плана и онъ задумалъ появленіемъ своимъ поднять майнотовъ противъ турокъ. Прибытіе эскадры Спиридова привело майнотовъ въ неописанный восторгъ. Они салютовали русскому флагу изъ двухъ старыхъ пушекъ, поставленныхъ на стѣ-

нахъ монастыря, и когда получили въ отвѣтъ нѣсколько выстрѣловъ съ адмиральскаго корабля, то на радостяхъ цѣлый день продолжали стрѣлять изъ ружей и пистолетовъ.

Въ день прихода эскадры, 26-ти пушечный фрегатъ «Николай», принадлежавшій греку Паликути поднялъ русскій флагъ и вступилъ подъ команду нашего адмирала; командиру данъ былъ чинъ лейтенанта. Затѣмъ, постепенно, флотъ началъ пополняться другими греческими судами, обращаемыми въ военные и прибытіемъ отставшихъ кораблей. Въ первый же день и къ сухопутнымъ войскамъ присоединилось 2500 майнотовъ, вступившихъ подъ команду графа Федора Орлова. Съ разныхъ мѣстъ греки и славяне стали высылать своихъ воиновъ сражаться за вѣру и свободу Греціи.

Изъ мѣстныхъ жителей образовано было два легіона: восточный—подъ командой капитана Баркова, и западный—подъ командою Долгорукова. Первый, въ началѣ, дѣйствовалъ успѣшно, но незнакомые съ дисциплиной майноты испортили все дѣло. Привыкшіе нападать изъ-за угла, они въ одномъ сраженіи струсили передъ натискомъ турецкаго войска, побросали ружья и бѣжали, оставивъ горсть русскихъ на произволъ судьбы. Почти весь отрядъ былъ перебитъ и капитанъ Барковъ тяжело раненъ.

Западный отрядъ дѣйствовалъ успѣшнѣе. Маіоръ Долгоруковъ занялъ Аркадію, но потомъ былъ отозванъ для осады одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей, Наварина.

Графъ Ѳедоръ Орловъ послалъ къ Наварину два корабля и фрегатъ съ частью сухопутныхъ войскъ. Долгоруковъ съ своимъ отрядомъ албанцевъ и гре-

ковъ подошелъ нѣсколько раньше. 29-го Марта началась осада, а 10-го апрѣля крѣпость сдалась на капитуляцію. Намъ досталось 42 мѣдныхъ пушки и множество боевыхъ снарядовъ. Стѣны были исправлены и одну мечеть освятили церковью во имя св. великомученицы Екатерины.

14-го Апрѣля на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ» прибылъ главнокомандующій, графъ Алексѣй Григорьевичъ и по его приказанію весь флотъ перешелъ въ Наваринъ. «Въ наилучшій портъ Средиземнаго моря, въ портъ Вашего Императорскаго Величества»,—доносилъ гр. Орловъ Императрицѣ.

Несмотря на взятіе значительной крѣпости, главнокомандующій начиналъ уже разочаровываться въ своемъ предпріятіи. Поведеніе майнотовъ достаточно уже обнаружило свойство этого народа; греки не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. «Великая Государыня,—писалъ Орловъ Императрицѣ; хотя почти вся Морея очищена отъ турокъ, но силы мои такъ слабы, что я не только не надѣюсь завладѣть всею, но и удержать завоеванныя мѣста. Лучшее изъ всего, что мнѣ можно будетъ сдѣлать: укрѣпившись на морѣ и на сушѣ, пресѣчь подвозъ провіанта въ Царьградъ и дѣлать нападенія морскою силою. Трудно будетъ и сіе привести въ дѣйство, если скоро не придетъ Эльфинстонъ». (Вторая эскадра, о которой мы сейчасъ будемъ говорить).

Морея дѣйствительно была почти вся очищена отъ турокъ, но удержаться мы могли только въ Мизетрѣ и Наваринѣ. Но и эти владѣнія были не прочны; турки повсюду усиливались. Греки и безъ того робкіе, стали еще трусливѣе, и при первомъ натискѣ непріятеля разбѣгались. Попытка наша овладѣть крѣ-

постью Модономъ, лежащею на пути къ Наварину, окончилась неудачею. Мы потеряли всѣ орудія. Изъ отряда въ 735 чел. убито было 215, ранено — 300. Уцѣлѣвшіе едва успѣли пробраться въ Наваринъ.

Эта неудача имѣла важныя послѣдствія. На Наваринъ съ сухого пути надвигалась туча; со стороны моря приближалась большая турецкая эскадра съ явнымъ намѣреніемъ осадить Наваринъ и запереть нашъ флотъ. Въ это время, какъ нельзя болѣе кстати, подошла изъ Кронштадта другая эскадра, отправленная въ тотъ же годъ, какъ и первая, только поздней осенью.

Три корабля, 2 фрегата и три мелкихъ судна съ экипажемъ въ 3000 чел. поручены были контръ-адмиралу Эльфинстону, англичанину, только что вступившему въ русскую службу. Изъ Ревеля слѣдовалъ еще корабль «Святославъ», отставшій отъ эскадры Спиридова. Плаваніе второй эскадры было столь же бѣдственно какъ и первой. Выйдя изъ Кронштадта въ октябрѣ мѣсяцѣ, она приблизилась къ берегамъ Мореи только 9-го мая. По инструкціи, Эльфинстону слѣдовало ожидать распоряженія главнокомандующаго, но онъ не нашелъ нужнымъ дожидаться и предпочелъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ. Узнавъ отъ грековъ о движеніи турецкаго флота, онъ высадилъ бывшій съ нимъ отрядъ сухопутныхъ войскъ на первомъ попутномъ мѣстѣ и пошелъ на встрѣчу турецкому флоту.

Эльфинстону хорошо было извѣстно, что турецкая эскадра много сильнѣе его эскадры. Отважившись, изъ жажды отличій, на битву сомнительную, онъ рисковалъ участью всей кампаніи. Еслибъ онъ былъ разбитъ, что казалось весьма вѣроятнымъ, то остаткамъ

нашего флота оставалось только убраться во свояси; и хорошо еще еслибъ удалось убраться. Выиграть битвы онъ никакъ не могъ. Эльфинстонъ не былъ разбитъ, но ничего и не выигралъ. Турки никакъ не предполагали, что одна эскадра рѣшилась атаковать ихъ. Они были увѣрены, что за нею цѣлый флотъ, и... бѣжали.

Между тѣмъ отрядъ, высаженный Эльфинстономъ, не получая никакикъ предписаній, оставался въ бездѣйствіи. Одинъ грекъ, пробравшись обходнымъ путемъ черезъ горы въ Наваринъ, принесъ извѣстіе о прибытіи сухопутнаго отряда и о приближеніи турецкаго флота.

Гр. Орловъ, опасаясь за Эльфинстона, бросившагося очертя голову въ рискованное предпріятіе, и за отрядъ, высаженный на враждебномъ берегу, приказалъ Спиридову идти немедленно къ отряду, забрать его на свои корабли и слѣдовать на помощь къ Эльфинстону.

Спиридовъ удачно исполнилъ порученіе и обѣ эскадры соединились какъ разъ въ то время, когда турки убѣдившись въ малочисленности эскадры Эльфинстона, собрались атаковать ее.

На совѣтѣ гр. Ѳедора Орлова и обоихъ адмираловъ рѣшено было идти на непріятеля. На третій день, около полудня, увидали непріятеля. Передовые корабли Эльфинстона открыли огонь, но разстояніе было слишкомъ велико и ядра не долетали. Турки замѣтивъ, что нашихъ кораблей гораздо больше, чѣмъ они полагали, постарались скрыться. Вѣтеръ имъ благопріятствовалъ. Еще два дня флоты были въ виду другъ друга, но не на такомъ разстояніи, чтобы можно было вступить въ сраженіе. Наконецъ туркамъ уда-

лось совсѣмъ уйти изъ виду русскихъ. Преслѣдовать ихъ не стали, потому что на обѣихъ эскадрахъ не было воды, за которой нужно было идти въ одинъ изъ ближайшихъ портовъ.

По уходѣ эскадры Спиридова, въ Наваринѣ остался главнокомандующій съ однимъ всего кораблемъ, однимъ фрегатомъ и мелкими судами. Турки болѣе и болѣе тѣснили городъ; наконецъ отрѣзали воду. Убѣдившись въ невозможности держаться, гр. Орловъ взорвалъ крѣпость и пошелъ на соединеніе съ флотомъ.

Приходъ главнокомандующаго былъ какъ нельзя болѣе кстати. Онъ нашелъ, что командиры перессорились, а подчиненные въ унынiи. Не разбирая взаимныхъ жалобъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ самъ принялъ команду надъ всѣмъ флотомъ, поднялъ кайзеръ-флагъ и пошелъ искать турокъ.

Подъ кайзеръ-флагомъ въ Россiи никто еще до тѣхъ поръ не командовалъ. Онъ присвоенъ былъ только Высочайшимъ особамъ и дарованъ Императрицей графу Орлову для того, чтобы всѣ отъ мала до велика знали о его необычайныхъ полномочiяхъ и повиновались ему какъ самой Императрицѣ.

Принявъ начальство, главнокомандующій повелъ флотъ къ острову Паросу, гдѣ узналъ, что турки только три дня тому назадъ ушли оттуда. Поспѣшно налившись водой, онъ пустился за ними въ погоню. Теперь всѣ заботы были обращены на то, чтобы отыскать турецкiй флотъ и сразиться съ нимъ. Только совершенное пораженiе его могло поправить дѣла въ Архипелагѣ.

«Если Богу угодно будетъ сокрушить флотъ непрiятельскiй,—писалъ графъ Орловъ Императрицѣ,—

тогда стараться станемъ дѣйствовать союзно съ обитающими народами. Если флотъ побѣдитъ, тогда и денегъ не надобно будетъ; станемъ господами въ Архипелагѣ и постараемся оголодить Константинополь. Въ случаѣ же несчастнаго сраженія, или пребыванія турецкаго флота въ безопасности, въ тѣхъ моряхъ не имѣю надежды остаться зимовать».

Отсюда ясно видно, какъ важно было для насъ уловить турокъ.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ грековъ, турецкій флотъ направился къ сѣверу. Бригадиръ Грейгъ, посланный на рекогносцировку, увидалъ, что турецкій флотъ стоитъ у острова Хіоса. Поэтому рѣшено было идти къ Хіосу, и ежели не окажется тамъ непріятеля, то къ Тенедосу, чтобы не допустить турокъ войти въ Дарданельскій проливъ, считавшійся неприступнымъ.

Главнокомандующій пріѣхалъ на корабль «Евстафій», чтобы съ адмираломъ Спиридовымъ обсудить планъ дѣйствій. Положеніе представлялось въ такомъ видѣ: наши корабли были тяжелы и валки, но хорошо снабжены и вооружены порядочно. Офицеры и команда, вначалѣ неопытные, долговременнымъ и бѣдственнымъ плаваніемъ пріобрѣли большой навыкъ. Начальники были въ разладѣ, главнокомандующій не морякъ, но всѣ высшіе и низшіе одинаково воодушевлены желаніемъ отличиться и пріобрѣсти державѣ своей владычество въ Архипелагѣ. Турецкій же флотъ, о которомъ русскіе хорошо были освѣдомлены черезъ грековъ, хотя и превосходилъ числомъ судовъ, но эти суда были тяжелыя, стариннаго устройства. Турки были плохіе мореплаватели. Всѣ отвѣтственныя должности занимали у нихъ греки; изъ грековъ же наби-

ралась и команда. Теперь греки всѣ разбѣжались, а если бы и явились, то турки не могли на нихъ положиться. При этомъ, турецкіе чины, отъ высшаго до низшаго, были всѣ продажные и думали не о славѣ отечества, а о наживѣ, грабежѣ и жестокостяхъ. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшено было атаковать непріятеля, несмотря на превосходство силъ его.

«Наступило время доказать туркамъ могущество русскаго флота, и прославить имя ваше,—обратился гр. Алексѣй Григорьевичъ къ командѣ.—Богъ, защитникъ отечества нашего, не попустить васъ пасть передъ надменнымъ непріятелемъ. Онъ охранитъ васъ и вы восторжествуете во славу Россіи, во славу Екатерины».

Въ эту минуту появился первый лучъ восходящаго солнца и главнокомандующій, простившись съ командой, возвратился на свой корабль: «Трехъ Іерарховъ».

Погода стояла ясная и тихая. Вѣтеръ безпрестанно мѣнялся и по временамъ совсѣмъ стихалъ. Гр. Орловъ волновался и съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобной минуты. Наконецъ 23-го іюня задулъ свѣжій юго-восточный вѣтеръ. Всѣ обрадовались, въ особенности когда узнали, что наканунѣ турецкій флотъ видѣнъ былъ по восточную сторону Хіоса, между островомъ и берегомъ. Поставивъ всевозможные паруса, флотъ стремительно понесся къ западной сторонѣ Хіоса, чтобы пресѣчь выходъ туркамъ изъ пролива.

Около полудня, Грейгъ, на кораблѣ «Ростиславъ» посланный впередъ, чтобы высмотрѣть непріятеля, поднялъ въ 5 ч. веч. сигналъ: «вижу непріятельскіе корабли». Орловъ поспѣшилъ съ флотомъ обогнуть островъ, но стемнѣло прежде, чѣмъ успѣли подойти ко входу въ проливъ. Нападеніе пришлось отложить

до утра. Вѣтеръ былъ свѣжій, попутный въ каналъ. Всю ночь флотъ держался подъ малыми парусами.

Тѣмъ временемъ сдѣланы были нѣкоторыя распоряженія относительно наступленія. Рѣшено было идти на непріятеля въ одну линію, раздѣливъ флотъ на три части: передняя, авангардъ, подъ начальствомъ адмирала Спиридова, состояла изъ кораблей: «Европа», «св. Евстафій», подъ адмиральскимъ флагомъ (на немъ же присутствовалъ гр. Федоръ Орловъ), и «Три Святителя».

Средняя, кордебаталія, подъ управленіемъ самого гр. Алексѣя Григорьевича, состояла изъ кораблей: «Іаннуарій», «Трехъ Іерарховъ» подъ флагомъ графа и подъ командою Грейга и «Ростиславъ».

Арьергардъ, подъ начальствомъ Эльфинстона, составляли корабли: «Не тронь меня», — флагманскій, «Святославъ» и «Саратовъ».

Три фрегата и до 13 греческихъ судовъ должны были слѣдовать позади кораблей.

Чуть разсвѣло, на кораблѣ главнокомандующаго подняли сигналъ: «Гнать за непріятелемъ». Весь флотъ началъ тотчасъ спускаться въ Хіосскій проливъ. Въ началѣ 7-го часа разсмотрѣли турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ подъ Анатолійскимъ берегомъ. Онъ состоялъ изъ 17-ти линейныхъ кораблей, 4-хъ фрегатовъ и 50-ти разныхъ судовъ.

Хіосскій проливъ между островомъ Хіосъ и анатолійскимъ берегомъ имѣетъ 15 верстъ въ длину и столько же въ ширину. На анатолійскомъ берегу находится знаменитая отнынѣ Чесменская бухта, а въ глубинѣ ея крѣпость и городъ Чесмэ.

Турецкій флотъ образовалъ удлиненную двойную подкову на разстояніи версты отъ берега. На берегу

былъ раскинутъ лагерь съ значительнымъ отрядомъ войскъ. Послѣ узнали отъ плѣнныхъ, что изъ этого отряда предполагали пополнять убыль на корабляхъ. Какъ видно турки ожидали продолжительнаго сраженія.

Турецкій главнокомандующій, капитанъ-паша, имѣлъ флагъ на передовомъ кораблѣ, но самъ находился на берегу. За него командовалъ извѣстный своей отвагой Гассанъ-бей. Этотъ замѣчательный человѣкъ, сынъ грека, былъ еще въ дѣтствѣ похищенъ морскими разбойниками. Послѣ долгихъ странствованій онъ попалъ на службу къ султану, который полюбилъ его и называлъ «своимъ львомъ».

Положеніе турокъ вообще было грозное. Они, видимо, приготовились дать сильный отпоръ. «Увидя такое сооруженіе»,—доносилъ гр. Орловъ, я ужаснулся и былъ въ недоумѣніи, что мнѣ предпринять должно. Но храбрость войскъ Вашего Императорскаго Величества принудила меня рѣшиться, и несмотря на превосходныя силы непріятеля, отважиться атаковать; пасть или истребить непріятеля.

Начать бой порѣшили съ ближайшихъ кораблей, съ праваго крыла, занимая каждый непріятельскій корабль однимъ нашимъ, а когда эти будутъ сбиты, напасть на остальные.

Въ 11-мъ часу наша линія была выстроена и корабли стали спускаться на непріятеля. Когда передовой корабль «Европа» подошелъ на пушечный выстрѣлъ, непріятель открылъ огонь по немъ и другимъ кораблямъ. Наши двигались молча, пока не подошли на пистолетный выстрѣлъ. Тогда корабли, поворотясь бортомъ къ непріятелю, начали изъ всѣхъ орудій разить врага.

Когда корабль «Европа» приблизился къ передовому турецкому кораблю, греческій лоцманъ доложилъ командиру Клокачеву, что близко подводные камни и требовалъ, чтобы немедленно поворотили. Командиръ не соглашался, но наконецъ долженъ былъ уступить и корабль «Европа» вышелъ изъ линіи. Его мѣсто занялъ адмиральскій корабль «Евстафій». Полагая, что Клокачевъ струсилъ, адмиралъ закричалъ ему: «поздравляю васъ матросомъ!» Но Клокачевъ, какъ увидимъ ниже, не былъ трусомъ и вполнѣ заслужилъ георгіевскій крестъ. Пропустивъ другіе корабли, онъ снова вошелъ въ линію и вступилъ въ самый жаркій бой.

На «Евстафій» теперь направлены были выстрѣлы трехъ кораблей. Спиридовъ ходилъ по шканцамъ съ обнаженною саблею, имѣя на груди пожалованный Императрицею образъ. На ютѣ у него играли музыканты, которымъ приказано было «играть до послѣдняго». За «Евстафіемъ» слѣдовалъ корабль «Трехъ Святителей», вступившій въ бой почти въ одно время съ нимъ. Черезъ полчаса на этомъ кораблѣ перебиты были снасти и онъ, не имѣя возможности управляться, упалъ за линію, почти въ средину турецкаго флота. «Іаннуарій» прошелъ выше него, но за тѣснотою линіи долженъ былъ поворотить. Корабль «Трехъ Іерарховъ», съ главнокомандующимъ также прошелъ выше «Трехъ Святителей», и не распознавъ его въ густотѣ дыма, палилъ по немъ. Между тѣмъ корабль «Трехъ Святителей» выбрался на вѣтеръ, «Іаннуарій» снова вошелъ въ линію и легъ за кораблемъ главнокомандующаго; за нимъ вошелъ корабль «Европа»; за «Европою» — «Ростиславъ». Задніе три корабля отряда Эльфинстона только передъ концемъ битвы стали входить въ линію, издалека гремя своими орудіями.

Сраженіе сдѣлалось общимъ. Всѣ шесть кораблей дѣйствовали мѣтко и проворно. Былъ въ исходѣ второй часъ. Вѣтеръ отъ выстрѣловъ совсѣмъ стихъ. Усиленный бой продолжался непрерывно. Въ самомъ жаркомъ огнѣ находился «Евстафій». Онъ бился противъ трехъ линейныхъ кораблей, но главные выстрѣлы направлялъ на 90-пушечный «Реалъ-Мустафа», гдѣ находился Гассанъ-бей. Теченіемъ понесло «Евстафій» на турецкій корабль такъ, что бушпритъ его очутился между гротъ и бизань мачтой. Наши перебѣжали на турецкій корабль, и начался отчаянный рукопашный бой.

Одинъ матросъ протянулъ руку, чтобъ схватить съ кормы турецкій флагъ, рука ему была отсѣчена. Онъ протянулъ другую; и ее постигла та же участь. Тогда онъ схватился за флагъ зубами, но проколотый насквозь, упалъ навзничъ съ флагомъ въ зубахъ.

Обезумѣвшіе турки начали бросаться за бортъ цѣлыми сотнями. На шкафутѣ [1]) былъ найденъ израненный Гассанъ-бей, защищавшійся до послѣдней минуты. Одинъ изъ нашихъ солдатъ кольнулъ его штыкомъ въ ногу. Гассанъ бросился въ воду, былъ подхваченъ гребными судами и увезенъ въ Чесму.

Гр. Орловъ, бывшій самъ въ сраженіи съ двумя кораблями, велѣлъ отрубить канатъ, чтобъ идти на помощь къ «Евстафію», но увидавъ, что турки спасаются на берегъ, вообразилъ, что турецкій корабль взятъ и остался на мѣстѣ.

Между тѣмъ командиръ «Евстафія» Крузъ, съ ужасомъ замѣтилъ, что турецкій корабль внутри загорѣлся. Пламя быстро перебѣжало по снастямъ и

[1]) Мѣсто между бакомъ и шканцами.

мачтамъ и нѣсколько минутъ спустя весь кораблъ пылалъ.

Видя неминуемую опасность для своего корабля, Крузъ всѣми силами старался отбуксировать его гребными судами, но это ему не удалось. Тогда онъ бросился заливать крюйтъ камеру; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, гротъ-мачта горѣвшаго корабля упала поперегъ нашего. Искры посыпались въ крюйтъ камеру и «Евстафій» взлетѣлъ на воздухъ. Вслѣдъ за нимъ взлетѣлъ и турецкій корабль.

Еще до этой катастрофы, многіе турецкіе корабли поспѣшили укрыться подъ Чесмою; когда же увидали, что ихъ флагманъ взлетѣлъ на воздухъ, то весь турецкій флотъ охватила такая паника, что онъ отрубилъ канаты и на всѣхъ парусахъ полетѣлъ спасаться въ Чесменскую бухту.

Такъ кончилось первое дѣйствіе знаменитой чесменской битвы. Всѣ гребныя суда были посланы къ мѣсту взрыва и тамъ еще происходила ожесточенная борьба между нашими и турецкими судами. Съ берега безпрестанно стрѣляли, и это варварство такъ ожесточило нашихъ, въ особенности грековъ, что они уже не щадили попадавшихся на обломкахъ турокъ. Капитанъ взорваннаго турецкаго корабля, раненый въ руку и ногу, былъ взятъ на нашу шлюпку, но одинъ раздраженный грекъ столкнулъ его въ воду, а другой пустилъ пулю. Несчастный держался еще нѣсколько времени, поспѣшая къ другой шлюпкѣ; но послѣдовалъ новый выстрѣлъ и онъ погрузился въ воду.

Командиръ «Евстафія», капитанъ Крузъ, спасся чудеснымъ образомъ. Когда горѣвшая мачта упала на крюйтъ-камеру, Крузъ, предвидя катастрофу, всего за

ЧЕСМЕНСКІЙ БОЙ.

нѣсколько секундъ до взрыва, весь опаленный, бросился къ кормѣ, чтобы, спустившись по трапу, ухватиться за бакштовъ [1]); но не успѣвъ этого сдѣлать, взлетѣлъ на воздухъ и былъ сброшенъ въ море. Вынырнувъ, онъ увидалъ около себя большой обломокъ дерева, за который и ухватился. Оказалось однако, что обломокъ не держитъ его, и вмѣстѣ съ нимъ погружается въ воду. Тогда Крузъ вспомнилъ, что его карманы набиты червонцами, которые онъ напихалъ туда въ минуту опасности. Живо опорожнивъ карманы, онъ облегчилъ себя до того, что могъ подплыть къ мачтѣ, на которой держались еще двое моряковъ съ «Евстафія», мичманъ Слизовъ и артиллерійскій прапорщикъ Миллеръ. Послѣдній, увидавъ своего капитана, позабылъ о катастрофѣ и тотчасъ же закричалъ—«Александръ Ивановичъ, а, Александръ Ивановичъ, каково я палилъ?» Эти отношенія вполнѣ обрисовываютъ Круза какъ начальника. Нѣсколько минутъ спустя, всѣ трое взяты были на гребное судно. Судьба спасла отважнаго моряка, впослѣдствіи адмирала, ревностно послужившаго отечеству и отличившагося въ троекратномъ сраженіи со шведами въ виду Кронштадта.

Съ «Евстафіемъ» погибло 628 человѣкъ, въ томъ числѣ 30 офицеровъ. Спаслось же 10 офицеровъ и 51 нижній чинъ. Прочіе суда мало пострадали. Адмиралъ Спиридовъ и гр. Федоръ Орловъ съѣхали съ корабля еще до взрыва.

Въ разгарѣ боя, гр. Алексѣй Григорьевичъ сильно тревожился за брата. Когда же «Евстафій» взлетѣлъ на воздухъ, онъ вскрикнулъ: «Ахъ», братъ! и вспле-

[1]) Веревка, которою привязываются за кормою гребныя суда.

снувъ руками, уронилъ въ море подаренный Императрицей перстень, съ которымъ онъ никогда не разставался. Онъ метался какъ изступленный и кричалъ: «братъ мой погибъ!» Казалось онъ лишился разсудка. Но потомъ, придя въ себя, крикнулъ: «Отомстимъ нечестивымъ за пролитіе крови христіанской...» и полетѣлъ на своемъ кораблѣ за непріятелемъ. Весь флотъ за нимъ, производя жестокую пальбу.

Сначала за дымомъ ничего не было видно; но когда воздухъ очистился, наши увидали, что турецкій флотъ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ остановился въ Чесменской бухтѣ. Тотчасъ же главнокомандующій отдалъ приказъ нашему флоту стать на якорь, и запереть турокъ въ бухтѣ.

Едва корабль «Трехъ Іерарховъ» всталъ на якорь, какъ подошла къ нему шлюпка и молодой Спиридовъ, посланный Крузомъ, привезъ извѣстіе, что адмиралъ и гр. Федоръ Григорьевичъ, милостью Божіею спасены.

Главнокомандующій нѣсколько разъ заставлялъ повторять себѣ это извѣстіе. Потомъ, со слезами на глазахъ обнялъ вѣстника радости и подарилъ ему табакерку, осыпанную брилліантами, цѣною въ 10,000 р.

„Его веселіе героевъ утѣшало,
Какъ будто бы у всѣхъ по брату воскресало.
Сокровища свои онъ вѣстнику вручилъ,
Вѣшая: отъ тебя я больше получилъ“.

Херасковъ.

Вслѣдъ за вѣстникомъ, прибыли и сами спасенные, съ восторгомъ встрѣченные всѣмъ экипажемъ. Братья бросились другъ другу въ объятія.

Отслуживъ молебенъ, гр. Алексѣй Григорьевичъ созвалъ совѣтъ изъ адмираловъ и капитановъ. Рѣшили атаковать и сжечь непріятельскій флотъ, стоящій

въ бухтѣ. Съ этой цѣлью, немедля, стали готовить брандеры [1]) изъ бывшихъ при флотѣ греческихъ судовъ.

Турецкій флотъ лежалъ безпорядочно въ самой глубинѣ бухты. Только четыре корабля были выстроены въ линію. На сѣверномъ мысу стояла батарея; другую стали строить на южномъ. Турки надѣялись отразить русскихъ; но опытный полководецъ Гассанъ-бей, предвидя пагубное послѣдствіе заключенія флота въ бухтѣ, совѣтовалъ, не теряя ни минуты, построясь въ двѣ колонны, прорваться черезъ русскую линію и выйти на просторъ. Но его умнаго совѣта не послушали.

Нашъ флотъ расположился передъ устьемъ бухты полукружіемъ. Въ центрѣ былъ корабль «Трехъ Іерарховъ», на флангахъ—«Европа» и «Саратовъ». Съ обоихъ флотовъ, время отъ времени, производили пальбу, но по дальности разстоянія—безвредную.

25-го іюня брандеры были готовы. Для наступленія, назначеннаго въ ту же ночь, были отдѣлены корабли: «Европа», «Ростиславъ», «Не тронь меня» и «Саратовъ»; фрегаты: «Надежда» и «Африка»; бомбардирское судно «Громъ» [2]) и четыре брандера, на которыхъ вызвались охотниками: капитанъ-лейтенантъ Дугдаль, лейтенанты Мэкензи, Ильинъ и мичманъ, князь Гагаринъ. Начальство надъ всѣмъ отрядомъ поручено было бригадиру Грейгу, который пересѣлъ на корабль «Ростиславъ».

Въ приказѣ главнокомандующаго Грейгу говори-

[1]) Брандеръ—судно, наполненное горючими веществами, употреблялось для зажиганія непріятельскихъ кораблей.

[2]) На которомъ находился Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ, дѣдъ Пушкина.

лось между прочимъ: «наше дѣло должно быть рѣшительное, чтобъ оный флотъ побѣдить и раззорить, не продолжая времени, безъ чего здѣсь, въ Архипелагѣ, не можемъ мы имѣть къ дальнимъ побѣдамъ свободныя руки».

Наступила тихая, лунная ночь. Въ началѣ 12-го часа, на «Ростиславѣ» подняли три фонаря, сигналъ повторили на всѣхъ судахъ, назначенныхъ къ атакѣ, и всѣ немедленно стали сниматься съ якоря. Первому слѣдовало идти фрегату «Надежда», но онъ замѣшкался. Спиридовъ съ корабля «Трехъ Іерарховъ» крикнулъ въ рупоръ Клокачеву, командиру «Европы», чтобы онъ, не дожидаясь другихъ, спѣшилъ идти. Тотъ самый Клокачевъ, котораго адмиралъ Спиридовъ поздравлялъ матросомъ, быстро наполнилъ паруса, лихо подлетѣлъ къ непріятельскимъ кораблямъ и всталъ на шпрингъ [1]) въ разстояніи отъ нихъ 200 саженъ. Втеченіи получаса онъ одинъ выдерживалъ битву съ цѣлымъ флотомъ. Въ половинѣ перваго подошли остальные суда и заняли линію. Слишкомъ часъ продолжался ужасный огонь съ обѣихъ сторонъ. Въ началѣ второго часа отъ нашей бомбы загорѣлся парусъ на турецкомъ кораблѣ. Огонь живо перебѣжалъ на снасти и мачты и затѣмъ охватилъ весь корабль. Вслѣдъ за нимъ занялся и другой. У насъ прокричали побѣдное ура! съ «Ростислава» взвились три ракеты и по этому сигналу пустились брандеры. Чтобы не повредить ихъ, съ нашихъ кораблей прекращена была пальба. Брандеры летѣли съ попутнымъ вѣтромъ, освѣщенные съ одной стороны луною, съ другой—заревомъ двухъ горѣвшихъ кораблей.

[1]) Стать на шпрингъ значитъ поставить корабль на якорь такимъ образомъ, чтобы помощью канатовъ онъ могъ вращаться во всѣ стороны.

Дугдаль, на своемъ брандерѣ, врѣзался въ самую середину непріятельскаго флота. Ему хотѣлось сжечь корабль, стоявшій между двухъ уже пылавшихъ кораблей. Но когда брандеръ подошелъ къ нимъ, страшный огонь произвелъ въ командѣ такую панику, что матросы побросались въ шлюпки, оставивъ своего командира на произволъ судьбы. Дугдалъ, продолжая распоряжаться, не скоро замѣтилъ, что онъ одинъ. Отчаяніе удвоило его силы. Давъ послѣднее напряженіе своему брандеру, онъ взялъ фитиль и зажегъ его. Первая вспышка сильно обожгла ему лицо. Кинувшись въ воду, онъ добрался до своей шлюпки и былъ доставленъ на корабль «Трехъ Іерарховъ». Команда была строго наказана и понижена во вторую статью.

Лейтенантъ Мэкензи, на своемъ брандерѣ, слишкомъ близко подошелъ къ лѣвому берегу и попалъ на мель. Не имѣя возможности сняться, онъ зажегъ брандеръ, чѣмъ лишилъ возможности дѣйствовать береговую батарею. Фрегатъ «Надежда», воспользовался этимъ, подошелъ и открылъ огонь по батареѣ, безъ всякаго вреда для себя. Между тѣмъ Мэкензи, стараясь вознаградить себя за неудачное предпріятіе, на шлюпкѣ пробрался по лѣвому берегу къ турецкимъ галерамъ, вывелъ нѣкоторыя изъ огня и привелъ къ флоту плѣнными.

Лейтенантъ Ильинъ, на своемъ брандерѣ, пошелъ прямо къ 84-пушечному турецкому кораблю, стоявшему въ группѣ другихъ, и не смотря на страшную опасность сцѣпился съ нимъ. На глазахъ непріятельскаго экипажа, онъ зажегъ свой брандеръ, своими руками воткнулъ горящій брандскугель въ турецкій корабль и неторопливо спустился въ шлюпку. Отъѣхавъ

на нѣкоторое разстояніе, онъ крикнулъ матросамъ: «Суши весла!» и остановившись, сталъ любоваться результатомъ своего поступка. А результатъ былъ ужасенъ. Съ страшнымъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ громадный турецкій корабль и засыпалъ горящими обломками ближайшихъ своихъ сосѣдей. Тѣ въ свою очередь загорались и гибли, заглушая раскатами взрывовъ даже громъ нѣсколькихъ сотъ орудій. Тогда убѣдившись въ удачномъ исходѣ своего дѣла, Ильинъ со всей командой возвратился на корабль «Трехъ Іерарховъ».

„Онъ бросилъ молніи въ ихъ плавающи домы
Ударили со всѣхъ сторонъ отъ Россовъ громы.
Подъемлютъ якоря, отъ смерти убѣгаютъ,
Но кроясь отъ огня, другъ друга сожигаютъ.

Херасковъ.

Мичманъ Гагаринъ на четвертомъ брандерѣ, подойдя съ подвѣтренной стороны, зажегъ свой брандеръ и пустилъ его по вѣтру. Весьма вѣроятно, что этотъ брандеръ тоже не мало причинилъ вреда непріятелю, но въ дыму отъ множества загорѣвшихся турецкихъ кораблей, невозможно было удостовѣриться въ этомъ. Впрочемъ поступокъ Гагарина найденъ былъ неправильнымъ, и несоотвѣтствующимъ распоряженіямъ высшаго начальства.

Когда дѣло брандеровъ было окончено и команды ихъ оказались въ безопасности, съ эскадры Грейга снова началась пальба, а прикрывавшій эскадру флотъ открылъ изъ всѣхъ орудій бѣглый огонь безъ снарядовъ. Турки, не знавшіе этого, пришли въ сильное замѣшательство и считали гибель неизбѣжною. Пальба съ ихъ стороны прекратилась. Корабли взрывались одинъ за другимъ. Словно фугасы небывалыхъ размѣ-

ровъ, начиненные тысячами пудовъ пороха, поднимались они изъ воды, истребляя все, и жизнь, и достояніе. Вся бухта пылала. Раскаленныя пушки сами стрѣляли и убивали своихъ же людей. Взрывы, потрясая воду и воздухъ, отдавались на большое разстояніе. Пламя и дымъ заслонили свѣтъ луны;

Графъ ОРЛОВЪ ЧЕСМЕНСКІЙ.

бухта наполнилась трупами и обломками; вода покрылась золою и кровью. Трупы до такой степени запрудили портъ, что въ немъ едва можно было двигаться въ шлюпкѣ. Обезумѣвшіе турки уже не думали о корабляхъ своихъ; стараясь спастись, они топили другъ друга. Большая часть гребныхъ судовъ или затонули,

или опрокинулись отъ множества людей, уцѣпившихся за нихъ. Разсвѣтало. Наши корабли поспѣшили вывести еще не загорѣвшіяся непріятельскія суда, но успѣли взять только одинъ корабль и шесть галеръ. Сгорѣло: 15 кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ. Потери турокъ достигали, по ихъ собственнымъ указаніямъ до 10,000 человѣкъ. Наши потери были ничтожны. Грейгъ, видя, что дѣло кончено и что въ бухтѣ не осталось не только ни одного корабля, но даже ни одной шлюпки, снялся съ якоря и вышелъ на соединеніе съ гр. Орловымъ. Приближаясь, онъ салютовалъ ему 21 выстрѣломъ; съ «Трехъ Іерарховъ» отвѣтили тѣмъ же числомъ. Затѣмъ Грейгъ отправился съ донесеніемъ къ главнокомандующему и былъ принятъ съ живѣйшею радостью.

Побѣда была полная. Истребленъ весь турецкій флотъ. Мы пріобрѣтали полное владычество на водахъ Архипелага; намъ открывалась дорога въ Константинополь. Весь міръ изумился, услышавъ о безпримѣрномъ подвигѣ дотолѣ неизвѣстнаго никому флота. Султанъ впалъ въ отчаяніе и съ часа на часъ ожидалъ появленія грозныхъ русскихъ кораблей подъ окнами своего дворца. Турки, какъ оказалось потомъ, готовились уже оставить крѣпости въ Дарданеллахъ. А мы ничѣмъ этимъ не воспользовались и прорваться въ Дарданеллы не рѣшились, считая ихъ неприступными. Еще четыре года оставался нашъ флотъ въ Архипелагѣ, производя болѣе или менѣе удачныя операціи и занявъ нѣкоторые острова. Турки же, тѣмъ временемъ, успѣли оправиться, принялись строить новыя суда и вскорѣ морскія силы ихъ достигли значительныхъ размѣровъ.

Всѣ участники Чесменскаго боя были щедро награж-

дены Великой Екатериной. Главнокомандующій, сверхъ прочихъ наградъ, получилъ титулъ Орлова-Чесменскаго; Спиридовъ – орденъ Андрея Первозваннаго. По всей Россіи торжествовали побѣду нашихъ моряковъ на далекихъ моряхъ. Въ Петербургѣ устраивались народные праздники; при Дворѣ шли безпрестанныя торжества. Въ память событія выбита была медаль, изображавшая: съ одной стороны — портретъ Императрицы Екатерины II, а съ другой—горящій турецкій флотъ съ надписью: «Былъ». День Чесменской побѣды установлено праздновать ежегодно. Кромѣ того, въ память Чесменскаго боя устроена близъ Петербурга богадѣльня, которая существуетъ и понынѣ.

Въ Петербургѣ, по совершеніи молебствія за одержанную побѣду, въ присутствіи Государыни, отпѣта была панихида по основателѣ флота, Петрѣ Великомъ. Митрополитъ Платонъ, говоря при этомъ рѣчь, приблизился къ гробницѣ Государя и произнесъ: «Возстань Великій Монархъ, Отечества нашего Отецъ! Возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое! Оно не истлѣло отъ времени и слава его не помрачилась! Возстань и насладись трудами рукъ твоихъ»!

Четырехлѣтнее пребываніе нашего флота въ Архипелагѣ, хотя и не ознаменовалось особыми событіями, но оно сослужило не малую службу тѣмъ, что безпрестанно тревожило турокъ. Въ 1774 г. Румянцевская армія успѣшно дѣйствовала противъ турокъ на Дунаѣ; генералъ Каменскій ловко маневрировалъ, отрѣзавъ турокъ отъ Константинополя, и турецкій главнокомандующій долженъ былъ сдаться или просить мира. Въ лагерѣ Румянцева, въ Кучукъ-Кайнарджи, былъ заключенъ 10 іюля выгодный для Россіи миръ, который признавъ мнимую независимость татаръ, въ сущ-

ности подчинилъ ихъ Россіи. Городъ Азовъ и крѣпости Еникале, Керчь и Кинбурнъ оставлены за нами. Черное море открыто для нашихъ судовъ на одинаковыхъ правахъ съ другими державами. Туркамъ мы возвратили занятыя нами Бессарабію, Молдавію и Валахію и острова Греческаго Архипелага съ условіемъ не мстить жителямъ, не стѣснять вѣроисповѣданія, не взыскивать повинностей за время ихъ пребыванія подъ властью Россіи и не препятствовать желающимъ переселяться въ другія мѣста.

Какъ только прибыло въ столицу извѣстіе о мирѣ, нашъ флотъ получилъ предписаніе вернуться въ Кронштадтъ.

Въ поэмѣ Хераскова о Чесменскомъ боѣ, мы читаемъ между прочимъ слѣдующія строки:

„О еслибы войну забыли человѣки
„Давно бы на землѣ текли златые вѣки.
„Но близокъ можетъ быть приходъ златыхъ вѣковъ
„И греки изъ своихъ исторгнуты оковъ
„Изъ вѣчныхъ книгъ сіи пророчества читаю,
„Увидимъ!.. Я молчу и лиру покидаю"!

Часть этого пророчества уже осуществилась; остальному положено основаніе на конференціи въ Гаагѣ въ 1899 г. Помоги Богъ!

Дѣйствія Русскаго флота на моряхъ Азовскомъ, Черномъ и Средиземномъ.

Адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ.

Продолжительныя войны въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой дали возможность выдвинуться многимъ замѣчательнымъ людямъ. Въ ряду такихъ людей, озаренныхъ славой и отмѣченныхъ исторіей, видное мѣсто занимаетъ адмиралъ Ушаковъ, оцѣненный Потемкинымъ и избранный имъ въ начальники Черноморскаго флота.

Адмиралъ этотъ, бичъ и гроза турокъ, извѣстный между ними подъ именемъ «Ушакъ-паши», долженъ по всей справедливости занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ знаменитыхъ военачальниковъ и быть предметомъ признательности самаго отдаленнаго потомства. Суворовъ, не любившій разсыпать похвалы тамъ, гдѣ не слѣдовало, и уважавшій одно истинное достоинство, высоко цѣнилъ Ушакова и воздавалъ ему должное [1]).

[1]) Разсказываютъ, что однажды пріѣхалъ къ нему отъ Ушакова курьеръ, нѣмецъ. Суворовъ, выслушавъ его донесеніе, спросилъ: «А что, здоровъ ли мой другъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ?» Курьеръ, знавшій Ушакова только по фамиліи, сначала опѣшилъ, но догадавшись съ чемъ дѣло, отвѣтилъ: «Господинъ фонъ-Ушаковъ здоровъ и свидѣтельствуетъ Вашему Сіятельству глубочайшее почтеніе. Пошелъ ты съ своимъ «фонъ» кри-

Ушакову суждено было служить тремъ царствованіямъ и быть дѣятельнымъ участникомъ въ войнѣ, предпринятой Императоромъ Павломъ противъ французской республики. Онъ понесъ русскій флагъ по водамъ Средиземнаго моря также величаво, какъ прежде того ограждалъ Черное море отъ турецкихъ морскихъ силъ.

Отвага и мужество Ушакова не уступали благородству его характера. Во время службы Д. Н. Сенявина на Черномъ морѣ, между нимъ и Ушаковымъ возникли недоразумѣнія. Когда же, въ 1805 г. снаряжалась эскадра въ Средиземное море и говорили, что еще не знаютъ, кто будетъ ея начальникомъ, Ушаковъ, жившій тогда въ Петербургѣ, сказалъ: «я не люблю Сенявина, но еслибъ отъ меня зависѣло, я избралъ бы его». Такой же отвѣтъ далъ онъ довѣренному Императора Александра, посланному къ нему съ такимъ же вопросомъ, и Сенявинъ былъ назначенъ.

Кромѣ военныхъ заслугъ, адмиралъ Ушаковъ заявилъ себя какъ талантливый администраторъ и искусный дипломатъ. Умѣнье, съ какимъ онъ, въ трудныя минуты, поддерживалъ достоинство русскаго флага, увеличиваетъ значеніе его личности и придаетъ особенную цѣну всѣмъ подробностямъ его многосторонней дѣятельности.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ родился въ 1745 году въ Темниковскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, отъ недостаточныхъ родителей, оставившихъ ему въ наслѣдство 29 ревизскихъ душъ. Фамилія Ушаковыхъ принадлежитъ къ древнимъ дворянскимъ фамиліямъ.

кнулъ на курьера чудакъ Суворовъ. Онъ не „фонъ“, а знаменитый полководецъ. Онъ громитъ турокъ, онъ потрясъ Константинополь и Дарданеллы. Этого человѣка надо называть Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Она происходитъ отъ Ушака, праправнука Редѣди, князя Коссогской орды.

Родители Ѳ. Ѳ. были честные благочестивые люди.

АДМИРАЛЪ Ѳ. Ѳ. УШАКОВЪ.

(Съ гравюры въ библіотекѣ Морского Министерства).

До 16 лѣтъ Ушаковъ жилъ въ деревнѣ, пользовался полной свободой, ходилъ на охоту и развивалъ свои физическія силы. Что же касается ученья, то оно ограничивалось только тѣми познаніями, которыя могъ передать ему сельскій священникъ. Съ такою то подго-

товкою поступилъ юноша Ушаковъ въ морской, по тогдашнему, шляхетскій корпусъ.

Корпусъ этотъ былъ тогда немного лучше бурсы. Образованіе въ немъ давалось скудное, воспитанія — никакого. Неудивительно, что при подобныхъ условіяхъ, къ характеру самаго лучшаго воспитанника прививалась нѣкоторая рѣзкость и угловатость, которая оставалась потомъ на всю жизнь. Въ 1766 г. Ушаковъ былъ произведенъ въ мичмана, первымъ изъ 59-ти, а въ 1768 г. назначенъ въ черноморскій флотъ. Въ славномъ дѣлѣ при Чесмѣ Ушаковъ не принималъ участія. Онъ состоялъ тогда при флотиліи въ устьяхъ Дона.

Прослуживъ отечеству вѣрою и правдою 49 лѣтъ, Ушаковъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ Тамбовскомъ имѣніи, гдѣ и скончался въ 1817 году.

Когда во время французской войны снаряжалось ополченіе, и дворянство жертвовало, кто чѣмъ могъ, Ушаковъ принесъ въ даръ отечеству драгоцѣнное брилліантовое перо на шляпу и пять мѣдныхъ пушекъ, подаренныхъ ему султаномъ Селимомъ III въ память начальствованія его надъ русско-турецкимъ флотомъ въ 1798—99 г. Императоръ Александръ, оцѣнивъ подобное приношеніе, приказалъ возвратить его владѣльцу, чтобы этотъ знакъ его подвиговъ оставался и сохранялся въ его потомствѣ.

Екатерининскія войны съ Турціею 1774—1787 годъ.

Въ 1774 году, на Оттоманскій престолъ вступилъ Абдулъ-Гамидъ, задумавшій отмстить русскимъ за прежнія пораженія. Не отважившись дѣйствовать въ Архипелагѣ, гдѣ уже господствовалъ русскій флотъ, Абдулъ-Гамидъ приготовился къ наступательнымъ дѣйствіямъ

Изображеніе покойнаго Господина Генералъ-
фельдмаршала Князя Григорья Александровича
Потемкина-Таврическаго начальствовавшаго Россіи
скою Императорскою армиею на приступъ
и при взятьѣ Очакова Декабря 6 дня 1788 года.

въ Черномъ морѣ противъ малочисленнаго азовскаго флота. Онъ употребилъ всѣ средства къ достиженію успѣха, но подобно предшественникамъ своимъ испыталъ непобѣдимость русскихъ воиновъ. Въ эту эпоху Ушаковъ, уже въ чинѣ лейтенанта командовалъ кораблемъ «Модонъ» съ которымъ, въ числѣ другихъ судовъ, находился въ Балаклавѣ для защиты гавани и крѣпости отъ нападенія турецкихъ дессантныхъ войскъ. Послѣ заключенія въ Кучукъ-Кайнарджи мира съ Турціею, Балаклавская эскадра, въ томъ числѣ и «Модонъ» продолжала крейсировать у сосѣднихъ береговъ до тѣхъ поръ, пока турецкія войска не сѣли на суда и не отплыли въ Константинополь.

Вскорѣ послѣ этого Ушаковъ переведенъ былъ въ Балтійскій флотъ, откуда нѣсколько лѣтъ спустя возвращенъ Черноморскому флоту.

Недовольная своимъ положеніемъ, Турція старалась всѣми силами вредить намъ, посылая отъ времени до времени своихъ агентовъ въ Крымъ бунтовать татаръ. Ограждая безопасность нашихъ южныхъ областей, Екатерина признала необходимымъ окончательно присоединить къ Россіи крымскій полуостровъ. Для исполненія такого важнаго по государственному значенію плана нуженъ былъ человѣкъ обширнаго ума и сильной воли. Такимъ человѣкомъ былъ въ глазахъ Екатерины Потемкинъ, котораго она и назначила Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ съ обширными, почти неограниченными, полномочіями.

Потемкинъ, изнѣженный и избалованный царедворецъ, отправился въ походъ съ огромнымъ штатомъ. При немъ состояло: 600 лакеевъ, 200 музыкантовъ, 100 вышивальщицъ, 20 поваровъ, цѣлая балетная труппа и т. д.

Но всѣ эти чудачества великолѣпнаго князя Тавриды, не помѣшали ему блистательно оправдать довѣріе Государыни. Въ 1783 году Крымъ былъ присоединенъ къ Россійской Державѣ безъ кровопролитія и даже безъ выстрѣла. Новороссійскому губернатору, князю Потемкину, дарованъ былъ титулъ «Таврическаго».

Пріобрѣтеніе столькихъ водъ и прибрежныхъ земель дало возможность развить наши морскія силы. Учреждены были многія гавани, верфи и на южной оконечности Крымскаго полуострова заложенъ Севастополь.

На берегахъ Ахтъярской бухты (Корсунскаго сиваша) процвѣталъ за восемь вѣковъ передъ тѣмъ шумный торговый городъ, видѣвшій въ стѣнахъ своихъ крещеніе св. Владиміра. Время почти изгладило существованіе этого города. Когда въ 1783 г. русскіе суда подошли къ давно оставленному и забытому мѣсту, чтобы снова водрузить тамъ крестъ и основать сильный военный портъ, берега бухты покрыты были мелкимъ лѣсомъ да кустарникомъ, и только бѣдная татарская деревушка виднѣлась въ самомъ отдаленномъ углу. По имени этой деревушки, новый городъ названъ былъ Ахтъяромъ (бѣлая или мѣловая гора). Вскорѣ Потемкинъ, словно предрекая новорожденному городу великую будущность, переименовалъ его въ Севастополь, что значитъ на греческомъ языкѣ «знаменитый городъ».

Въ половинѣ 1783 г. прибыли изъ Кронштадта морскія команды и въ числѣ офицеровъ — Ушаковъ. На верфяхъ Херсона и Севастополя началось дѣятельное судостроеніе и въ 1784 г. крейсировала уже у крымскихъ береговъ эскадра, состоявшая изъ 5 кораб-

лей и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Въ 1785 г. князю Потемкину-Таврическому поручено было управленіе черноморскимъ флотомъ. Положено имѣть: 12 линейныхъ кораблей, 20 фрегатовъ, 23 транспорта, нѣсколько мелкихъ судовъ и 13,500 матросовъ, обученіе которыхъ ввѣрено было графу Войновичу (черногорцу родомъ) и Ушакову. Тутъ то свѣтлѣйшій имѣлъ возможность познакомиться съ Ѳ. Ѳ. и оцѣнить его. Генеральсъ-адъютантомъ въ свой штабъ онъ взялъ Дмитрія Николаевича Сенявина. Такимъ образомъ развивающійся черноморскій флотъ украсился многими выдающимися людьми въ числѣ которыхъ Ушаковъ и Сенявинъ занимаютъ видное мѣсто.

Въ 1787 г. 22-го мая прибыла Императрица Екатерина для осмотра своихъ новыхъ владѣній. Ей сопутствовала блестящая свита, въ томъ числѣ Австрійскій императоръ Іосифъ II, принцы Нассау, де-Линь, посланники Франціи, Англіи и Австріи. Для пріема ея устроенъ былъ особый павильонъ. Когда, по окончаніи обѣда, заиграла музыка, занавѣсъ у большого окна напротивъ Императрицы раздвинулся и глазамъ ея представилось чудное зрѣлище: панорама севастопольскаго рейда съ стройной линіей военныхъ судовъ, отчетливо вырѣзавшихся на темной синевѣ необъятной морской дали. На кораблѣ «Слава Екатерины», поднятъ былъ пожалованный Потемкину кайзеръ-флагъ, которому эскадра салютовала 15-ю выстрѣлами.

Послѣ обѣда Императрица спустилась къ берегу, гдѣ у пристани ожидали ее вызолоченные и роскошно убранные катера.

Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу. На правой сторонѣ все были блондины на лѣвой—брюнеты. Одѣты были въ атласныхъ оран-

жевыхъ брюкахъ по колѣно, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ; въ тонкія полотняныя рубахи, повязанныя шелковымъ галстухомъ съ пышнымъ бантомъ; въ оранжевыя тонкаго сукна куртки, расшитыя шнурами; на головѣ—круглыя шляпы, повязанныя золотымъ шнуркомъ съ кистями и съ султаномъ изъ перьевъ.

— «Здравствуйте, друзья мои»!—милостиво обратилась Императрица къ гребцамъ.

— «Здравствуйте, матушка царица наша»!—дружно отвѣчали гребцы.

— «Какъ далеко ѣхала я, чтобъ только видѣть васъ»,—прибавила Императрица.

— «Отъ эвдакой матушки царицы что не можетъ статься»!—отвѣтилъ ей загребной, матросъ Жаровъ.

Екатерина улыбнулась, и видимо довольная, обратилась къ графу Войновичу по французски:

«Какіе ораторы твои матросы»!

На другой день происходили маневры и нападеніе на деревянную крѣпостцу, нарочно построенную на сѣверномъ берегу рейда. Крѣпостцу разрушилъ и сжегъ корабль «Страшный». Всѣ флагманы и командиры судовъ, въ томъ числѣ Ушаковъ, представлены были Императрицѣ. Военныя празднества продолжались два дня и затѣмъ Государыня, очаровавшая всѣхъ своею ласкою и привѣтливостью, отбыла въ обратный путь.

Едва смолкъ громъ салютовъ, привѣтствовавшихъ Великую Монархиню, какъ разрывъ съ Турціею, послѣдовавшій въ сентябрѣ того же года, подалъ поводъ русскому флоту вновь прогремѣть своими побѣдами.

1787—1788—1789 годъ.

Подвигъ Сакена и мичмана Ломбарда.

Турція никакъ не могла примириться съ потерею Крыма и искала случая объявить Россіи войну. Благодаря подстрекательству западныхъ державъ, смотрѣвшихъ съ неудовольствіемъ на усиленіе Россіи, Турція дѣлалась болѣе и болѣе настойчивою въ своихъ притязаніяхъ. Императрица, опасаясь за молодой, еще не подготовленный черноморскій флотъ, старалась отдалить разрывъ; но турки очень хорошо понимавшіе это, поспѣшили начать враждебныя дѣйствія. Они заключили нашего посланника Булгакова въ семибашенный замокъ, а къ Очакову послали эскадру. Начальствовалъ эскадрой капитанъ паша, Эски-Гассанъ, прозванный «крокодиломъ морскихъ сраженій». За искусство, предпріимчивость и необыкновенные подвиги храбрости Эски-Гассанъ получилъ титулъ «Эль-Гази», которымъ почтены были только немногіе знаменитѣйшіе военачальники. Это былъ тотъ самый Гассанъ-бей, который во время чесменскаго боя въ 1770 г. командовалъ адмиральскимъ кораблемъ и былъ однимъ изъ немногихъ спасшихся съ этого корабля, истребленнаго пламенемъ. Явившись подъ Очаковымъ, онъ горѣлъ желаніемъ загладить прежнее пораженіе.

Война не была еще объявлена, а турецкая эскадра 21 Августа осмѣлилась напасть на два русскіе корабля, стоявшіе въ лиманѣ близъ Кинбурна. Послѣ храброй защиты, продолжавшейся шесть часовъ, наши корабли успѣли скрыться въ Глубокой пристани [1]). Такой вы-

[1]) Въ Днѣпровскомъ лиманѣ.

зывающій образъ дѣйствій Порты былъ достаточнымъ поводомъ къ войнѣ, которая и была объявлена Высочайшимъ манифестомъ 7 Сентября 1787 г. На первое время сухопутнымъ войскамъ назначено было только охранять границы; Севастопольскому же флоту подъ начальствомъ Войновича, у котораго подъ командою находился Ушаковъ, повелѣно дѣйствовать наступательно и истреблять непріятельскія суда всѣми средствами. «Хотя-бъ всѣмъ погибнуть», писалъ Потемкинъ Войновичу, «но должно показать свою неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля».

Въ этомъ году, однако, встрѣчи съ непріятелемъ не послѣдовало, но плаваніе флота было очень несчастливо. Крейсируя близъ Севастополя, чтобъ не допустить непріятеля къ Таврическимъ берегамъ, флотъ потерпѣлъ жестокій штормъ. Всѣ суда были разсѣяны; фрегатъ «Крымъ» потонулъ, корабль «Марія Магдалина», совершенно искалѣченный, унесенъ въ Босфоръ, гдѣ и взятъ турками. Остальныя суда были такъ повреждены, что едва добрались до Севастополя. Флагманскій корабль Войновича, «Слава Екатерины», лишился всѣхъ трехъ мачтъ свалившихся за бортъ и принужденъ былъ въ открытомъ морѣ стать на якорь, чтобъ откачивать воду. Корабль Ушакова, «Св. Павелъ» нѣсколько дней носился по морю и тоже едва не погибъ. Одному фрегату «Легкій» посчастливилось истребить турецкое судно и, снявъ съ него людей, привезти ихъ въ Севастополь.

Эти неудачи, совпавшія съ осложненіями на сѣверѣ, угрозы Англіи и вооруженія Швеціи такъ поразили Потемкина, что онъ готовъ былъ даже отказаться отъ Крымскаго полуострова. Но Екатерина оказалась дальновиднѣе его и энергично воспротиви-

лась этому. «Гдѣ это видано, писала она между прочимъ Потемкину, чтобы кто нибудь, сидя на конѣ, сошелъ съ него, чтобъ держаться за хвостъ».

Неудачное плаваніе эскадры Войновича помѣшало русскому флоту отвлечь турецкую эскадру отъ Кинбурна, главной квартиры Суворова. Первое нападеніе на Кинбурнъ оказалось однако неудачнымъ для турокъ. Взлетѣлъ на воздухъ ихъ 26-ти пушечный корабль и погибъ одинъ фрегатъ.

Не болѣе удачно было и второе нападеніе. При этомъ отличился мичманъ Ломбардъ, командовавшій галерой «Десна». Замѣтивъ, что 8 турецкихъ кораблей отдѣлились отъ флота, онъ погнался за ними, подъ самыми батареями Очаковской крѣпости; одинъ потопилъ, другой сильно повредилъ. Поступокъ его былъ признанъ своевольнымъ и адмиралъ Мордвиновъ хотѣлъ отдать его подъ судъ; но Потемкинъ, руководствуясь правиламъ Екатерины, что «побѣдителя не судятъ», наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ.

Спустя двѣ недѣли послѣ этого, турки, собравшись съ силами, свезли подъ прикрытіемъ флота—десантъ въ 5000 ч. на Кинбурнскую косу. Мичманъ Ломбардъ, вопреки приказанію Суворова, вышелъ, изъ гавани, подъ видомъ брандера атаковалъ лѣвый флангъ непріятеля, и заставилъ 17 мелкихъ его судовъ удалиться. Суворовъ стремительно напалъ на турецкій десантъ и опрокинулъ его въ море. Едва 500 турокъ добрались вплавь до своихъ судовъ [1]).

Военныя дѣйствія, прекратившіяся съ наступленіемъ зимняго времени, весною 1788 г. возобновились. Рѣшено было отнять у Турокъ Очаковъ, дававшій,

---

[1]) Аренсъ, Курсъ военно-морскихъ наукъ.

имъ возможность вредить русскимъ на Крымскомъ полуостровѣ. Двѣ большія арміи подъ предводительствомъ Потемкина и Румянцева расположились между Днѣстромъ и Бугомъ съ цѣлью не допускать подкрѣпленій къ Очакову; а двѣ эскадры, гребная—подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена и парусная, порученная извѣстному американскому генералу Поль Джонсу должны были не допускать къ Очакову турецкаго флота. Севастопольскій флотъ, по дорогѣ къ Очакову, снова претерпѣлъ штормъ, и долженъ былъ вернуться въ Севастополь. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался капитанъ-паша Эски-Гассанъ и въ исходѣ Мая явился подъ Очаковымъ съ сильною эскадрою. Ему предписано было истребить русскій флотъ въ Лиманѣ, овладѣть Кинбурномъ, Херсономъ и оттуда слѣдовать въ Тавриду.

Военныя дѣйствія въ Лиманѣ начались геройскимъ подвигомъ Сакена. Офицеръ этотъ, состоя подъ начальствомъ Нассау-Зигена, командовалъ дуббель-шлюпкою. Суда эти, построенныя по приказанію Потемкина, оказались неудобными, тяжелыми на ходу и втеченіе двухъ лѣтъ почти всѣ погибли отъ бурь. Въ Маѣ мѣсяцѣ, когда гребной флотъ находился еще въ Глубокой пристани, Нассау-Зигенъ послалъ Сакена съ порученіемъ къ Суворову. Турокъ еще не было видно, но каждую минуту можно было ожидать ихъ появленія. Сакенъ, исполнивъ порученіе, собрался въ обратный путь. На прощанье, онъ сказалъ одному товарищу: «Положеніе мое опасно, но честь я спасу. Если турки аттакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ; съ тремя я буду сражаться; а если нападутъ больше; прощай; мы больше не увидимся».

Эти слова оказались пророческими. Тринадцать

турецкихъ судовъ преслѣдовали Сакена. Видя неминуемую опасность, онъ высадилъ девять матросовъ въ шлюпку, и приказавъ имъ извѣстить принца Нассау о своемъ положеніи, прибавилъ, что ни онъ, ни его судно не будутъ въ рукахъ непріятеля.

Вскорѣ нагнали Сакена четыре турецкихъ галеры и сцѣпились съ дуббель-шлюпкою. Убѣдившись, что нѣтъ спасенія, Сакенъ съ зажженнымъ фитилемъ спустился въ крюйтъ-камеру и черезъ нѣсколько мгновеній его дуббель-шлюпка и четыре турецкихъ галеры взлетѣли на воздухъ. Матросы со шлюпки видѣли эту картину и донесли о случившемся. Спустя нѣсколько дней тѣло Сакена было найдено на берегу безъ черепа и безъ рукъ. Георгіевскій крестъ ушѣлъ въ петлицѣ. Императрица, узнавъ объ этомъ подвигѣ, щедро наградила родственниковъ героя.

Независимо отъ высокаго облагораживающаго вліянія подобнаго подвига на малый составъ флота, онъ принесъ намъ и несомнѣнную пользу, наглядно показавъ туркамъ всю опасность абордажной свалки съ нашими судами. Дѣйствительно они послѣ этого сраженія стали осторожны до мнительности и прямо боялись подходить къ русскимъ судамъ на близкое разстояніе [1]).

Гассанъ, торопясь уничтожить нашу Днѣпровскую флотилію до прихода Потемкина съ арміею подъ Очаковъ, напалъ на нее 7-го іюня съ превосходными силами.

Наша парусная и гребная эскадра сразились съ непріятелемъ и послѣ 4-хъ часового боя привели турецкій флотъ въ полное разстройство. Гассанъ леталъ

---

[1]) Аревсъ.

на легкомъ суднѣ между своими кораблями, но счастье не благопріятствовало ему. Нѣсколько загорѣвшихся и взлетѣвшихъ на воздухъ судовъ привели турокъ въ такое замѣшательство, что они бросились подъ защиту Очаковской крѣпости, не смотря на угрозы капитанъ-паши, стрѣлявшаго въ догонку бѣгущимъ.

Вторая попытка 17-го Іюня, окончилась еще неудачнѣе первой. Не смотря на то, что противъ каждаго русскаго судна приходилось два турецкихъ, наша гребная флотилія подъ предводительствомъ Нассау-Зигена и Алексіано одержала верхъ надъ турецкимъ флотомъ. Бой продолжался отъ 4-хъ час. пополудни до 8-ми утра и турки, потерявъ два большихъ корабля, снова бросились подъ прикрытіе Очаковской крѣпости.

Въ ночь на 19-е іюня, турецкій флотъ вознамѣрился, было, скрыться изъ лимана, но эта попытка ему не удалась. Суворовская батарея громила его съ Кинбурнской косы, а принцъ Нассау, поставивъ эскадру свою въ двѣ колонны погнался за непріятелемъ и окружилъ его. Девять кораблей и четыре малыхъ судна достались въ руки побѣдителей. Изъ нихъ уцѣлѣлъ только одинъ корабль, переименованный въ «св. Леонтія». Остальные сгорѣли, или взлетѣли на воздухъ.

Между тѣмъ Потемкинская армія приближалась къ Очакову. Чтобы предохранить ее отъ выстрѣловъ турецкихъ судовъ, стоявшихъ подъ крѣпостью, надлежало отвлечь эскадру Гассана и аттаковать ее, или, по меньшей мѣрѣ, не допускать къ Очакову. Войновичъ, получивъ приказаніе свѣтлѣйшаго, вышелъ изъ Севастополя. Гассанъ, узнавъ объ этомъ, тоже вышелъ въ море. 29-го іюня флоты увидали другъ друга, а 3-го іюля, у острова Фидониса произошло сраженіе. На

ПРИНЦЪ НАССАУ.

(Съ гравюры, наход. въ Морскомъ музеѣ).

долю Ушакова, распоряжавшагося авангардомъ, выпала видная роль. Благодаря его смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, турецкому флоту, превосходившему силами нашъ, нанесенъ былъ большой ударъ. Успѣхъ этотъ возбудилъ зависть гр. Войновича и Ушаковъ едва не вышелъ въ отставку. Но умный и проницательный Потемкинъ понялъ настоящій смыслъ размолвки. Ушаковъ не только остался, но за сраженіе 3-го іюля пожалованъ былъ орденомъ Владиміра 3-й степени и въ исходѣ того же года назначенъ начальникомъ корабельнаго флота въ Севастополѣ.

Бомбардированіе Очакова продолжалось. Эски-Гассанъ, исправивъ суда въ Дунайскихъ устьяхъ, 29 іюля снова появился въ виду Очакова и на ближайшемъ островѣ Березани началъ строить укрѣпленія. По всему видно было, что онъ намѣренъ подать дѣйствительную помощь Очакову. «Прилѣпился какъ шпанская муха къ Очакову» писалъ о немъ Потемкинъ. Не видя возможности выбить Гассана изъ его позиціи свѣтлѣйшій придумалъ послать къ берегамъ Анатоліи отрядъ крейсеровъ для истребленія транспортныхъ турецкихъ судовъ. Д. Н. Сенявинъ, которому поручено было начальство надъ этою экспедиціею, исполнилъ порученіе блистательно. Онъ истребилъ 10 транспортныхъ судовъ, взялъ нѣсколько призовъ, нагналъ страхъ на прибрежныхъ жителей и возвратился въ Севастополь съ плѣнными и порядочной добычею.

Экспедиція Сенявина не произвела на Гассана ожидаемаго дѣйствія. Онъ сохранялъ свою позицію въ надеждѣ, что зимнее время заставитъ русскую армію снять осаду. Но 4-го ноября онъ неожиданно снялся и ушелъ въ Константинополь.

Наконецъ палъ и Очаковъ. Послѣ 6-ти недѣльной

осады и упорнаго сопротивленія турокъ, онъ былъ взятъ штурмомъ 6-го декабря, въ день Николая Чудотворца.

Покореніе Очакова подало поводъ къ новому взрыву ненависти турокъ къ русскимъ. На престолѣ находился тогда Селимъ III, жестокій врагъ Россіи. Недовольный неудачами Гассана, человѣка безспорно храбраго и способнаго, Селимъ поручилъ командованіе флотомъ молодому Гуссейну, своему другу и товарищу. Такому неопытному предводителю понятно не подъ силу было бороться съ непріятелемъ, опытнымъ въ морскомъ дѣлѣ. Іюля 12-го турецкій флотъ появился передъ Очаковымъ, но видя, что наша флотилія и береговыя батареи дѣлаютъ фарватеръ почти непроходимымъ, Гуссейнъ остановился въ нерѣшительности. Потемкинъ этимъ воспользовался и предписалъ генералу Гудовичу покорить Гаджибей (нынѣшняя Одесса) откуда турки вывозили значительное количество хлѣба въ Константинополь. Генералъ Гудовичъ подошелъ къ Гаджибею незамѣтно, дѣлая переходы ночью, и взялъ его приступомъ. Графъ Войновичъ долженъ былъ помогать ему съ моря. Но Войновичъ втеченіе всего лѣта бездѣйствовалъ, и только въ началѣ сентября предписалъ Ушакову выйти изъ Севастополя для этой цѣли. Это было весьма кстати, такъ какъ вскорѣ по покореніи Гаджибея подошелъ къ нему турецкій флотъ, но при появленіи сильной эскадры Ушакова тотчасъ же удалился.

Но если флоту нашему не удалось ознаменовать особыми подвигами 1789 г. то на сухомъ пути Россія нанесла Турціи сильныя пораженія. Въ іюлѣ Суворовъ разбилъ турокъ при Фокшанахъ, а въ сентябрѣ при Рымникѣ. Армія Потемкина заняла Кишиневъ, Аккерманъ и Бендеры. Этимъ кончилась кампанія 1789 г.

Въ тотъ же годъ заложенъ былъ городъ Николаевъ. Потемкинъ особенно чтилъ Угодника, въ день котораго покоренъ былъ Очаковъ и во имя его основалъ близь Николаева Спасо-Николаевскій монастырь.

Свѣтлѣйшій, недовольный Войновичемъ, неисполнившимъ его приказанія относительно нападенія на турецкій флотъ у Гаджибея, отправилъ его на Каспійское море, а начальство надъ черноморскимъ флотомъ поручилъ Ушакову, произведенному въ контръ-адмиралы.

1790—1791 годъ.

Въ 1790 г. наше оружіе торжествовало на двухъ противоположныхъ концахъ Имперіи. Русскій флотъ на балтійскомъ морѣ наносилъ пораженіе за пораженіемъ шведскому флоту; адмиралъ Ушаковъ не давалъ отдыха туркамъ и громилъ ихъ флотъ повсюду въ Черномъ морѣ.

Получивъ право самостоятельно дѣйствовать, Ѳ. Ѳ. Ушаковъ сразу выдвинулся въ ряды знаменитыхъ русскихъ моряковъ. До сихъ поръ русскіе адмиралы держались больше оборонительныхъ дѣйствій, что выводило кн. Потемкина изъ себя. Считая рѣшительный образъ дѣйствій главнымъ залогомъ успѣха, князь писалъ Войновичу: «Собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя-бъ всѣмъ погибнуть, но должно показать свою неустрашимость къ нападенію и истребить непріятеля. Гдѣ завидите флотъ турецкій, аттакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всѣмъ пропасть»...

Ушаковъ былъ адмираломъ въ духѣ Потемкина.

Онъ самъ держался того мнѣнія, что слѣдуетъ не дожидаться непріятеля, а предупреждать его.

Турція все еще не смирилась. Пылкій, 20-ти двухлѣтній Гуссейнъ поклялся, что онъ вернетъ своему отечеству Крымскій полуостровъ и сталъ готовиться съ флотомъ къ отплытію къ таврическимъ берегамъ. Ушаковъ, зная обыкновеніе турокъ не слишкомъ спѣшить выходомъ въ море, рѣшился предупредить ихъ. Въ то самое время, когда въ Портѣ обсуждались способы нападенія на берега Крыма, русская эскадра уже разгуливала вдоль южнаго берега Чернаго моря; посѣтила Синопъ, Самсунъ, Анапу, надѣлала тамъ много опустошеній, сожгла и потопила 12 непріятельскихъ судовъ, нагнала страхъ и трепетъ на прибрежныхъ жителей, и послѣ 3-хъ недѣльнаго плаванія вернулась въ Севастополь, доставивъ восемь транспортовъ съ пшеницей, болѣе 200 плѣнныхъ и двѣнадцать русскихъ солдатъ бывшихъ въ плѣну и предназначенныхъ для продажи.

Извѣстіе объ энергичныхъ дѣйствіяхъ русскаго адмирала встревожило турокъ и заставило ихъ поторопиться выходомъ въ море. Потемкинъ приказалъ Ушакову идти къ врагу на встрѣчу. «Возложите твердое упованіе на Бога, писалъ онъ, и при случаѣ сразитесь съ непріятелемъ, Христосъ съ Вами! Я молю Его благость, да ниспошлетъ на васъ милость и увѣнчаетъ успѣхомъ».

Второго іюля Ушаковъ на кораблѣ «Рождество Христово», вышелъ изъ Севастополя съ флотомъ изъ 5 кораблей большихъ, 6 малыхъ, 5 фрегатовъ и 17 разныхъ судовъ. Ожидая появленія турецкаго флота со стороны Анапы, Ушаковъ расположился съ своимъ флотомъ противъ Керченскаго пролива. Предположе-

нія адмирала оправдались, и 8-го іюля, въ 9-мъ часу утра показался непріятель, идущій подъ всѣми парусами отъ Анапскаго берега къ русскому флоту. Непріятельскій флотъ состоялъ изъ 10 кораблей, 8 фрегатовъ и 36 разныхъ судовъ.

Флотъ нашъ немедленно снялся съ якоря и построился въ линію баталіи. Тоже сдѣлалъ и турецкій флотъ. Первый выстрѣлъ сдѣланъ былъ турками; онъ и послужилъ сигналомъ къ сраженію, которое немедленно началось съ обѣихъ сторонъ. Ушаковъ мужественно выдержалъ первый натискъ, противопоставивъ превосходству силъ непріятеля искусство своей артиллеріи, дѣйствовавшей у него, какъ говорится, на славу.

Предвидя всѣ случайности боя, русскій адмиралъ, вывелъ фрегаты изъ линіи и составилъ изъ нихъ резервъ для подачи помощи тамъ, гдѣ она будетъ всего болѣе необходима, между тѣмъ какъ крейсерскія суда подкрѣпляли кордебаталію. Сомкнувши линію, корабли наши вскорѣ заставили непріятеля отказаться отъ нападенія. Адмиралъ, воспользовавшись перемѣною вѣтра, сдѣлавшей его на вѣтрѣ у непріятеля, пожелалъ самъ занять передовое мѣсто и повелъ линію свою для возобновленія нападенія. Такой смѣлый и искусный образъ дѣйствій доставилъ Ушакову побѣду, первую, одержанную черноморскимъ корабельнымъ флотомъ.

Сраженіе было упорное и продолжалось пять часовъ. Наконецъ, турецкій флотъ принужденъ былъ въ большомъ безпорядкѣ обратиться въ бѣгство. Темнота ночи и ходкость турецкихъ кораблей не позволили Ушакову догнать непріятеля и, по всей вѣроятности, завладѣть нѣсколькими разбитыми судами, въ томъ

числѣ кораблемъ капитана-паши поврежденномъ болѣе прочихъ.

Ходкости турецкихъ судовъ, помимо ихъ конструкціи, не мало способствовали паруса изъ бумажной ткани, которые были легче пеньковыхъ и требовали менѣе вѣтра. Подводная частъ турецкихъ судовъ обшита была мѣдью, что у насъ введено еще не было. Наши суда, ничѣмъ не огражденныя въ подводной части, обростали корою изъ ракушекъ и скоро портились.

9-го іюля отслужено было благодарственное молебствіе при пушечной пальбѣ, и нашъ флотъ возвратился въ Севастополь.

Такимъ образомъ уничтожено было покушеніе непріятеля на Тавриду. Въ донесеніи своемъ Императрицѣ, Потемкинъ отзывался объ Ушаковѣ, какъ о достойномъ храбромъ и искусномъ начальникѣ.

Турецкимъ главнокомандующимъ за проигранное сраженіе приходилось нерѣдко расплачиваться жизнью; но Гуссейнъ, какъ другъ султана, не подвергся наказанію. Ему дали только руководителя, полнаго адмирала, престарѣлаго Саитъ-бея и вмѣстѣ съ тѣмъ приказали дать новое сраженіе.

Но русскіе предупредили врага. Контръ-адмиралъ Ушаковъ, ознакомившись на дѣлѣ съ храбростью и искусствомъ турецкихъ моряковъ, рѣшился уже самъ атаковать ихъ, и первый опытъ наступательныхъ дѣйствій ознаменовался блистательнымъ успѣхомъ. Узнавъ, что непріятельскій флотъ, усиленный новыми кораблями, находится близъ Дунайскихъ устьевъ и готовится идти къ южному берегу Крыма, Ушаковъ счелъ за лучшее предупредить Капитанъ-пашу. Пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, онъ 25-го августа оставилъ

Севастопольскій рейдъ и взялъ курсъ къ устьямъ Дуная. Идя при попутномъ вѣтрѣ съ эскадрою, Ушаковъ, 28 августа въ 6 ч. утра, увидалъ непріятельскій флотъ, стоявшій на якорѣ въ открытомъ морѣ, между Гаджибеемъ и островомъ Тендрой. Турки, похвалявшіеся, что русскіе не посмѣютъ и подумать атаковать ихъ, пришли въ такой ужасъ, увидавъ нашъ флотъ, что отрубили якорные канаты и вступивъ подъ паруса, поворотили къ берегу. Ушаковъ сразу понялъ, что половина дѣла уже выиграна. Сдѣлавъ сигналъ кораблямъ своимъ прибавить ходу, онъ въ три часа пополудни настигъ непріятеля и принудилъ его принять сраженіе.

Оба флота, по обыкновенію, выстроились въ линію. Нѣкоторое время турки выдерживали убійственный огонь нашей артиллеріи, но мало по малу начали приходить въ замѣшательство и уклоняться подъ вѣтеръ. Наибольшее пораженіе потерпѣли они отъ корабля «Рождество Христово», на которомъ находился самъ адмиралъ. Этотъ корабль, завязавъ дѣло одновременно съ тремя непріятельскими кораблями, принудилъ ихъ выйти изъ линіи, и въ то время, когда турецкій флагманъ поворачивался, корабль «Рождество Христово» успѣлъ дать по немъ нѣсколько продольныхъ залповъ. Увидѣвъ замѣшательство непріятеля и, стараясь увеличить его еще болѣе, Ушаковъ устремился за флагманомъ въ самую средину непріятельскаго флота и этимъ смѣлымъ маневромъ совершенно отрѣзалъ три турецкихъ корабля, въ томъ числѣ и корабль Капитанъ-паши. Но легкость хода этого корабля и остальныхъ судовъ спасла турецкій флотъ отъ окончательнаго пораженія. Въ 5 час. уже ни одного непріятельскаго корабля не было въ дѣйствіи; всѣ на полныхъ парусахъ летѣли къ Дунаю и,

хотя Ушаковъ всѣми силами преслѣдовалъ ихъ, но въ 9-мъ часу за совершенной темнотой долженъ былъ остановить погоню, тѣмъ болѣе, что Капитанъ-паша, изъ опасенія быть настигнутымъ, не велѣлъ зажигать фонарей.

Въ 9 часовъ весь нашъ флотъ сталъ на якорь. Между тѣмъ, втеченіе ночи вѣтеръ измѣнился и предвѣщалъ близкую бурю. На разсвѣтѣ, наши моряки изумились, увидавъ, что находятся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ турками. Безпечность турокъ доходила до того, что кирлангичи ихъ лавировали между русскими кораблями, принимая ихъ за свои. Нашъ фрегатъ «Амвросій Медіоланскій» подъ командой Нелединскаго, очутился, неизвѣстно какъ, посреди четырехъ или пяти непріятельскихъ кораблей. Естественно, что его считали погибшимъ. Но т. к. еще съ вечера флаги у обоихъ флотовъ были спущены, то безпечные мусульмане и не примѣтили своего вѣрнаго приза.

Наконецъ при сигналѣ съ корабля «Рождество Христово» сниматься съ якоря, турки опомнились. Перепуганные такимъ близкимъ и неожиданнымъ сосѣдствомъ съ грознымъ врагомъ, они, сломя голову, принялись ставить паруса, и лавируя къ вѣтру, разсыпались въ разныя стороны такъ, что нѣкоторые корабли очутились у нашихъ подъ вѣтромъ, Ушаковъ сдѣлалъ своему флоту сигналъ строить линію и начинать погоню. Посреди этого общаго движенія одинъ фрегатъ «Амвросій Медіоланскій» ставилъ паруса, не поднимая флага. Нѣсколько времени онъ слѣдовалъ за турецкимъ флотомъ, но постепенно отставая, вышелъ наконецъ изъ опасности; поворотился, поднялъ флагъ, и прибавивъ парусовъ, поспѣшилъ занять свое мѣсто въ линіи.

Адмиралъ Ушаковъ замѣтивъ, что самые заднія непріятельскіе корабли отъ сильныхъ поврежденій, полученныхъ наканунѣ, не имѣютъ никакой возможности слѣдовать за флотомъ, усилилъ погоню. Такимъ образомъ, въ десятомъ часу утра, ему удалось отрѣзать два корабля: 66-ти пушечный «Мелеки-Бахри» (владыка морей) и 74—пушечный «Капитаніэ»—подъ флагомъ Саитъ-бея «Мелеки-Бахри, потерявъ капитана, убитаго ядромъ, сдался; корабль же «Капитаніэ» направился къ мелководью, отдѣляющему фарватеръ между Кинбурномъ и Гаджибеемъ.

Въ погоню за нимъ посланы были два корабля и два фрегата. Эти суда, догнавъ адмирала, окружили его и требовали сдачи; но Саитъ-бей не сдавался, ожидая помощи отъ Капитана-паши, который былъ у него на вѣтрѣ. Желая сберечь этотъ новый и красивый корабль, лучшій изъ всего турецкаго флота, побѣдитель медлилъ рѣшеніемъ его участи. Но видя безполезное упорство непріятеля, ад. Ушаковъ, въ два часа дня, самъ подошелъ къ нему, и обойдя его съ подвѣтренной стороны обратилъ огонь цѣлаго борта противъ носовой его части съ такою силою, что въ короткое время сбилъ у него всѣ три мачты вплоть по палубу. Получивъ отъ подводныхъ пробоинъ сильную течь «Капитаніэ» все еще упорствовалъ; но когда отъ брошенныхъ въ него брандскугелей загорѣлся, то принужденъ былъ сдаться. Люди погибавшаго корабля выбѣжавъ всѣ наверхъ, поднимали руки кверху и просили пощады.

Приказавъ прекратить огонь, Ушаковъ послалъ для спасенія людей вооруженныя шлюпки; но быстрый разливъ пламени по погибавшему кораблю помѣшалъ дѣйствію русскихъ командъ. Спасено было только че-

ловѣкъ двадцать высшихъ чиновниковъ и Саитъ-бей, обязанный сохраненіемъ своей жизни плѣннымъ русскимъ матросамъ, находившимся на его кораблѣ. Матросы, увидавъ опасность, угрожавшую турецкому адмиралу, успѣли сквозь дымъ и пламя вытащить его на верхнюю палубу и оттуда закричали отчаливавшимъ матросамъ, чтобы они вернулись для принятія почетнаго плѣнника.

Спасеніе остального экипажа и всей турецкой казны оказалось невозможнымъ и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ корабль взлетѣлъ на воздухъ въ виду обоихъ флотовъ. Съ плавающихъ обломковъ удалось снять еще 30 челов. Всѣ остальные числомъ до 700 погибли въ водѣ и пламени.

Прибывъ на корабль русскаго адмирала, Саитъ-бей съ первыхъ же словъ выразилъ негодованіе на малодушіе и трусость Капитанъ-паши Гуссейна.

Порывистый ZW. замѣтно усиливался, а часть русскаго флота, отдѣленная въ погоню за непріятелемъ, видимо не въ состояніи была настигнуть его. Ад. Ушаковъ, имѣя значительныя поврежденія въ снастяхъ на своемъ и на другихъ корабляхъ, предпочелъ отозвать суда, бывшія въ погонѣ и соединиться съ лиманской эскадрой.

Это сраженіе замѣчательно тѣмъ, что происходило во время бури. Потери наши были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что потерпѣли турки. Флотъ Ушакова захвативъ, кромѣ корабля взятаго раньше, еще три судна, пришелъ черезъ день къ Гаджибею и тамъ былъ посѣщенъ Потемкинымъ, горячо благодарившимъ всѣхъ отъ старшаго до младшаго. «Наши, благодаря Бога, такого перцу туркамъ задали, что любо!.. пи-

салъ князь въ Николаевъ. «Спасибо Ѳедору Ѳедоровичу».

Побѣда при Тендрѣ оказала значительную помощь сухопутнымъ операціямъ, предпринятымъ Потемкинымъ. Отсутствіе турецкаго фдота дало возможность ввести въ устья Дуная нашу лиманскую флотилію при содѣйствіи которой сухопутныя войска овладѣли тремя значительными крѣпостями.

Миръ, заключенный со шведами, позволилъ Императрицѣ Екатеринѣ обратить всѣ силы противъ Турціи. Главною задачею Потемкина было теперь взятіе Измаила который считался важнымъ стратегическимъ пунктомъ. «Возьмите Измаилъ во что бы то ни стало», писалъ онъ, и 11 Декабря Измаилъ былъ взятъ штурмомъ, однимъ изъ самыхъ кровопролитныхъ во всей военной исторіи: 30,000 турокъ легло на мѣстѣ и до 10,000 взято въ плѣнъ.

Покореніе Измаила произвело удручающее впечатлѣніе на населеніе турецкой Имперіи. Чтобъ успокоить своихъ подданныхъ, султанъ приказалъ привести въ Константинополь нѣсколько своихъ судовъ подъ русскимъ флагомъ, яко бы взятыхъ въ сраженіяхъ. Порта просила перемирія, но Потемкинъ не согласился, требуя окончательнаго мира. На это не согласилась Порта. Она упорствовала до тѣхъ поръ, пока новыя пораженія, нанесенныя ей Ушаковымъ, не смирили ее.

Въ началѣ 1791 г. отношенія Россіи къ Пруссіи и отчасти къ Англіи настолько обострились, что она не могла употребить всѣхъ силъ своихъ противъ Турціи. Сухопутною арміею командовалъ князь Рѣпнинъ и, чтобы дать ему возможность спокойно распоряжаться своими дѣйствіями, Черноморскому флоту повелѣно было удерживать турецкій флотъ отъ нападенія на

наши берега. 11-го Мая Потемкинъ писалъ Ушакову: «Предписываю вамъ, по прошествіи весеннихъ штормовъ, тотчасъ же выступить; отправиться къ Румельскимъ берегамъ, и если гдѣ найдете непріятеля, атакуйте его съ Богомъ».

20-го Мая флотъ нашъ вышелъ на Севастопольскій рейдъ. Онъ состоялъ изъ 6-ти линейныхъ и 10-ти малыхъ кораблей, двухъ фрегатовъ и 20 разныхъ судовъ. Турки, собравъ суда всѣхъ подвластныхъ имъ Варварійскихъ владѣній имѣли для дѣйствій въ Черномъ морѣ 18 линейныхъ кораблей, 17 фрегатовъ и больше 40 разныхъ мелкихъ судовъ. Флотомъ начальствовалъ тотъ же Гуссейнъ и еще восемь адмираловъ, въ томъ числѣ нарочно вызванный храбрый Алжирскій паша Саитъ-Али [1]).

Одна часть турецкихъ судовъ, по выходѣ изъ Босфора, направилась къ Варнѣ, другая должна была идти на помощь Анапѣ, обложенной русскимъ войскомъ подъ начальствомъ Гудовича. Узнавъ объ этомъ, Ушаковъ съ флотомъ вышелъ изъ Севастополя 10 Іюня, нагналъ непріятеля близъ мыса Айя, но никакъ не могъ принудить его принять сраженія. Четыре дня продолжалась погоня и, наконецъ, убѣдившись въ ея безплодности, Ушаковъ вернулся въ Севастополь. Іюня 22-го крѣпостъ и городъ Анапа взяты были штурмомъ генераломъ Гудовичемъ. Турецкая эскадра, ускользнувшая отъ преслѣдованія Ушакова, появилась передъ Анапой, но увидавъ, что крѣпость взята, немедленно ушла къ Варнѣ, на соединеніе съ другой частью своего флота.

Потеря Анапы и послѣдовавшее затѣмъ пораже-

[1]) Тотъ самый который позднѣе, въ 1807 г. обѣщалъ султану голову Сенявина, но самъ былъ разбитъ имъ при Аѳонской горѣ.

ніе 80,000 турецкой арміи при Мачинѣ, побудили турокъ склониться къ миру. Предварительныя условія были подписаны 31-го Іюля въ самый тотъ день, когда Ушаковъ одержалъ побѣду при Каліакріи.

Не имѣя извѣстія о мирныхъ переговорахъ, происходившихъ въ главной квартирѣ, Ушаковъ, узнавъ, черезъ крейсеровъ, что турецкій флотъ находится у Румелійскихъ береговъ, вышелъ 26 Іюня изъ Севастополя съ флотомъ изъ 6 кораблей, 12-ти фрегатовъ, и 20 мелкихъ судовъ.

Направившись къ Румелійскимъ берегамъ, флотъ нашъ, 31-го Іюля, увидѣлъ непріятеля, стоявшаго на якорѣ близъ мыса Каліакріи, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей. Непріятельскій флотъ, превосходившій нашъ 2-мя кораблями 15-ю фрегатами и 20-ю мелкими судами находился подъ начальствомъ капитанъ-паши. Суда всѣхъ варварійскихъ владѣній съ пашею Саитъ-Али составляли отдѣльную линію. Ушаковъ со своею эскадрою прошелъ между батареями, т. е. между берегомъ и непріятельскимъ флотомъ, и находясь на вѣтрѣ у турокъ спустился на нихъ. Нападеніе было смѣлое и рѣшительное.

Въ этотъ день былъ мусульманскій праздникъ Рамазанъ-байрамъ, и почти всѣ турецкіе матросы безпечно веселились на берегу. Капитанъ-паша былъ приведенъ въ такое замѣшательство быстрымъ движеніемъ русскаго флота и выгодою выигранной имъ навѣтренной позиціей, что не успѣвъ даже собрать съ берега всѣхъ своихъ матросовъ, приказалъ кораблямъ отрубить канаты и вступить подъ паруса.

Ушаковъ съ своимъ флотомъ догналъ непріятеля. Самъ, первый, на кораблѣ «Рождество Христово» атаковалъ корабль Саитъ-Али, послѣ чего между обо-

ими флотами завязалось жестокое сраженіе, продолжавшееся отъ 5 ч. до половины девятаго.

Прежде всего съ корабля Саитъ-Али полетѣли въ воду абордажныя лѣстницы, стеньги, реи и часть раззолоченной кормы. Разбитый до крайности, корабль этотъ поворотился для укрытія въ средину своего флота. Корабль «Рождество Христово», подошелъ къ нему подъ самую корму и, дѣйствуя продольными выстрѣлами, требовалъ сдачи; но другія суда успѣли заслонить Саитъ-Али.

Ходили слухи, что Саитъ-Али далъ обѣщаніе султану привезти Ушакова плѣнникомъ въ Константинополь. Эти слухи дошли до адмирала и до того разсердили его, что когда во время сраженія, онъ подошелъ подъ корму Саитъ-Али, то не могъ удержаться, чтобъ не крикнуть съ юта.—«Саитъ-бездѣльникъ! Я отучу тебя давать такія обѣщанія».

Въ жару боя, корабль «Рождество Христово» очутился вдругъ между двумя непріятельскими кораблями стрѣлявшими въ него съ обѣихъ сторонъ, такъ что положеніе русскаго адмирала было втеченіе нѣсколькихъ минутъ очень опасное. Вскорѣ, однако, подошли наши суда, окружили непріятеля и дѣйствуя ловко и быстро, наносили турецкимъ судамъ такія поврежденія, что суда эти должны были укрываться одно за другимъ.

Въ 8 ч. вечера флотъ непріятельскій былъ уже совершенно разбитъ и бѣжалъ безпорядочною кучею. Нѣкоторые корабли пошли ко дну, другіе — въ томъ числѣ и капитанъ-паши должны были укрыться у анатольскихъ береговъ. Одна Алжирская эскадра достигла Константинополя. Видъ разбитыхъ кораблей безъ мачтъ, неизвѣстность объ участи Капитанъ-паши, бли-

зость русскаго флота страшно напугали султана. Разнесся слухъ, что Ушакъ-паша намѣренъ напасть на Константинополь. Паника овладѣла султаномъ и онъ приказалъ визирю поспѣшить заключеніемъ мира, тогда какъ всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, тому же визирю приказано было прервать переговоры и продолжать войну.

Потемкинъ былъ въ восторгѣ.—«Съ удовольствіемъ получилъ рапортъ Вашего Превосходительства», — писалъ онъ Ушакову. Побѣда одержанная вами, возвышая честь флага россійскаго, служитъ и къ особливой славѣ вашей. Я свидѣтельствую мою благодарность Вашему Превосходительству и сподвижникамъ вашимъ».

Починивши поврежденія, Ушаковъ съ флотомъ пошелъ въ Варну, но на пути узналъ о заключеніи перемирія и прекращеніи военныхъ дѣйствій. Вскорѣ послѣ того мирный договоръ, заключенный съ Турціею въ Яссахъ, положилъ конецъ этой войнѣ.

И такъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ вполнѣ оправдалъ выборъ Потемкина и оказался достойнымъ своего назначенія. Гроза турокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уважаемый ими противникъ, далеко вознесъ славу свою какъ храбрый морякъ и искусный начальникъ. Сознавая несовершенство русскихъ судовъ въ сравненіи съ турецкими, Ушаковъ задался цѣлію имѣть перевѣсъ надъ непріятелемъ въ искусномъ дѣйствіи артиллеріи, чего и достигъ, обративъ на эту часть особое вниманіе. Заслуги Ушакова пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе, что противниками его были два знаменитыхъ турецкихъ полководца, и что преобразованный турецкій флотъ представлялъ уже совсѣмъ иной видъ, чѣмъ въ первую войну, когда суда Спи-

ридова при каждой встрѣчѣ съ турецкими судами уничтожали ихъ десятками.

Соблюдая правила морской техники того времени, Ушаковъ не задумался въ рѣшительную минуту отступить отъ нихъ. Такъ, въ сраженіи 31 іюля 1791 г., чтобы остановить намѣреніе противника, онъ смѣло выступаетъ изъ линіи на встрѣчу ему и увлекаетъ за собою ближайшіе корабли. — Чтобы ввести флотъ въ дѣло съ большей увѣренностью, какъ въ сраженіи 8 іюля 1790 г., онъ ставитъ корабль свой передовымъ, т. ч., наблюдая движенія главнокомандующаго, командиры другихъ судовъ уже не могли ошибиться въ его намѣреніяхъ.

Съ окончаніемъ войны созидательная дѣятельность Потемкина по устройству гаваней и верфей развилась еще въ большей степени. И здѣсь Ушаковъ явился его ревностнымъ и полезнымъ помощникомъ. Ему поручено было раздать вблизи Севастополя нѣсколькимъ флотскимъ штабъ-офицерамъ небольшіе участки земли. Домъ построенный Ушаковымъ на участкѣ, доставшемся на его долю, существуетъ и по нынѣ. Онъ принятъ въ казну, расширенъ и служитъ пристанищемъ для почетныхъ гостей. Не подалеку отъ города одна изъ лощинъ и до сихъ поръ извѣстна подъ названіемъ Ушаковой балки.

Въ 1792 г. Ушаковъ былъ вызванъ въ Петербургъ на короткое время. Великая Екатерина пожелала видѣть героя, стяжавшаго столь громкую славу. Скромный адмиралъ, созданный для моря, оказался среди блестящихъ героевъ салона застѣнчивымъ и неловкимъ. Онъ не понравился...

Въ 1793 г. Ушаковъ произведенъ былъ въ вице-адмиралы.

Дѣйствія русскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Союзъ Россіи съ Турціею.

Миръ съ Турціею, заключенный въ Яссахъ, безпрестанно грозилъ крушеніемъ. Турція тайно вооружалась, Россія держалась на сторожѣ, принимая мѣры, чтобы не быть застигнутою врасплохъ. Но въ 1798 году политическія событія вдругъ круто измѣнились. Гроза надвигалась съ запада. Побѣды генерала Банапарта сильно встревожили Европу, а походъ его въ Египетъ, имѣвшій цѣлію нанести ударъ могуществу англичанъ на Востокѣ, поднялъ на ноги не только Англію но и Турцію, опасавшуюся за свои владѣнія въ Архипелагѣ. Когда Банапартъ съ флотомъ своимъ появился въ Средиземномъ морѣ и занялъ островъ Мальту, Англія, отправила туда сильную эскадру подъ начальствомъ знаменитаго Нельсона. Турція же, не надѣясь на собственныя силы, рѣшилась обратиться къ помощи Россіи и просить ея содѣйствія. Императоръ Павелъ, покровительствовавшій Мальтѣ въ качествѣ пріора Мальтійскаго ордена [1]), не задумался оказать Турціи желаемое содѣйствіе, и такимъ образомъ наши исконные враги сдѣлались вдругъ нашими союзниками.

Адмиралъ Ушаковъ, получивъ приказаніе идти къ Константинополю и ожидать тамъ распоряженій русскаго посланника Томары, вышелъ 13 Августа 1798 г. изъ Севастополя съ эскадрою изъ 16-ти вымпеловъ, а 25-го, обмѣнявшись салютомъ съ турецкими крѣпостями, русскій флотъ къ великому изумленію правовѣрныхъ, вошелъ въ Босфоръ и всталъ на якорѣ у Буюкдере

[1]) При Павлѣ Мальтійскій крестъ включенъ былъ въ гербъ Россійской имперіи и Мальта значилась въ календаряхъ русскимъ городомъ.

при громадномъ стеченіи народа на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ.

Адмиралъ былъ встрѣченъ въ столицѣ Турціи съ большимъ почетомъ. Глядя на красиваго, высокаго, въ напудренномъ парикѣ Ѳедора Ѳедоровича, съ проницательнымъ взглядомъ, кроткимъ и задумчивымъ лицемъ, туркамъ плохо вѣрилось, что это тотъ самый Ушакъ-паша, одно имя котораго, еще такъ недавно, приводило ихъ въ трепетъ. Въ самый день его прибытія, драгоманъ верховнаго визиря поднесъ ему, по восточному обычаю, плоды и цвѣты, а къ вечеру того же дня, султанъ, переодѣтый боснякомъ, чтобы не быть узнаннымъ, ѣздилъ въ каикѣ вокругъ русской эскадры, чтобы лично удостовѣриться въ силѣ полученной имъ помощи. На другой день Ушаковъ получилъ отъ султана золотую табакерку, усыпанную брилліантами и 2000 турецкихъ червонцевъ (6000 руб.) для раздачи нижнимъ чинамъ. Тогда же представлена была адмиралу декларація Порты въ силу которой, во все время военныхъ дѣйствій противъ Франціи, русскому флоту предоставлялось свободное плаваніе въ Черное море и обратно. Всѣмъ начальникамъ турецкихъ морскихъ и сухоцутныхъ силъ предписывалось исполнять безотлагательно требованія русскаго адмирала и довольствовать его эскадру.

Еще до прихода эскадры, Порта, узнавъ о скоромъ ея прибытіи, объявилъ войну Франціи, заключивъ посла ея въ Семибашенный замокъ, а разъяренная чернь сожгла его домъ и захватила всѣхъ французовъ.

На третій день по прибытіи эскадры, въ мѣстечкѣ Терапіи начались совѣщанія объ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій. На совѣщаніи присутствовали: ад. Ушаковъ, Томара, Англійскіе и Турецкіе уполномоченные.

Истребленіе французской эскадры при Абукирѣ [1]) подавало надежду на удачный исходъ борьбы съ Франціею. Предложеніе Ушакова приступить немедленно къ освобожденію Іоническихъ острововъ было принято съ большой готовностью. Къ русской эскадрѣ положено было присоединить турецкую, и вручивъ начальство ад. Ушакову надъ соединеннымъ флотомъ, раздѣлить его на три части, пославъ одну часть къ Родосу для прикрытія Архипелага и Кандіи, а двѣ другія употребить на завладѣніе Іоническими островами.

На второмъ совѣщаніи рѣшено было не обезсиливая флотъ изъятіемъ 3-ей части, послать къ Родосу всего четыре корабля и 10 кононерскихъ лодокъ. О распоряженіяхъ этихъ положено увѣдомить лорда Нельсона, предложивъ ему, въ случаѣ нужды, пользоваться этой эскадрой по своему усмотрѣнію.

31-го Августа адмиралъ, по желанію султана, ѣздилъ осматривать турецкую эскадру. Суда по большей части были построены красиво и прочно, обшиты мѣдью, вооружены мѣдными орудіями и имѣли весьма легкій ходъ. Зато команда была изъ рукъ вонъ плоха. Офицеры мало понимали толкъ въ морскомъ дѣлѣ, а матросы—голонджи, поступавшіе на корабль нерѣдко за нѣсколько дней до отправленія въ море, представляли собою самый пестрый сбродъ, буйную толпу, которую трудно было держать въ должномъ повиновеніи.

«Ушакъ-паша» вездѣ былъ встрѣчаемъ съ особымъ почетомъ; повсюду безмолвно разступалась передъ нимъ толпа, отдавая дань невольнаго уваженія славному

[1]) Абукирскія сраженія при устьяхъ Нила въ Августѣ 1798 г., выигранныя Нельсономъ, нанесло смертельный ударъ экспедиціи, предпринятой Бонапартомъ. Силы французовъ были ослаблены; гибель, или плѣнъ Наполеона казались неизбѣжными.

адмиралу и побѣдителю. Правительство Порты оказывало ему большое довѣріе, спрашивая его мнѣнія и не скрывая недостатковъ.

Крѣпкіе вѣтры удержали русскую эскадру у Буюкдере до 5 Сентября. Турецкіе начальники не переставали удивляться дисциплинѣ, порядку и тишинѣ насудахъ нашихъ.—«На двѣнадцати русскихъ корабляхъ—говорили они,—меньше шуму, чѣмъ на одномъ турецкомъ каикѣ».—Сначала адмиралъ запретилъ было, матросамъ пѣть пѣсни на судахъ, стоящихъ на рейдѣ и близъ домовъ, но по просьбѣ населенія, это было вскорѣ дозволено.

Утромъ 8-го числа вѣтеръ стихъ и эскадра, поставивъ паруса, вышла изъ пролива. Поровнявшись съ султанскимъ дворцемъ, гдѣ Селимъ, окруженный блестящею свитою, любовался шествіемъ русской эскадры, матросы разбѣжавшись по реямъ и вантамъ, привѣтствовали турецкаго падишаха криками ура! при трубныхъ звукахъ, барабанномъ боѣ и салютѣ съ адмиральскаго корабля. 9-го Сентября, суда наши встали на якорѣ у Дарданельскихъ замковъ и соединились съ турецкой эскадрой подъ начальствомъ Кадыръ-Абдулъ-бея, стараго, опытнаго моряка, участвовавшаго во многихъ походахъ и битвахъ.

Не смотря на желаніе Порты поскорѣе начать военныя дѣйствія, ея администрація не озаботилась снабдить флотъ достаточнымъ количествомъ людей и продовольствія. По этой причинѣ флотъ принужденъ былъ остаться у Дарданеллъ до 20 Сентября. Съ экипажами турецкихъ судовъ, только что набранныхъ изъ различныхъ деревень, не мало было хлопотъ; и только грозное имя «Ушакъ-паши» способно было обуздать ихъ своеволіе и водворить между ними нѣкоторый порядокъ.

Во время стоянки соединеннаго флота у Дарданеллъ, адмиралы условились между собою насчетъ подробностей дальнѣйшихъ дѣйствій и сообщили другъ другу свои сигналы. По просьбѣ Кадыръ-паши назначены были къ нему на корабль одинъ подштурманъ, два навигатора и лейтенантъ Метакса, знавшій турецкій языкъ, для перевода приказаній, сигналовъ и объясненія разныхъ движеній флота.

Удивительное зрѣлище на Средиземномъ морѣ представляли эти два флота: христіанскій и мусульманскій, соединенные общею цѣлію и шедшіе рука объ руку для пораженія общаго врага. Послѣ четырехвѣкового отчужденія и жестокой вражды ко всѣмъ державамъ, Порта впервые вступала въ составъ политической системы Европы, и адмиралу Ушакову, первому, пришлось послужить сближенію Европы съ варварали, стать руководителемъ ихъ на поприщѣ воинской чести и обуздать ихъ дикія страсти и своеволіе. Le panthère d'Asie et l'ours du pôle venoient de retentir la Méditerrannée de leurs rugissements. «Такъ выражался французскій писатель того времени объ этомъ удивительномъ союзѣ.

Покореніе острововъ Цериго, Занте, Кефалоніи и Св. Мавры.

Принадлежавшіе Венеціи Іоническіе острова: Цериго Занте, Кефалонія, Итака, Св. Мавры и Корфу покорены были въ началѣ 1797 г. французами. Когда въ томъ же году, по кампоформійскому договору, Австрія и Франція раздѣлили между собою Венеціанскую республику, Іоническіе острова признаны были за Франціею; Австрія же получила другія земли, въ томъ числѣ

область Бокку-ди-Катарро, населенную славянскимъ племенемъ. Австрія не могла примириться съ потерею Іоническихъ острововъ и мечтала снова завладѣть ими. Не прочь была отъ нихъ и Англія. Расправившись съ французами, лордъ Нельсонъ предполагалъ явиться къ островамъ, возбудить жителей къ возстанію противъ французовъ и объявить протекторатъ Англіи, который безъ сомнѣнія кончился бы полнымъ присоединеніемъ. Не зная еще объ успѣхахъ русско-турецкаго флота, Нельсонъ писалъ англійскому посланнику въ Константинополѣ:—«Надѣюсь, что Порта понимаетъ, какую опасность готовитъ она себѣ въ будущемъ, если позволитъ русскимъ занести ногу на Корфу. Пусть лучше постарается удержать ихъ на Востокѣ». Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ своихъ дѣйствій русскій адмиралъ встрѣтилъ недоброжелательство со стороны союзниковъ Россіи.

Кромѣ Іоническихъ острововъ, французы владѣли еще венеціанскими крѣпостями на противоположномъ албанскомъ берегу. Во всѣхъ крѣпостяхъ этихъ и на островахъ находились небольшіе французскіе гарнизоны, и завоеватели управляли жителями съ такой жестокостью, что послѣдніе ждали только первой возможности къ возстанію. Остр. Корфу защищенъ былъ значительными силами и представлялъ не легкую добычу; поэтому всѣ усилія русскаго адмирала должны были сосредоточиться на этомъ пунктѣ.

20 сентября соединенный флотъ оставилъ Дарданеллы и въ трехъ колоннахъ послѣдовалъ къ Іоническимъ островамъ, остановившись только на короткое время у острововъ Хіоса и Идры, чтобы взять лоцмановъ и нѣсколько кирлангичей. Суда эти съ большимъ искусствомъ строились греками, жителями упомянутыхъ

острововъ, и употреблялись для плаванія у береговъ. Они имѣли еще ту выгоду, что по легкости своей могли слѣдовать за флотомъ.

Когда соединенныя эскадры прибыли въ Хіосу, то греки, увидавъ на берегу голонджіевъ (турецкихъ матросовъ), извѣстныхъ грабителей и насильниковъ, заперли дома, лавки и попрятались. Ад. Ушаковъ заявилъ Кадыръ-бею, что если соединенный флотъ производитъ такое впечатлѣніе, то лучше имъ до времени раздѣлиться и идти порознь. Турецкій адмиралъ такъ хорошо это принялъ, что объявилъ своимъ подчиненнымъ, за первую же жалобу за ихъ безчинство— смертную казнь. Угроза подѣйствовала; дома и лавки открылись и затѣмъ послѣдовала ярмарка, гдѣ русскіе, турки и греки пріятельски привѣтствовали другъ друга.

Прибывъ къ Іоническимъ островамъ, главнокомандующій предположилъ прежде всего занять Цериго, лежащій на границѣ Архипелага, чтобы имѣть возможность пресѣчь плаваніе мелкихъ французскихъ судовъ. Цериго былъ взятъ 1-го октября а за нимъ Занте, Кефалонія и св. Мавра. Ко 2-му ноября всѣ четыре острова были освобождены и французы выгнаны.

За взятіе Цериго Ушаковъ былъ награжденъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго при милостивомъ рескриптѣ, а отъ султана получилъ табакерку.

Занятіе острова Занте сопровождалось большой торжественностью. Когда главнокомандующій съ офицерами отправился на берегъ для присутствія на благодарственномъ молебнѣ, его встрѣтили ружейной пальбой и колокольнымъ звономъ. Всѣ улицы города украсились картинами, коврами и русскими флагами. Жи-

тели съ такими же флагами въ рукахъ восклицали: «Да здравствуетъ Государь нашъ, Павелъ Петровичъ! Да здравствуетъ возстановитель вѣры въ нашемъ отечествѣ!» Адмирала повсюду встрѣчали восторженными кликами; путь его усыпали цвѣтами; многіе плакали отъ радости, порываясь нести на рукахъ своихъ избавителей. Матери выносили дѣтей, заставляя ихъ цѣловать руки русскихъ моряковъ.

Почетъ, оказываемый русскимъ, возбуждалъ зависть турокъ. Желая сохранить добрыя отношенія, адмиралъ убѣждалъ жителей оказывать и туркамъ, какъ соучастникамъ ихъ освобожденія, такое же вниманіе; но греки туго поддавались убѣжденіямъ и прямо заявили, что они согласны скорѣй остаться въ подданствѣ у французовъ, чѣмъ перейти во власть невѣрныхъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что только благодаря замѣчательному такту нашего адмирала и его рѣдкому добродушію удалось все время поддерживать между союзниками добрый миръ и согласіе. Его выдающійся умъ и прямота очень быстро заслужили уваженіе и довѣріе турецкихъ моряковъ.

Занте, по плодородію и живописному мѣстоположенію, считался, послѣ Корфу однимъ изъ богатѣйшихъ острововъ Архипелага. Его называли цвѣткомъ Леванта; но поэтому то самому устройство въ немъ самоуправленія надѣлало много хлопотъ адмиралу. Богатые и знатные люди стремились къ власти и неохотно уступали другъ другу.

Островъ св. Мавры, въ древности Левкадія, знаменитъ своей скалой, съ которой бросилась извѣстная поэтесса древняго міра, Сафо. Честь взятія этого острова принадлежитъ Дмитрію Николаевичу Сенявину, будущему герою Адріатики. Главнокомандующій, въ доне-

сеніи своемъ съ большой похвалой отозвался о всѣхъ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

Такимъ образомъ втеченіе шести недѣль бурнаго и ненастнаго времени освобождены были четыре острова почти безъ всякой потери съ нашей стороны. Адмиралъ приписывалъ такой успѣхъ, преданности туземцевъ русскому Государю. Не подлежитъ сомнѣнію, что турки ни съ какими силами не могли бы освободить эти острова, т. к. жители для отраженія имъ соединились бы съ французами. Не мало способствовало успѣху единство дѣйствій обоихъ начальниковъ. Русскій адмиралъ не предпринималъ, ничего не посовѣтовавшись съ турецкимъ адмираломъ. Турки съ своей стороны охотно исполняли распоряженія нашихъ офицеровъ. Одно не нравилось имъ: ласковое обращеніе русскихъ съ плѣнными французами. Когда Ушаковъ принялъ первыхъ плѣнныхъ на островѣ Цериго, Кадыръ-бей просилъ его о позволеніи употребить противъ нихъ военную хитрость. «Какую?» спросилъ Ушаковъ.— «По обѣщанію вашему французы надѣются отправиться въ отечество и лежать спокойно въ своемъ лагерѣ. Позвольте мнѣ подойти къ нимъ тихонько ночью и вырѣзать ихъ». Излишне говорить, что турецкому адмиралу было отказано, чему онъ не мало дивился.

Покореніе Корфу.

Островъ Корфу, въ древности Коршира, долгое время находился подъ управленіемъ своихъ князей и былъ поперемѣнно въ зависимости отъ Эпира, Рима, Византіи, Неаполя и Венеціи. По положенію своему у входа въ Адріатическое море, онъ служитъ ключемъ къ Италіи и Греціи, а потому народы юго-западной

Европы всегда считали его важнымъ пріобрѣтеніемъ. Съ паденіемъ Венеціанской республики въ 1797 г. Корфу, вмѣстѣ съ другими островами былъ присоединенъ Наполеономъ къ Франціи.

Островъ этотъ растянувшійся параллельно албанскому берегу на протяженіи около 50-ти верстъ, отдѣляется отъ него проливомъ отъ 1 до 5 миль.

Крѣпость Корфу считалась одною изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ. Эта крѣпость состояла собственно изъ пяти крѣпостей расположенныхъ такъ, что непріятель, взявши одну, тотчасъ же попадалъ подъ огонь другой. Осаждающіе должны были бороться съ препятствіями на каждомъ шагу, вездѣ встрѣчая глубокіе рвы, высокіе валы, узкіе проходы, головоломныя лѣстницы, высѣченныя въ скалѣ, казематы и бастіоны, устроенные одинъ надъ другимъ.

Съ береговой стороны городъ обнесенъ былъ двумя валами со рвомъ и примыкалъ къ новой крѣпости, въ которой находился великолѣпный домъ коменданта и памятникъ графу Шуленбургу, освободившему Корфу отъ турокъ въ 1716 году.

Для усиленія защиты, островъ Видо, лежащій противъ Корфу, былъ укрѣпленъ батареями на выгодныхъ мѣстахъ. Вездѣ, гдѣ могли пристать гребныя суда, сдѣланы были загражденія, такъ что не было почти никакой возможности высадить десантъ.

Корфіоты не разъ уже писали адмиралу, что съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія флота и примутъ его съ распростертыми объятіями; поэтому, отрядъ Селивачева изъ трехъ русскихъ и трехъ турецкихъ кораблей, посланный въ Корфу въ то время, когда флотъ находился еще у о. Зонте, принятъ былъ съ почетомъ депутаціею отъ города, предложившей по-

ставить 10000 милиціи въ распоряженіе главнокомандующаго.

На другой день по прибытіи этого отряда кап.-лейт. Шостакъ былъ посланъ въ крѣпость съ предложеніемъ гарнизону сдаться. Его провели въ крѣпость съ завязанными глазами, и когда развязали, онъ увидалъ себя въ большой залѣ среди французскихъ генераловъ и высшихъ чиновниковъ. Русскаго посланнаго приняли учтиво, но на его предложеніе съ улыбкой отвѣтили, что французы не думаютъ сдаваться и не видятъ въ этомъ никакой надобности. Окончивъ переговоры, Шостака угостили прекраснымъ обѣдомъ, а потомъ пригласили въ театръ и на ужинъ. Вѣтеръ былъ крѣпкій, выѣхать не предвидѣлось возможности и лейтенанту оставалось только воспользоваться оказаннымъ ему вниманіемъ.

Ад. Ушаковъ 9-го ноября прибылъ съ частью флота въ Корфу. Не имѣя достаточно десантнаго войска, онъ не могъ начать правильной осады и въ ожиданіи помощи, которую обязались доставить турецкіе паши, могъ только усилить блокаду крѣпости и пресѣчь сообщеніе.—«Еслибъ я имѣлъ хоть одинъ полкъ сухопутнаго войска»,—писалъ онъ въ донесеніи Государю, —«то непремѣнно надѣялся бы Корфу взять».

Вознамѣрившись прежде всего овладѣть о. Видо, Ушаковъ прогналъ французовъ съ маленькаго «Карантиннаго» островка и началъ строить тамъ батареи, угрожавшія укрѣпленіямъ Видо. Корфіоты взялись защищать эти батареи, и адмиралъ ожидалъ только прибытія остальныхъ судовъ, чтобы снабдить ихъ орудіями большого калибра. Французы, которымъ эти батареи мѣшали въ фуражировкѣ, сдѣлали 20 ноября сильную вылазку и овладѣли южною батареею. Этотъ

успѣхъ такъ ободрилъ ихъ, что они продолжали неоднократно дѣлать вылазки, но наши и албанскія войска отражали ихъ съ большимъ урономъ.

22-го ноября присоединился къ флоту отрядъ Сенявина, а къ 1 января 1799 г. передъ Корфу уже стояли: 12 кораблей, 11 фрегатовъ и нѣсколько мелкихъ судовъ.

За неимѣніемъ достаточнаго количества десантныхъ войскъ и осадной артиллеріи, Ушаковъ вынужденъ былъ ограничиться пока лишь тѣсной блокадой и бомбардировкой крѣпости.

Въ концѣ января прибыли наконецъ 4000 албанцевъ, присланныхъ пашами. Хотя это войско составляло только третью часть того, что было обѣщано, но главнокомандующій не надѣясь получить больше, вознамѣрился приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Сухопутнымъ войскамъ предписано было штурмовать передовыя укрѣпленія Корфу, а флотъ долженъ былъ произвести атаку на Видо и взявъ его, приступить къ Корфу.

18-го февраля, по сигналу съ флагманскаго корабля «Св. Павелъ», началась общая атака. Передовыя батареи открыли пальбу по крѣпостямъ, корабли сбивали батареи на Видо, и выстрѣлами очищали берегъ отъ траншей, заваловъ и окоповъ. Въ рѣшительныхъ случаяхъ Ушаковъ обыкновенно подавалъ собою примѣръ, ставя свой корабль на самыя опасныя мѣста. Вообще русскіе корабли были всегда впереди, а турецкіе укрывались за ними. Они стрѣляли черезъ русскія суда, а два ядра, ухитрились посадить въ бокъ адмиральскаго корабля. Въ 9 ч. пальба сдѣлалась общею, но къ 11 ч. непріятельскій огонь сталъ стихать и главнокомандующій приказалъ свозить десантъ. Сильною канонадою

почти всѣ непріятельскія батареи были окончательно сбиты.

Гребныя суда пристали въ трехъ мѣстахъ и десантныя войска, разсыпавшись по острову, принялись преслѣдовать французовъ, которые засѣли въ траншеяхъ и другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ, отчаянно защищаясь; но послѣ довольно продолжительнаго и жаркаго сраженія они должны были уступить. Турки, озлобленные упорнымъ сопротивленіемъ, по обычаю своему, принялись рѣзать головы всѣмъ плѣннымъ, попавшимся въ ихъ руки. Увѣщанія и угрозы не дѣйствовали. Нѣсколько нашихъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ кинулись вслѣдъ за турками, и такъ какъ мусульманамъ за каждую голову выдавалось по червонцу, то наши, не исключая даже простыхъ рядовыхъ, видя, что всѣ ихъ убѣжденія недѣйствительны, начали собственными деньгами выкупать плѣнныхъ. Маіоръ Соколовъ замѣтивъ, что нѣсколько турокъ окружили молодого французскаго офицера, поспѣшилъ къ нему въ то самое время, когда онъ развязывалъ галстухъ, а турки держали передъ нимъ открытый мѣшокъ съ дымящимися еще головами. Не имѣя при себѣ денегъ, Соколовъ отдалъ туркамъ часы и голова француза осталась на плечахъ *).

Пораженіе французовъ было полное. Изъ 800 гарнизона только немногіе спаслись на гребныхъ судахъ, Остальные были побиты или потоплены. Островъ былъ во власти побѣдителей и на немъ подняты русскій и турецкій флаги. Въ тотъ же день передовыя укрѣпленія о. Корфу взяты были приступомъ.

Видя островъ Видо и передовыя укрѣпленія во

*) Conquêtes et désastres des Français de 1792—1815.

власти непріятеля и убѣдившись, что осаждающіе не отступятъ пока не завладѣютъ крѣпостью, начальникъ французскаго гарнизона, генералъ Шабо, послалъ главнокомандующему письмо такого рода:

«Г. Адмиралъ! Мы думаемъ, что безполезно жертвовать жизнью многихъ храбрыхъ воиновъ, какъ французскихъ, такъ и русскихъ, и турецкихъ, находящихся передъ Корфу. Поэтому мы предлагаемъ вамъ перемиріе насколько времени вы разсудите необходимымъ для постановленія условій и сдачѣ крѣпости».— «На пріятные договоры я всегда согласенъ,—отвѣчалъ адмиралъ,—и тотчасъ же всюду разошлю приказъ, чтобы на 24 ч. военныя дѣйствія прекратить».

На другой день французскіе уполномоченные пріѣхали на адмиральскій корабль для подписанія обѣими сторонами капитуляціи съ приложеніемъ печати.

И такъ, могущественная крѣпость о. Корфу до тѣхъ поръ никѣмъ еще не побѣжденная, должна была сдаться. Но чтобы вполнѣ оцѣнить заслуги ад. Ушакова необходимо припомнить неблагопріятныя обстоятельства при которыхъ онъ дѣйствовалъ. Много нужно было таланта и силы воли, чтобы одолѣть эти обстоятельства и привести дѣло къ благополучному концу. Поэтому побѣду, одержанную Ушаковымъ, можно назвать не только доблестною, но и поучительною.

Мы уже говорили о томъ, какая затяжка произошла въ доставкѣ турецкими пашами сухопутныхъ войскъ. Всѣ эти паши постоянно ссорились между собою и адмиралу приходилось поддерживать между ними согласіе и порядокъ. Изъ всѣхъ пашей самымъ несговорчивымъ былъ Али-паша Янинскій. Сверхъ того этотъ паша отличался хитростью, жестокостью и коварствомъ. Человѣкъ властолюбивый, онъ мечталъ от-

ложиться отъ Порты и сдѣлаться независимымъ владыкою Албаніи. Главнокомандующему приходилось постоянно быть настороже противъ козней Али-паши, который велъ двойную игру, показывая пріязнь русскимъ и въ тоже время входя въ тайные переговоры съ французами. Зависимость отъ такихъ лицъ и сношенія съ ними дѣлали положеніе главнокомандующаго очень тягостнымъ. Медлительность и интриги пашей создавали ему безпрестанныя затрудненія, которыя тормозили дѣло. Турецкая эскадра оказывала также весьма мало помощи.—«Все что ни сдѣлано здѣсь,—писалъ адмиралъ Томаре,—блокада, осада, нападеніе, все произведено почти одними нашими судами и командами. Помощь турокъ была незначительна. Но чтобы сохранить дружбу съ блистательной Портой, въ реляціи отзываюсь съ похвалою о ихъ дѣйствіяхъ».

Ко всѣмъ невзгодамъ, испытаннымъ русскою эскадрою во время зимней блокады, присоединился еще недостатокъ продовольствія. Турки, взявшіе на себя это дѣло, исполняли его безтолково и недобросовѣстно. —«Изъ всей древней исторіи не зналъ я примѣровъ,—писалъ Ушаковъ,—чтобы когда какой флотъ могъ находиться въ отдаленности безъ всякихъ снабженій и въ такой крайности въ какой мы теперь находимся. Мы не желаемъ никакого награжденія, лишь бы только подчиненные наши, столь вѣрно и ревностно служащіе, не были больны и не умирали съ голоду».

Вотъ въ какомъ матеріальномъ состояніи находилась русская эскадра подъ флагомъ любимаго вождя своего, адмирала Ушакова, умѣвшаго внушить ей свою твердость и воодушевить храбростью. Въ этой то школѣ трудовъ и лишеній, Сенявинъ, руководимый высокимъ примѣромъ, приготовлялъ себя, чтобы съ

такой же честью командовать шесть лѣтъ спустя русской эскадрою въ тѣхъ же водахъ и при обстоятельствахъ во многомъ сходныхъ съ вышеописанными.

Черезъ сутки по подписаніи капитуляціи весь соединенный флотъ рано утромъ снялся съ якоря и вошелъ на рейдъ между остров. Корфу и Видо. Французскіе флаги были спущены на всѣхъ укрѣпленіяхъ и вмѣсто ихъ подняты русскіе и турецкіе при чемъ произведены салюты адмиральскому флагу. Подъ вечеръ главнокомандующій со своими флагманами и командирами съѣхалъ на берегъ для слушанія благодарственнаго молебствія въ церкви св. Спиридонія *) и поклоненія его мощамъ. Народъ восторженно привѣтствовалъ адмирала и восхвалялъ Императора. Колокольный звонъ и ружейная пальба не умолкали; вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ.

Въ числѣ первыхъ заботъ адмирала было учрежденіе правленія на островахъ, входившихъ въ составъ Іонической республики, признанной потомъ на Аміенскомъ конгрессѣ 1801 года. Такимъ образомъ адмиралу приходилось дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ, причемъ онъ выказалъ административныя и дипломатическія способности поистинѣ изумительныя.

Передъ отбытіемъ русской эскадры, жители семи Іоническихъ острововъ въ знакъ признательности за освобожденіе и за утвердившееся у нихъ спокойствіе и порядокъ поднесли Ушакову золотую шпагу украшенную алмазами съ надписью: «Корфу—Избавителю

*) Въ 1801 г. мощи св. Спиридонія приняты были подъ покровительство Россіи въ знакъ чего надъ запад. вратами поставленъ Императорскій гербъ. Такой же гербъ находится надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ Θед. Θед. Ушаковъ какъ побѣдитель.

Ушакову»; населеніе ос. Занте — серебряный вызолоченный щитъ и такую же шпагу съ надписями; остальные острова — медали съ девизами. Населеніе острововъ отдавая должное заслугамъ Ушакова, цѣнило въ тоже время его личныя симпатичныя качества—правдивость и привѣтливость.—«Отечество возглашаетъ васъ освободителемъ и отцомъ своимъ»,—сказали ему депутаты, поднося почетную шпагу. Султанъ Селимъ III, въ знакъ особаго благоволенія, прислалъ Ушакову драгоцѣнный брилліантовый челенгъ (султанъ или перо на шляпу); соболью шубу и 1000 червонцевъ. Кромѣ того 3500 червонцевъ для раздачи офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Не мало было частныхъ писемъ и поздравленій. Говорятъ, Суворовъ, получивши извѣстіе о покореніи Корфу, сказалъ:—«Сожалѣю, что не былъ при этомъ хотя мичманомъ».

Производство въ адмиралы было послѣдней наградой, полученной Ушаковымъ отъ своихъ государей. Эта награда возвела его на первую степень значенія во флотѣ, но тѣмъ сильнѣе, быть можетъ, дала почувствовать тѣ удары судьбы, которые, все учащаясь, нанесли послѣдній ударъ его самолюбію и заставили сойти со сцены.

Компанія на Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ.

1805—1809.

Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ.

I.

Подвиги русскаго флота на водахъ Средиземнаго моря выдвинули имя Д. Н. Сенявина на военно-морскомъ поприщѣ, хотя, къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ политическаго свойства, подвиги эти не имѣли тѣхъ блестящихъ послѣдствій, на которыя имѣлъ право разсчитывать руководитель ихъ.

Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ *) родился 6 Августа 1763 г. въ селѣ Комлевѣ, Калужской губерніи. Онъ принадлежалъ къ одному изъ древнихъ дворянскихъ родовъ. Отецъ его былъ занятъ службою, постоянно находился въ разъѣздахъ, и мальчикъ росъ подъ руководствомъ матери и сельскаго священника. Богъ вѣсть, что ожидало бы его въ будущемъ, если бы случайно не встрѣтился онъ съ дядей своимъ, адмираломъ, который полюбилъ его, взялъ въ Петербургъ и опредѣлилъ въ Морской корпусъ.—«Отецъ

*) Арцымовичъ. Біографія Сенявина.

(Снимокъ съ гравюры, находящейся въ Морскомъ Музеѣ).

самъ отвезъ меня въ корпусъ,—разсказываетъ Сенявинъ,—къ маіору Г. Они скоро познакомились, и скоро подгуляли. Тогда было время такое, что безъ хмѣльного ничего не дѣлалось. Распростившись съ маіоромъ, отецъ сѣлъ въ сани; я поцѣловалъ у него руку; онъ перекрестилъ меня и сказалъ:—Прости, Митюха; спущенъ корабль на воду, отданъ Богу на руки».

Мы уже знаемъ, каковъ былъ тогда морской корпусъ. Трудно было выбиться мальчику, оставленному на произволъ судьбы. Сенявинъ сталъ лѣниться и дурно вести себя. Просидѣвъ три года въ классѣ, онъ задумалъ было выйти, но и тутъ дядя адмиралъ выручилъ. Онъ призвалъ его къ себѣ, усовѣщевалъ, объяснялъ, что онъ теряетъ, и какое поприще передъ нимъ откроется, если онъ окончитъ курсъ. «И въ заключеніе», говоритъ Сенявинъ, «позвалъ людей съ розгами, положилъ меня на скамью и высѣкъ отечески. Право и теперь это помню. Вѣчная ему память и вѣчная за то благодарность. Потомъ обласкалъ меня, подарилъ конфектъ и самъ проводилъ въ корпусъ. Я призадумался и взялся за умъ. Вскорѣ вернулся старшій братъ изъ похода. Онъ часто въ шабашное время разсказывалъ о прелестяхъ морской жизни, что окончательно подзадорило меня. Въ три года я нагналъ все упущенное и въ 1777 г. произведенъ былъ въ гардемарины».

Гардемариномъ Сенявинъ находился въ двухъ кампаніяхъ и два года спустя блестяще выдержалъ экзаменъ на офицера. Какъ выдающійся офицеръ, онъ былъ назначенъ въ Таганрогъ, въ Азовскій флотъ. По дорогѣ въ Крымъ онъ навѣстилъ мать, которую не видѣлъ съ поступленія въ корпусъ. Разсказывая объ этомъ посѣщеніи, Сенявинъ упомянулъ, что мать

предсказала ему высокое положеніе, основывая это предсказаніе на той примѣтѣ, что онъ спалъ, закинувъ руки на голову.

Когда Потемкинъ пріѣзжалъ въ Севастополь, Сенявинъ всегда назначался къ нему въ ординарцы. Свѣтлѣйшій полюбилъ Д. Н. и сдѣлалъ его своимъ Генеральсъ-адъютантомъ. Въ 1790 г. Сенявинъ назначенъ былъ въ эскадру Ушакова и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ противъ турокъ. Почти съ самаго начала его служенія подъ флагомъ Ушакова, между нимъ и адмираломъ начались недоразумѣнія, которыя дошли до того, что Ушаковъ принесъ кн. Потемкину жалобу на своего подчиненнаго. Свѣтлѣйшій разсердился и приказалъ содержать Сенявина подъ строжайшимъ арестомъ. Черезъ нѣсколько дней онъ позвалъ Д. Н. и предложилъ ему на выборъ: просить публично прощенія у Ушакова, или быть разжалованнымъ въ матросы. Сенявинъ избралъ первое. Ушаковъ столько же добрый и великодушный, какъ строгій и взыскательный, встрѣтилъ Сенявина со слезами на глазахъ, обнялъ его и отъ души простилъ. Чуждый зависти, онъ не разъ доставлялъ Сенявину случаи отличиться и отдавая справедливость его способностямъ, говорилъ:—«Я не люблю Сенявина, но онъ отличный офицеръ и съ честью можетъ замѣнить меня въ предводительствованіи флотомъ».

1804 годъ застаетъ Сенявина начальникомъ ревельскаго флота въ чинѣ контръ-адмирала. Въ эту эпоху политическій горизонтъ Европы началъ омрачаться. Непомѣрное честолюбіе Наполеона и его завоевательные замыслы встревожили Европейскія державы и возбудили непріязненныя чувства Императора Александра. Въ 1805 г. дипломатическія сношенія съ

Франціею были прерваны и война сдѣлалась неизбѣжною. Для защиты Іонической республики отъ посягательствъ Бонапарта отправлена была изъ Кронштадта въ подкрѣпленіе къ прежнимъ нашимъ силамъ на Средиземномъ морѣ, эскадра изъ 5 кораблей и 1 фрегата. Начальство надъ эскадрою поручено Сенявину, который тогда же произведенъ въ Вице-адмиралы съ властью главноначальствующаго надъ флотомъ и сухопутными войсками, находившимися въ Средиземномъ морѣ. Съ этой минуты начинается блестящая эпоха его дѣятельности.

25-го Августа эскадру посѣтилъ въ Кронштадтѣ Государь Императоръ. Едва ли можетъ что сравниться съ зрѣлищемъ, которое представляетъ встрѣча Императорскаго штандарта въ морѣ. Всѣ суда эскадры, украшенныя разноцвѣтными флагами, вытянулись въ линію на семи верстахъ. Гребной катеръ съ Государемъ шелъ подъ штандартомъ впереди длиннаго ряда шлюпокъ подъ шелковыми адмиральскими флагами. При проѣздѣ Его Величества мимо кораблей, матросы, разставленные по реямъ и вантамъ, кричали «ура». При прибытіи и отбытіи Государя съ каждаго судна, корабля и крѣпости салютовали ему.

10-го Сентября корабли, составлявшіе эскадру: «Ярославъ», подъ флагомъ адмирала, «Москва», «Св. Петръ», «Селафаилъ», «Уріилъ», и «Кильдюинъ» снялись съ якоря и пустились въ дальнее плаваніе. Тихій вѣтеръ задержалъ эскадру на весь день въ виду Кронштадта къ великой досадѣ молодежи, стремившейся къ новымъ ощущеніямъ и блестящимъ подвигамъ.

Плаваніе отъ Кронштадта до Гибралтара совершилось благополучно. 17 Декабря эскадра прошла

Гибралтаръ и вступила въ Средиземное море. Покинувъ родину осенью, моряки, не видавъ зимы и весны, очутились въ разгарѣ лѣта. Для лицъ, въ первый разъ попавшихъ въ эти страны, впечатлѣніе было чудное. Плывя близъ берега, моряки съ наслажденіемъ вдыхали ароматный воздухъ и любовались видами. Каждую минуту новые предметы представлялись ихъ взорамъ. Города, лѣса, горы мелькали и исчезали, чтобы смѣниться новыми картинами.

Цѣлые три дня штиль задержалъ эскадру у одного голаго камня. Моряки забавлялись какъ могли: купались, стрѣляли въ цѣль, ловили рыбу. Юнги (малолѣтніе матросы) едва успѣвали закидывать уду, какъ вытаскивали по 2—3 рыбы заразъ. На уду же, насадивъ рыбу, ловили чаекъ. Множество этихъ птицъ вилось около корабля, отнимая съ крикомъ другъ у друга брошенную имъ добычу. Касатки и дельфины сновали около кораблей. Такъ какъ день былъ жаркій, то людямъ позволили купаться. Для неумѣющихъ плавать спустили шлюпки и у бортовъ натянули паруса, на которыхъ матросы мылись какъ въ ваннѣ.

Въ ночь на 18 Января 1806 г. эскадра пришла въ Корфу. Едва взошло солнце, какъ громъ орудій возвѣстилъ о прибытіи главнокомандующаго. Эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, крѣпость и купеческія суда разныхъ націй салютовали выстрѣлами. Всѣ военныя суда въ знакъ вступленія подъ начальство Сенявина спустили бѣлые и подняли красные флаги. Отъ всѣхъ кораблей отдѣлились шлюпки и поплыли къ адмиральскому кораблю, на которомъ ихъ встрѣчали и провожали музыкой.

Число сухопутныхъ войскъ, поступившихъ подъ команду Сенявина, простиралось до 13,000. Морскую

силу составляли: 10 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 6 корветовъ, 6 бриговъ, 12 канонерскихъ лодокъ и нѣсколько призовыхъ судовъ.

Русскій флагъ въ Средиземномъ морѣ первенствовалъ тогда надъ всѣми прочими. Греки, Албанцы и Славяне Адріатическаго побережья считали Корфу своей столицею и оттуда ждали освобожденія. Для торговли Корфу имѣлъ громадное значеніе. Менѣе чѣмъ въ годъ со времени принятія его подъ защиту Россіи число коммерческихъ судовъ увеличилось болѣе чѣмъ вчетверо. Корфу представлялъ еще ту выгоду что никогда не замерзающее Средиземное море давало возможность нашимъ морякамъ совершать круглый годъ практическія плаванія, что составляло мечту Петра и Екатерины.

Первый день пребыванія въ Корфу посвященъ былъ взаимнымъ посѣщеніямъ. Шлюпки то и дѣло сновали отъ корабля къ кораблю. Всякій спѣшилъ повидать друга, товарища и брата, какъ называли другъ друга моряки. Воспитанные однимъ заведеніемъ, всѣ были такъ или иначе близки одинъ другому, даже и въ томъ случаѣ, когда одинъ уже сталъ начальникомъ, а другой еще былъ подчиненнымъ.

Въ Февралѣ адмиралъ получилъ важныя извѣстія: Австрійскій Императоръ заключилъ въ Пресбургѣ съ Наполеономъ миръ, по которому отдалъ Франціи Далмацію. Французскія войска уже заняли австрійскія владѣнія отъ Тріеста до Фіуме, и Франція вступила въ переговоры съ Али-пашей Янинскимъ относительно пропуска ея войскъ черезъ его округъ. Имѣя много случаевъ въ прежнее свое служеніе на Средиземномъ морѣ наблюдать до какой степени южные славяне, особенно Катарцы и Черногорцы преданы Россіи, Се-

нявинъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, занявъ Катарро, утвердить за Россіей господство на Адріатическомъ морѣ, отдаливъ такимъ образомъ французовъ отъ Корфу. Хотя Сенявинъ не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ приказаній, но чтобы не потерять удобнаго случая и не упустить времени, онъ рѣшился приступить къ немедленному исполненію своего плана. Здѣсь встрѣтились ему серьезныя препятствія. Генералъ-аншефъ Ласси, прежній главнокомандующій въ Корфу, имѣлъ повелѣніе оставить только необходимый гарнизонъ въ Корфу, а съ остальными войсками возвратиться въ Черное море. Но Сенявину удалось убѣдить его въ выгодѣ задуманнаго имъ предпріятія и Ласси согласился оставить большую часть войскъ въ распоряженіе адмирала.

9-го февраля капитанъ I ранга Белли получилъ приказаніе: съ кораблемъ, двумя фрегатами и шкуной показаться на высотѣ Катарскаго залива, снестись съ Сенковскимъ, русскимъ повѣреннымъ въ Черногоріи, вывѣдать настроеніе катарцевъ, (они же бокезцы и приморцы) и потомъ учредить блокаду между островами, чтобы не допускать французовъ въ Катарро. Въ случаѣ сочувствія народа предполагалось занять ихъ область.

Капитанъ Белли оправдывалъ такое важное порученіе прежними своими заслугами. Онъ извѣстенъ былъ какъ искусный и предпріимчивый морякъ, и въ войну 1799 г. особенно отличился. Высаженный съ 500 матросовъ адмираломъ Ушаковымъ въ Бриндизи, Белли явился подъ Неаполемъ и, въ виду 10000 французовъ, сорвалъ передовой постъ и отважно напалъ на авангардъ. Въ это время взбунтовалась неаполитанская чернь; французы заперлись въ крѣпости и черезъ

нѣсколько дней положили оружіе передъ горстью матросовъ. Императоръ Павелъ, получивъ объ этомъ донесеніе, былъ въ восторгѣ. «Белли меня удивилъ, сказалъ онъ; да и я его удивлю». Белли, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, получилъ орденъ Св. Анны I степени.

Бокка-ди-Катарро, въ буквальномъ переводѣ: ротъ, т. е. входъ въ Катарро, издавна составляла независимую республику подъ покровительствомъ Венеціи. Въ одной статьѣ договора значилось, что если Венеція не въ силахъ будетъ защищать республику, то народъ властенъ остаться независимымъ. Послѣ паденія въ 1797 г. Венеціанской республики область Бокка-ди-Катарро отошла къ Австріи. Приморцы воспротивились этому и послали въ Вѣну депутатовъ, вслѣдствіе чего Вѣнскій дворъ согласился оставить республикѣ тѣ же преимущества, которыми она пользовалась подъ протекторатомъ Венеціи. Когда по Пресбургскому, унизизительному для Австріи договору, область эта отдана была Франціи, Катарцы пришли въ отчаяніе. Но явилея отважный витязь, одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ, и народъ воспрянулъ духомъ. Появленіе русскаго флота послужило сигналомъ къ всеобщему вооруженію. Старѣйшины народа положили не только искать покровительства Россіи, но безусловно присягнуть въ вѣрности русскому Императору. Поэтому, послали депутатовъ въ Черногорію просить русскаго довѣреннаго Сенковскаго о посредничествѣ, а митрополита Петра Негоша — о помощи.

Петръ Петровичъ Негошъ, глава черногорскаго народа и глава церкви, былъ въ то же время и воиномъ.

Воспитаніе онъ получилъ въ Петербургѣ, въ Невскомъ монастырѣ, и во время царствованія Екатерины

оказалъ большія услуги, расположивъ юго-западныхъ славянъ въ пользу Россіи. Разбивъ пашу скутарскаго, онъ удостоился милостей Императора Павла; а содѣйствіе нашимъ войскамъ на адріатическомъ побережьѣ расположило къ нему Императора Александра.

Одинъ изъ участниковъ сенявинской кампаніи, Броневскій, описываетъ его такъ: П. П. Негошъ высокъ ростомъ, строенъ, лицемъ румянъ, видъ имѣетъ привлекательный, глаза живые, держитъ себя съ достоинствомъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Я видѣлъ его въ санѣ первосвященника съ пастырскимъ жезломъ; видѣлъ въ церкви, когда онъ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, какъ Царь. Въ домѣ у генерала, одѣтый въ черное бархатное полукафтанье, подпоясанное богатымъ кушакомъ, на которомъ висѣла сабля, украшенная драгоцѣнными камнями, въ круглой шляпѣ съ перомъ и съ Александровской лентой черезъ плечо, онъ походилъ скорѣе на полководца, чѣмъ на митрополита. Дѣйствительно онъ искусный полководецъ и въ то же время инженеръ. Онъ свободно говоритъ по французски, по итальянски и по русски, чуждъ предразсудковъ, любитъ просвѣщеніе, тонкій дипломатъ. Окружающая его свита, настоящіе исполины, чудо-богатыри, обожаютъ своего владыку и трепещутъ одного взгляда его.

Владыкѣ было 53 года, когда онъ, принявъ начальство надъ соединенными силами катарцевъ и Черногорцевъ, окружилъ крѣпость Кастель-Нуово и поклялся прогнать австрійцевъ и не сдаваться французамъ. Своевременное прибытіе русской эскадры спасло австрійцевъ отъ ужасной мести катарцевъ. Вслѣдствіе переговоровъ съ Белли, Кастель-Нуово и еще восемь крѣпостей были сданы катарцамъ безъ кровопролитія.

Въ 9-мъ часу утра митрополитъ съ старшинами прибылъ на корабль «Азія», откуда вмѣстѣ съ Белли и моряками съѣхалъ на берегъ, гдѣ духовенство съ хлѣбомъ-солью встрѣтило русскихъ. Народъ радостно кричалъ: «Да поживетъ нашъ Царь Александръ!»

Освятивъ знамена, митрополитъ сказалъ краткую, но прочувствованную рѣчь. «Свершилось желаніе ваше, храбрые славяне! Вы видите посреди васъ давно ожидаемыхъ вами по роду, вѣрѣ, храбрости и славѣ братій вашихъ. Могущественный монархъ русскій пріемлетъ васъ въ число чадъ своихъ. О, да будетъ благословенъ промыслъ Божій! Да будетъ намъ памятенъ сей радостный и счастливый день!».

Шествіе до города было умилительнымъ зрѣлищемъ. Мальчики въ праздничныхъ одеждахъ осыпали солдатъ цвѣтами. Обыватели, одни — цѣловали полу платья, другіе — почтительно прикасались къ рукамъ моряковъ. При громкихъ восклицаніяхъ: «Да вѣки поживетъ нашъ Царь Александръ!» на Кастель-Нуово взвилось русское знамя, корабли эскадры и купеческія суда расцвѣтились флагами и салютовали 101 выстрѣломъ. Жители не знали мѣры своему восторгу; угощали солдатъ всѣмъ лучшимъ, обнимали ихъ; нѣкоторые отъ избытка чувствъ плакали.

Катарская область вмѣстѣ съ Черногоріею, отдѣляясь отъ Далмаціи независимою Рагузинскою республикою, и черезъ Герцеговину примыкая къ Сербіи, составляла для войскъ нашихъ превосходную позицію. Сенявинъ вступилъ въ дружескія сношенія съ храбрымъ вождемъ сербовъ, Георгіемъ Чернымъ, который обѣщалъ не пропускать французскихъ войскъ черезъ его владѣнія, и въ случаѣ нужды, содѣйствовать скорѣйшему прибытію помощи изъ Россіи. Имѣя въ Катарро бе-

зопасную гавань, увеличивъ силы свои 12,000 катарскихъ и черногорскихъ воиновъ, Сенявинъ перенесъ театръ войны отъ Корфу въ Далмацію, отрѣзалъ сообщеніе съ Италіею и уничтожилъ въ самомъ началѣ планы Наполеона на Корфу. Всѣ распоряженія адмирала были одобрены Императоромъ и онъ удостоился Монаршаго благоволенія, изъявленнаго въ милостивомъ рескриптѣ.

Когда получено было извѣстіе, что сенатъ Рагузы, по безсилію своему, согласился пропустить черезъ свои владѣнія французскія войска и снабдить ихъ продовольствіемъ, митрополитъ Петръ послалъ отрядъ черногорцевъ показаться на ихъ границѣ, а кап. Белли, чтобъ помѣшать непріятелю переправиться моремъ, послалъ фрегатъ «Венусъ» [1]) въ каналъ Каламоту.

Политическія осложненія и система, которой намѣревалось держаться наше правительство, еще не были извѣстны адмиралу; но такъ какъ преданность катарцевъ давала надежду удержать эту область за собою и оттуда тревожить французовъ, то Сенявинъ рѣшилъ занять крѣпости Катарро и Кастель-Нуово и, чтобъ устроить все это, на кораблѣ «Селафаилъ» отправился въ тѣ мѣста самъ.

Не видя еще укрѣпленій, одинъ взглядъ на Катарро наводитъ ужасъ. Высокая, почти отвѣсная скала, обнесена каменной стѣною съ бастіонами. Крѣпость какъ будто опущена въ котелъ, надъ которымъ нависли голыя скалы. На вершинѣ видѣнъ замокъ. Чтобы взглянуть на него, надо закинуть голову назадъ.

---

[1]) Фрегатъ „Венусъ“ имѣлъ свою исторію; служить на немъ почиталось за особенную честь. „Венусъ“ былъ взятъ у шведовъ кап. Кроуномъ, въ 1789 г. командовавшимъ бригомъ „Меркуріемъ“. Въ свою очередь „Венусъ“ взялъ корабль „Ретвизанъ“.

Тамъ, подъ облаками, Сенявинъ, приближаясь къ Катарро, 14-го марта, имѣлъ удовольствіе видѣть развѣвающійся Императорскій флагъ, и лучи солнца играли на русскихъ штыкахъ.

Шествіе «Селафаила» было настоящимъ тріумфомъ. Народъ, стрѣляя изъ ружей, бѣжалъ по морскому берегу; купеческія суда безпрестанно палили изъ пушекъ. Священники съ крестомъ, начальники съ ключами города встрѣтили адмирала на пристани. Сенковскій отъ имени народа выразилъ преданность Государю и благодарность за избавленіе отъ французовъ.

(Снимокъ съ модели фрегата „Венусъ", находящейся въ Морскомъ Музеѣ).

Въ трое сутокъ Дмитрій Николаевичъ очаровалъ народъ. Доступность, ласковость, снисходительность привлекали къ нему всѣ сердца. Домъ его постоянно былъ окруженъ толпою. Черногорцы нарочно приходили съ горъ, чтобы удостоиться поцѣловать полу его платья. Прихожая всегда была полна ими; никому не воспрещался входъ.

Адмиралъ, убѣдившись въ искренней преданности жителей, освободилъ ихъ отъ повинностей; а для обезпеченія торговли учредилъ конвой отъ Тріеста до Константинополя, выславъ 30 вооруженныхъ судовъ для блокады непріятельскихъ портовъ на Адріатическомъ морѣ. Катарцы не остались неблагодарными. Старѣй-

шины отъ лица народа поднесли адмиралу благодарственный адресъ и предложили жизнь и имущество въ полное его распоряженіе. Въ нѣсколько дней они снарядили 30 крейсеровъ, что было большой помощью для нашего флота.

Адмиралъ, узнавъ о преданности къ намъ жителей Далмаціи, занятой 6,000 французовъ, рѣшилъ помочь и имъ. Белли съ девятью судами получилъ повелѣніе овладѣть островами, лежащими противъ Далмаціи. Митрополитъ вызвался снарядить 6,000 воиновъ и самъ предводительствовать ими. Адмиралъ же, 25-го марта, отправился въ Корфу, чтобы взять оттуда три батальона егерей и, соединившись съ Белли, при помощи далматинцевъ, выгнать французовъ. Въ его отсутствіе капитаномъ Белли взятъ былъ островъ Курцало.

Главнокомандующій, сдѣлавъ нужныя распоряженія въ Корфу, вернулся, 19 апрѣля, съ большею частью флота въ Катарро, гдѣ узналъ, что число французскихъ войскъ въ Далмаціи сильно умножилось. Не получая къ тому же никакихъ повелѣній свыше, онъ рѣшился придерживаться пока только оборонительнаго образа дѣйствій, защищая Катарро и островъ Курцало. 15 мая Синявинъ былъ обрадованъ новымъ рескриптомъ, одобрявшимъ занятіе Катарро и предоставлявшимъ ему полную свободу дѣйствій. Устроивъ оборону острова Курцало, адмиралъ отплылъ въ Рагузу [1]).

II.

Наступилъ праздникъ Пасхи. Катарцы, долго находившіеся подъ властью католиковъ, были стѣснены

[1]) Славянскій „Дубровникъ".

въ отправленіи православнаго богослуженія. Поэтому, когда присутствіе русскаго воинства возвратило свободу православію, праздникъ Пасхи справленъ былъ съ большой торжественностью. Въ монастырѣ св. Саввы, живописно расположенномъ среди лѣса на берегу моря, у подножія нависшей надъ нимъ скалы, полковой священникъ, въ сослуженіи съ старцемъ-игуменомъ совершалъ Пасхальное богослуженіе, и своды старинаго храма огласились стройнымъ пѣніемъ полковыхъ пѣвчихъ. Послѣ обѣдни игуменъ на колѣняхъ, со слезами воздѣвая руки къ небу, молился о здравіи Императора, войскъ его и о продолженіи русскаго владычества въ этой области до скончанія вѣковъ... Ни онъ, ни народъ вторившій его молитвѣ, не подозрѣвали, какъ кратковременно и мимолетно будетъ это владычество.

На другой день Пасхи, рано поутру, звонъ колоколовъ и пальба изъ пушекъ возвѣстили о крестномъ ходѣ. Толпы поселянъ спускались съ горъ. Мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ, несли отъ каждаго прихода крестъ на длинномъ древкѣ, увитомъ цвѣтами. Когда всѣ процессіи собрались у монастыря св. Саввы, началась обѣдня. Послѣ обѣдни игуменъ благословилъ пасхи и всѣ разошлись по лѣсу. Каждое семейство сѣло въ кружокъ, посреди котораго стояла на коврѣ пасха, холодное жаркое, вино и плоды. Безпрестанно вставали, ходили другъ къ другу и христосовались. Наши солдаты были героями дня. Каждое семейство старалось залучить ихъ къ себѣ. Послѣ трапезы начались игры, состоящія въ бѣгѣ и стрѣльбѣ въ цѣль. Очень понравились качели, которыя устроили наши солдаты. Цѣлую недѣлю продолжалось празднество. Однѣ толпы уходили, другія приходили.

Сенатъ Рагузы, тотчасъ по прибытіи главнокомандующаго, послалъ къ нему одного изъ сенаторовъ, чтобы изъявить почтеніе и просить о покровительствѣ республикѣ. Прибывъ изъ Курцало въ Рагузу, адмиралъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Скоро, однако же, между сенаторами произошелъ расколъ, и французская партія восторжествовала. Республика, на несчастіе свое, предана была во власть французовъ.

Бонапартъ принудилъ вѣнскій кабинетъ не только закрыть порты для русскихъ судовъ, но и задержать наши суда, бывшія въ Тріестѣ. Сенявинъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ съ четырьмя кораблями, 13-го мая, въ Тріестъ, а на другой же день, французскій генералъ Лористонъ съ трехтысячнымъ корпусомъ перешелъ турецкую границу, занялъ Новую Рагузу и объявилъ именемъ Бонапарта, что признаетъ независимость республики тогда только, когда русскія войска оставятъ Катарро, Корфу и другіе прежде бывшіе венеціанскіе острова! А такъ какъ русскій адмиралъ вовсе не намѣренъ былъ исполнять эти требованія, то рагузинская республика оказалась ущемленною въ своемъ же собственномъ капканѣ.

Прибывъ въ Тріестъ, Сенявинъ подъ самыми батареями расположилъ свою эскадру въ боевомъ порядкѣ. Напрасно военный комендантъ требовалъ, чтобы эскадра отошла на пушечный выстрѣлъ: адмиралъ не двинулся съ мѣста. «Стрѣляйте,—сказалъ онъ,—я посмотрю, будете ли вы дѣйствовать, по внушенію французовъ, или соблюдать точный смыслъ нейтралитета. Мой выборъ сдѣланъ. Если часъ спустя не возвращены будутъ суда, вами задержанныя, я силою возьму не только свои, но и всѣ ваши».

Грозное движеніе эскадры подкрѣпило слова адми-

рала, и австрійскія власти вынуждены были уступить. Когда все уже было готово и команды съ нетерпѣніемъ ожидали сигнала съ адмиральскаго корабля въ назначенный для боя срокъ, въ гавани раздались громкія восклицанія «Vivat» и задержанныя суда подняли русскіе флаги. Въ ту же минуту корабли «Селафаилъ» и «Петръ» вступили подъ паруса. Освобожденныя купеческія суда привѣтствовали адмирала пальбою и криками «ура!». Съ «Селафаила» отвѣчали имъ музыкою.

Офицеры двухъ кораблей, оставленныхъ въ Тріестѣ для конвоированія купеческихъ судовъ, пріятно провели вечеръ въ театрѣ, куда были приглашены безплатно. Вездѣ слышались похвалы Сенявину, который рѣшительностью своей разрушилъ козни Наполеона и тѣмъ предотвратилъ столкновеніе съ Австріею, обезпечивъ въ тоже время единственное для насъ сообщеніе съ Россіею.

На пути въ Катарро корабли и конвоируемыя суда встрѣтились съ непріятелями особаго рода, съ тифонами. Время стояло жаркое, но днемъ легкій вѣтерокъ освѣжалъ атмосферу; ночью же безпрепятственно доносились съ берега теплыя испаренія и положительно трудно было дышать. 30-го мая подулъ сѣверный вѣтеръ, поднялся туманъ и море закипѣло. Вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ вода винтомъ стала подыматься къ небу, а облака спускаться длинными рукавами. Образовался круговоротъ, который шумѣлъ и бурлилъ, разбрасывая брызги на далекое разстояніе. Наконецъ водяные винты соединились съ облаками и съ страшнымъ шумомъ начали вертѣться, увеличиваясь въ объемѣ и двигаясь съ ужасающей быстротою. Такихъ тифоновъ образовалось одиннадцать. Мелкія суда,

неимѣвшія пушекъ, поставили всѣ паруса и поспѣшили уклониться въ сторону. Корабли же стали стрѣлять изъ пушекъ и сокрушать тифоны одинъ за однимъ. Одинъ выстрѣлъ былъ дурно разсчитанъ и тифонъ едва не обрушился на корабль. Въ это же лѣто тифонъ упалъ возлѣ корабля «Св. Петръ» и, прикоснувшись только краемъ, оборвалъ брызгами всѣ паруса и сломалъ одинъ изъ нижнихъ реевъ. Можно себѣ представить, что было бы, еслибъ такой водяной столбъ упалъ прямо на корабль. Вращательное движеніе тифона бываетъ такъ сильно, что птицы и рыбы уносятся къ облакамъ. Когда солнце свѣтитъ позади тифона, то весь столбъ горитъ разноцвѣтными огнями. Видно, какъ вода переливается въ немъ и бурлитъ какъ въ водопадѣ.

31-го мая къ вечеру, конвой вошелъ въ Катарскій заливъ. Вездѣ было движеніе и суета. Большіе и малые корабли, бриги и множество судовъ разныхъ наименованій, всѣ подъ русскими флагами, тѣшили національное самолюбіе. Тамъ—слышались отрывочные крики матросовъ, тутъ—свистъ дудочки, призывавшей команды къ трапезѣ. Здѣсь—раздавались звуки оркестра, сливавшіеся съ доносившейся издали солдатской пѣсней. Все это веселило слухъ и радовало сердце.

III.

Узнавъ о занятіи Рагузы французами, митрополитъ Петръ съ своими войсками и тремя ротами нашихъ, подъ командой маіора Звягина, пошелъ навстрѣчу непріятелю. 21-го мая французы и рагузинцы встрѣтились съ нашими войсками и началось сраженіе. Передовые посты тотчасъ были сбиты. Непріятель не

могъ выдержать быстраго натиска нашихъ и черногорскихъ войскъ, былъ разстроенъ и прогнанъ въ стар. Рагузу. Въ послѣдующіе три дня наши войска имѣли успѣшныя стычки съ непріятелемъ, оттѣснили его и заняли все пространство между старою и новою Рагузою. Корабли, стоявшіе близъ берега, помогали имъ картечными выстрѣлами.

Черногорцы не давали пощады врагамъ своимъ. Они не брали никого въ плѣнъ, а прямо рѣзали головы. Даже обѣщаніе адмирала давать по червонцу за каждаго плѣнника не останавливало ихъ. Французы, убѣдившись, что борьба съ такимъ непріятелемъ дѣло не шуточное, укрѣпили господствующую надъ Новой Рагузой гору Баргардъ и засѣли тамъ.

Когда Сенявинъ вернувшись въ Катарро, узналъ о занятіи французами Рагузы, онъ со всѣмъ флотомъ и катарскими судами снялся, 1-го іюня, съ якоря и прибылъ къ Рагузѣ. Узнавъ отъ митрополита о положеніи дѣлъ, онъ рѣшился продолжать наступленіе, отнять у непріятеля гору Баргардъ и островъ с. Марка, и если это удастся, то взять и Новую Рагузу.

5-го іюня, въ глазахъ флота, произошло трудное и славное для нашихъ и черногорскихъ войскъ сраженіе. На крутизнѣ, на краю пропастей, билось храброе воинство, имѣя, съ одной стороны, вражескій огонь, съ другой — страшную пропасть. Положеніе было таково, что отступить не предстояло возможности; надо было побѣдить, или умереть. Сраженіе продолжалось отъ 2 до 7 часовъ; и не смотря на палящій зной, неравенство силъ и неприступность позиціи, гора Баргардъ была взята.

Моряки съ кораблей смотрѣли на высоты, не спуская глазъ, и въ мучительномъ безпокойствѣ ожидали,

чѣмъ кончится. Наконецъ, около 8-ми часовъ вечера эхо повторило громкое «ура» и на вершинѣ горы показалось русское знамя.

Въ этотъ день одинъ французскій солдатъ, взятый нашимъ егеремъ Ефимовымъ въ плѣнъ, отнятъ былъ черногорцами, которые, по своему обыкновенію, хотѣли отрѣзать ему голову. Ефимовъ бранился, просилъ, уступалъ даже плѣнника, но съ тѣмъ, чтобъ его не лишали жизни, говоря, что за него дадутъ въ главной квартирѣ червонецъ. Черногорцы не хотѣли ничего слушать. Тогда егерь прибѣгъ къ послѣднему убѣжденію: снялъ съ креста зашитыя въ тряпицу деньги и отдалъ черногорцамъ. «Вотъ все, что у меня есть, сказалъ онъ. Если вы не удовольствуетесь этимъ, я перваго изъ васъ, кто тронетъ плѣнника, посажу на штыкъ, а вы должны будете убить меня. Подумайте-ка: не грѣшно ли проливать братскую кровь». Черногорцы образумились, взяли деньги, а Ефимовъ отвелъ плѣнника въ главную квартиру. Плѣнникъ этотъ содержался потомъ на кораблѣ «св. Петръ».

Нѣсколько времени спустя, Ефимовъ пріѣхалъ на этотъ корабль къ землякамъ въ гости. Увидавъ его, плѣнный французъ бросился къ нему на шею, цѣловалъ, называлъ своимъ избавителемъ. Потомъ, сбѣжавъ внизъ, принесъ два талера, которые онъ выработалъ на кораблѣ, и просилъ Ефимова принять ихъ, но Ефимовъ отказался. Одинъ изъ гардемариновъ, думая, что солдаты не понимаютъ другъ друга, объяснилъ имъ въ чемъ дѣло. Тогда Ефимовъ скромно замѣтилъ: «Если я и отдалъ за него кровныя свои деньги, то вовсе не разсчитывалъ вернуть ихъ назадъ. Онъ плѣнникъ и деньги ему нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Я доволенъ, что онъ

меня помнитъ, и если ему случится взять плѣнника, пусть поступитъ съ нимъ точно также».

Когда французъ, при размѣнѣ плѣнныхъ, вернулся къ своимъ и сообщилъ о поступкѣ Ефимова, генералъ Мармонъ прислалъ ему сто червонцевъ. Сенявинъ, передавая егерю въ свертке 100 наполеоновъ, сказалъ: «Это французскій генералъ прислалъ тебѣ въ награду». Спросивъ у офицера сколько это будетъ на наши деньги и отсчитавъ часть, Ефимовъ отдалъ остальное адмиралу. «Я беру только свои деньги, сказалъ онъ, а чужихъ мнѣ не надо. «Адмиралъ, тронутый такимъ поступкомъ, размѣнялъ французскія деньги на русскія, прибавилъ своихъ и, отдавая ихъ егорю, сказалъ: «Возьми. Не французскій генералъ, а я тебѣ дарю и сверхъ того произвожу тебя въ унтеръ-офицеры. Ты дѣлаешь честь русскому имени».

Послѣ дѣла на горѣ Баргардъ, непріятель оказался запертымъ въ Рагузѣ, окруженный съ моря кораблями, а съ берега войсками. Вода была отрѣзана, съѣстные припасы не допускались. Кромѣ того, врага безпрестанно безпокоили наши войска съ батарей, устроенныхъ на высотахъ, и черногорцы, засѣвшіе въ разрушенныхъ домахъ подъ самыми стѣнами. Горько каялись рагузинцы въ своемъ пособничествѣ французамъ, но было уже поздно. Черногорцы и катарцы, согласно своему обычаю и праву побѣдителей, брали все, что попадалось подъ руку. Ни убѣжденія офицеровъ, ни приказы главнокомандующихъ не могли удержать храбрыхъ, но недисциплинированныхъ воиновъ отъ грабежа и жестокостей. Митрополитъ въ оправданіе ихъ говорилъ, что эти люди много прежде терпѣли обидъ и притѣсненій отъ рагузинцевъ; поэтому они крайне ожесточены и унять ихъ невозможно. Къ довершенію

бѣдствія рагузинцевъ, генералъ Лористонъ бралъ съ нихъ невозможную контрибуцію, отнималъ послѣдній хлѣбъ и не давалъ воды изъ цистернъ; такъ что несчастнымъ оставалось только умирать отъ огня, меча, голода и жажды.

Но бѣдствіе было бы еще ужаснѣе, еслибы великодушіе побѣдителей не ограничило его. Тѣмъ изъ жителей, которые не успѣли войти въ городъ, адмиралъ предложилъ перебраться на острова, приказалъ капитанамъ кораблей не допускать туда черногорцевъ и объявилъ ихъ подъ покровительствомъ Императора Всероссійскаго. Рагузинцы хотѣли присягнуть въ вѣрности, но Сенявинъ, не желая подвергать ихъ мщенію французовъ, отвергъ это предложеніе. Онъ позволилъ имъ вести торговлю и, къ удивленію ихъ, не взялъ никакой контрибуціи.

IV.

Неожиданныя событія прекратили успѣшныя дѣйствія русскихъ на Адріатическомъ морѣ. Въ началѣ іюня получено было Высочайшее повелѣніе о сдачѣ Катарро австрійцамъ, а потомъ французамъ. 25 іюня Сенявинъ отправился на кораблѣ «Селафаилъ», чтобы сдѣлать по этому поводу надлежащія распоряженія. Катарцы, узнавъ объ ожидавшей ихъ участи, пришли въ отчаяніе. По прибытіи адмирала, депутаты отъ восьми округовъ подали ему письмо слѣдующаго содержанія:

«Услышавъ, что Государю Императору угодно область нашу отдать французамъ, мы, именемъ всего народа, объявляемъ: Не желая противиться волѣ Монарха, единодушно согласились, предавъ все огню, оставить

отечество и слѣдовать повсюду за твоимъ флотомъ. Пусть одна пустыня, покрытая пепломъ, насытитъ жадность Бонапарта. Пусть онъ узнаетъ, что храбрымъ славянамъ легче не имѣть отечества и скитаться по свѣту, чѣмъ стать его рабами. Тебѣ извѣстно, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы Россіи. Къ тебѣ же, великій амарантъ, (такъ обыкновенно называли адмирала) благодѣтель нашъ, именемъ старцевъ, женъ и чадъ нашихъ прибѣгаемъ и просимъ предстательства у престола Монарха. Склони его къ моленію нашему, да не отринетъ онъ народа, ему вѣрнаго, народа, жертвующаго достояніемъ и отечествомъ ради малаго уголка обширной его Имперіи. Тамъ, подъ его Державою, въ мирномъ и безопасномъ убѣжищѣ мы позабудемъ потери наши и во вѣки будемъ благословлять его имя. Если же мольбы наши будутъ отринуты, ты станешь свидѣтелемъ погибели нашей. Мы рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость. Пусть кровь наша льется рѣкой, и пусть потомки знаютъ, что мы предпочли смерть постыдному рабству и не хотѣли другого повелителя, кромѣ россійскаго Монарха».

Положеніе Сенявина было крайне затруднительно. Нѣсколько семействъ отплыло уже въ Корфу; другія перебрались на суда, приготовивъ дома свои къ сожженію. Нѣсколько корсеровъ собирались напасть на австрійцевъ на островѣ Курцало, и ужасное мщеніе ихъ могло быть приписано русскимъ. Видѣть такую рѣшительность единоплеменнаго народа и оставаться равнодушнымъ—не было возможности. Отовсюду слышенъ былъ стонъ женщинъ и дѣтей. Катарцы смотрѣли съ глубокимъ унынiемъ на адмиральскій корабль, полагая, что амарантъ пришелъ проститься съ ними.

Найти выходъ изъ этого положенія было очень трудно. Съ одной стороны, ради личной безопасности, Сенявинъ долженъ былъ немедленно исполнить Монаршее повелѣніе, Съ другой — отчаяніе народа, преданнаго Россіи, налагало на него долгъ человѣколюбія, связанный со славою отечества. Ему предстоялъ подвигъ смѣлый, благородный, и онъ недолго колебался. Послѣ краткаго раздумья, онъ сказалъ депутатамъ, въ слезахъ ожидавшимъ его отвѣта: «Пошлемъ къ Государю выборныхъ изъ именитнѣйшихъ гражданъ и будемъ надѣяться на его милосердіе. А до тѣхъ поръ, насколько мнѣ будетъ возможно, я не оставлю васъ, храбрый и великодушный народъ. Я принимаю на себя всю отвѣтственность и буду защищать васъ. Успокойтесь и не предавайтесь отчаянію».

Эта эпоха въ жизни Сенявина была отмѣчена истиннымъ торжествомъ его военныхъ и гражданскихъ доблестей. Его имя сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ, можетъ быть болѣе, чѣмъ въ собственномъ отечествѣ, гдѣ скромность, свойственная великимъ характерамъ, мѣшала ему говорить о себѣ и прославлять себя.

28-го іюня, контръ-адм. Сорокинъ пришелъ съ флотомъ и войсками на рейдъ, и Сенявинъ занялся укрѣпленіемъ крѣпостей. Катарцы, видя его распоряженія, успокоились и принялись по прежнему помогать ему. Вся область обратилась въ военный лагерь и вездѣ раздавались возгласы въ честь Сенявина. Гдѣ бы онъ ни показывался, толпы народа слѣдовали за нимъ, кланялись до земли и цѣловали слѣды его.

Французскіе генералы, хотя и получили подкрѣпленія, но не осмѣливались выйти въ поле и попрежнему сидѣли запершись въ крѣпости.

4-го іюля, австрійскіе уполномоченные явились чтобъ

принять Катарро и извѣстили адмирала о мирномъ договорѣ между Франціею и Россіею, подписаннымъ Убри въ Парижѣ. Сенявинъ зналъ, что государь не получилъ еще донесенія его о занятіи французами Рагузы, состоящей подъ покровительствомъ союзницы нашей Порты, и втайнѣ надѣясь, что ходатайство его въ пользу Катарцевъ будетъ уважено, подъ разными предлогами оттягивалъ сдачу. 13-го августа получено было новое подтвержденіе о сдачѣ, а 26-го пріѣхалъ курьеръ и привезъ Высочайшее повелѣніе продолжать военныя дѣйствія во что бы то ни стало; и если Катарро сданъ, то взять его назадъ и занять всѣ прежнія позиціи. Вслѣдствіе разгрома французскими войсками союзницы нашей Пруссіи, Императоръ Александръ не утвердилъ мирнаго договора, подписаннаго Убри.

Можно себѣ представить, какъ обрадовался Сенявинъ такому повелѣнію, которое оправдывало всѣ его распоряженія, сдѣланныя на свой страхъ. Онъ тотчасъ же объявилъ волю Государя и принялъ мѣры къ продолженію военныхъ дѣйствій.

Между тѣмъ французы, получивъ извѣстіе о подписаніи мирнаго договора—Убри, стали строить батареи при самомъ входѣ въ заливъ Катарскій и выдвигать передовые посты слишкомъ близко къ нашимъ границамъ. Адмиралъ просилъ генерала Мармона, чтобы онъ ввелъ войска свои въ прежнія позиціи, но получивъ колкій отвѣтъ, прекратилъ переговоры и объявилъ о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Эскадрѣ к. а. Сорокина предписано было блокировать порты Рагузы и весь флотъ, кромѣ адмиральскаго корабля, вышелъ изъ залива.

2-го сентября отряды нерегулярныхъ войскъ напали

на французскую колонну и прогнали ее отъ границъ съ большимъ урономъ. Мармонъ, удивленный такимъ нападеніемъ, перемѣнилъ тонъ, но было уже поздно; непріятельскія дѣйствія были начаты. 7 и 9 Сентября наши корабли имѣли удачныя дѣла съ непріятелемъ.

Втеченіе 13, 14 и 15-го Сентября сраженіе не прекращалось ни на минуту. Катарцы и черногорцы, вмѣстѣ съ нашими войсками тѣснили французовъ и заставляли ихъ шагъ за шагомъ уступать позиціи. Къ блестящимъ примѣрамъ геройскихъ подвиговъ слѣдуетъ отнести сраженіе 19 сентября въ окрестностяхъ Кастель-Нуово, гдѣ 3500 нашихъ войскъ съ 2000 мѣстныхъ устояли противъ 20,000 французовъ подъ предводительствомъ Мармона, одного изъ лучшихъ генераловъ. Мармонъ пошелъ на Кастель-Нуово въ полной увѣренности что небольшой отрядъ русскихъ войскъ, находившихся въ этой крѣпости, не посмѣетъ сразиться съ многолюднымъ его корпусомъ и безъ боя положить оружіе, вслѣдствіе чего онъ безпрепятственно займетъ катарскую область. Вмѣсто того, онъ получилъ сильный отпоръ и 20-го сентября долженъ былъ съ разбитымъ корпусомъ выйти изъ предѣловъ Катарской области и удалиться въ старую Рагузу.

Въ сраженіи 19-го сентября подпоручикъ Арбеневъ былъ взятъ въ плѣнъ французскимъ офицеромъ, который велъ его въ сторону. На дорогѣ, въ кустахъ, лежалъ раненый—русскій гренадеръ. Французъ приказалъ ему бросить оружіе; но вмѣсто того, гренадеръ прицѣлился и убилъ француза. Арбеневъ бросился къ раненому и хотѣлъ отвести его въ безопасное мѣсто, но раненый воспротивился. «Не безпокойтесь, Ваше Благородіе; я опасно раненъ и чувствую, что скоро умру.

Непріятель близко. Спасайтесь скорѣе, а по моей душѣ отслужите панихиду». Но Арбеневъ не послушалъ его. Онъ побѣжалъ назадъ, собралъ нѣсколькихъ солдатъ и вмѣстѣ съ ними отнесъ раненаго въ безопасное мѣсто, а потомъ въ свою квартиру, гдѣ и ухаживалъ за нимъ. Гренадеръ былъ тяжело раненъ, однако выздоровѣлъ.

Сенявинъ изъ опыта убѣдился, что нерегулярныя войска, не смотря на ихъ львиную храбрость и удивительную выносливость, не приносятъ той пользы которую могли бы принести, еслибъ были дисциплинированы. Случалось, что они подвергали регулярныя войска опасности, когда имъ вдругъ приходила охота выкинуть какой нибудь фортель, или попросту, награбивъ достаточно, возвратиться въ свои дома. Адмиралъ задумалъ образовать изъ нихъ отрядъ для постоянной службы, на такомъ же точно содержаніи какое получалъ албанскій легіонъ въ Корфу. Съ черногорскимъ народомъ, не терпѣвшимъ ни малѣйшаго принужденія, такой планъ казался трудно выполнимымъ; но неограниченное довѣріе къ адмиралу сдѣлало чудеса. Быстро образовался регулярный отрядъ изъ 3000 черногорцевъ и катарцевъ, который скоро увеличился до 5000. Этотъ отрядъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ требованіямъ минуты. Онъ разсыпался по дорогамъ, истреблялъ обозы французовъ, нападалъ на цередовые посты и каждый почти день приводилъ плѣнныхъ. Вскорѣ подоспѣли герцеговинцы, изъявившіе желаніе встать подъ наши знамена. Такимъ образомъ Сенявинъ, при весьма ограниченныхъ средствахъ, сдѣлался мощнымъ защитникомъ края и, дѣйствуя съ одинаковымъ успѣхомъ мечемъ и перомъ, побѣдилъ французскихъ генераловъ и дипломатовъ.

V.

Въ концѣ сентября войска наши стали на квартиры. Утомленные 10-тидневнымъ сраженіемъ, солдаты удостоились особаго вниманія главнокомандующаго. Для всего наличнаго состава приготовленъ былъ военный пиръ, въ которомъ адмиралъ лично принималъ участіе. Первый тостъ былъ за егеря Ефимова, котораго товарищи качали на рукахъ; причемъ сдѣлано было 5 выстрѣловъ. Потомъ выпили за здоровье отличившихся и за всѣхъ присутствующихъ воиновъ. Солдаты были въ восторгѣ и впослѣдствіи не могли безъ умиленія разсказывать объ этомъ пирѣ и о сердечномъ отношеніи къ нимъ адмирала. «Тутъ въ первый разъ узналъ я своего начальника,—разсказываетъ Броневскій,—и признаюсь считалъ себя счастливымъ, что провелъ нѣсколько минутъ съ нимъ вмѣстѣ. Обращеніе его просто и благородно. Бесѣда его разнообразна и пріятна. Онъ умѣлъ вовлечь въ разговоръ всякаго, такъ что стѣсненія не существовало. Онъ много видѣлъ, много читалъ, много думалъ, и не смотря на это, никому не навязывалъ своего мнѣнія, а высказываясь, какъ будто старался провѣрять его мнѣніемъ другихъ. Когда же разговоръ переходилъ на Россію и ея величіе, взоръ его загорался. На этомъ пунктѣ противорѣчить ему было опасно. На службѣ онъ былъ строгъ и требователенъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ его любили и старались въ глазахъ его отличиться. Впродолженіе его начальствованія побѣговъ въ войскахъ не было, преступленій не случалось и комиссіямъ военнаго суда нечего было дѣлать».

Не оставлено было вниманіемъ главнокомандующаго

и храброе славянское воинство. Прокламація Сенявина къ катарцамъ и черногорцамъ принята была съ восторгомъ. Выхваляя въ ней отличное мужество воиновъ, адмиралъ поздравлялъ ихъ съ побѣдою, благодарилъ и обѣщалъ довести о подвигахъ ихъ до свѣдѣнія Его Величества.

Послѣ того, какъ Сенявинъ разбилъ Мармона, Турція, начинавшая выказывать признаки враждебности, притихла. Поэтому адмиралъ счелъ возможнымъ, по случаю наступленія ненастнаго времени, распустить часть нерегулярныхъ войскъ. Непріятель стоялъ подъ Старой Рагузой и ничего не предпринималъ; адмиралъ также держался выжидательнаго положенія, сберегая силы на всякій случай.

16-го Ноября лейтенантъ Коробко отправившись на одной требакѣ въ Катарро, чуть не попалъ въ руки непріятеля, но спасся совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Встрѣтившись съ двумя французскими корсерами близь гряды острововъ, составляющихъ каналъ Каламото, онъ не имѣлъ возможности ни бѣжать, ни защищаться. Требака, на которой шелъ Коробко, была призовая, грузъ ея стоилъ 80,000. Слѣдовательно можно было ожидать почти навѣрно, что хозяинъ судна не упуститъ удобнаго случая къ своему освобожденію. Лейтенантъ считалъ себя уже плѣнникомъ и подготовлялъ къ этому несчастію бывшихъ съ нимъ шестерыхъ матросовъ. Въ это время хозяинъ судна, шкиперъ Пауло, переговоривъ съ товарищами, подошелъ къ Коробко и сказалъ: «Возвратите мнѣ мои бумаги, а сами съ вашими людьми спрячьтесь въ трюмъ и положитесь во всемъ на меня. Лейтенантъ долженъ былъ согласиться; выбора не было. Пауло взялъ бумаги, сѣлъ въ лодку и поѣхалъ на французскій корсеръ.

Просмотрѣвъ бумаги, начальникъ корсера отпустилъ Пауло и вернулся къ берегу. Съ радостнымъ лицемъ Пауло вбѣгаетъ въ трюмъ и поцѣловавъ руку лейтенанту, говоритъ: «Слава Богу, все благополучно. Теперь я опять вашъ плѣнникъ». При этомъ онъ отдалъ лейтенанту свои бумаги.

Сенявинъ, умѣвшій цѣнить благородные поступки, получивъ рапортъ объ этомъ происшествіи, написалъ на оборотѣ: «Требаку съ грузомъ возвратить шкиперу, за освобожденіе офицера и матросовъ выдать 200 червонцевъ, и дать открытый листъ во всѣ блокированныя гавани, куда бы шкиперъ ни пожелалъ».

Поступокъ адмирала скоро сдѣлался извѣстнымъ во всей Италіи. Одно рагузинское судно, возвращаясь изъ Смирны, встрѣтилось съ австрійскимъ. Шкиперъ послѣдняго, сообщивъ первому, что Рагуза осаждена русскими войсками, совѣтовалъ ему сдаться непріятелямъ русскимъ скорѣй, чѣмъ идти къ друзьямъ французамъ. Рагузинецъ пришелъ прямо въ Кастель-Нуово, спустилъ флагъ и не ошибся въ разсчетѣ. Адмиралъ освободилъ его и его судно, причемъ приказалъ отыскать и доставить къ нему его семейство.

Вскорѣ распространился слухъ, что французы, для усиленія арміи своей противъ Пруссіи, намѣрены оставить Далмацію. Въ виду этого, адмиралъ, усиливъ гарнизонъ въ Катарро, задумалъ овладѣть островами Курцало, Лезино и Брашо, чтобы создать изъ нихъ оплотъ для жителей Далмаціи, которые давно уже выражали желаніе сдѣлаться подданными русскаго Императора.

Отдѣливъ эскадру изъ 4 кораблей, 2 транспортовъ и 5 катарскихъ корсеровъ и посадивъ на нихъ десантъ изъ нашихъ и славянскихъ войскъ, адмиралъ пошелъ

съ ними къ острову Курцало. Войска были высажены недалеко отъ крѣпости и 30-го ноября, послѣ непродолжительнаго, но жаркаго сраженія, загнали французовъ въ крѣпость и взяли редутъ. Корабль «Ярославъ» съ гребными судами довершилъ остальное. Французскій гарнизонъ сдался. Наши войска вошли въ крѣпость церемоніальнымъ маршемъ и подняли Императорскій флагъ.

Вслѣдъ за тѣмъ былъ взятъ островъ Брашо. Здѣсь черногорцы отличились не только храбростью, но и повиновеніемъ, и человѣколюбіемъ. Ни одного плѣнника они не убили и ничѣмъ не обидѣли. Этотъ походъ сдѣлался сказкою между ними. Никогда не видавшіе воды, кромѣ Скутарскаго озера, черногорцы чрезвычайно пристрастились къ морю. Возвратившись домой, они разсказывали чудеса. Подвиги Сенявина и его обращеніе съ ними воспѣвались въ народныхъ пѣсняхъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Овладѣть островомъ Лезино, сильно укрѣпленнымъ, было бы трудно безъ большихъ жертвъ. Но адмиралъ готовился уже приступить къ этому, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Али-паша занялъ Превезу и угрожаетъ Корфу. Считая необходимымъ, въ виду возможныхъ случайностей, сберечь силы для защиты Іонической республики, Сенявинъ снялъ батареи на Брашо и, устроивъ тутъ морской постъ, возвратился въ Курцало.

Бригъ «Александръ» оставленъ былъ у Брашо для наблюденія за непріятелемъ и пресѣченія сообщеній между Спалатро и ос. Лезино. Мармонъ, узнавъ, что только одинъ бригъ занимаетъ такой важный постъ, выслалъ изъ Спалатро 4 канонерскія лодки и тартану

«Наполеонъ», вооруживъ суда эти и посадивъ на нихъ солдатъ, сколько помѣстить было можно.

Жители, расположенные къ русскимъ, предупредили командира брига, Скаловскаго, что они зажгутъ на берегу столько огней, сколько выйдетъ непріятельскихъ лодокъ. Стоявшій ночью на вахтѣ гардемаринъ объявилъ, что отъ Спалатро идутъ нѣсколько судовъ; въ то же время на берегу зажгли пять огней. Бригъ приготовился встрѣтить непріятеля и вступилъ подъ паруса. Видя, что столкновеніе неминуемо, Скаловскій обратился къ командѣ съ такими словами: «Въ числѣ лодокъ есть одна подъ названіемъ «Наполеонъ». Помните, ребята, что вы имѣете честь защищать имя «Александра». Если я буду убитъ, не сдавайтесь, пока всѣ не положите головы».

Непріятель открылъ сильный огонь, разсчитывая устремиться на бригъ и взять его на абордажъ. Скаловскій, подпустивъ непріятеля совсѣмъ близко, открылъ безпрерывный огонь и, обращаясь къ лодкамъ то той, то другой стороной, осыпалъ его пулями и картечью. Непріятель пришелъ въ смятеніе и лодки начали отставать. На бѣду вѣтеръ утихъ и бригъ не могъ маневрировать. Тогда Скаловскій приказалъ мичману Мельникову барказомъ буксировать бригъ, и обратить его бортомъ къ непріятелю. Подъ градомъ пуль и картечи, Мельниковъ въ теченіе двухъ часовъ выполнялъ этотъ трудный маневръ. Лодки нѣсколько разъ пытались пристать къ бригу, но постоянно были отражаемы. Наконецъ послѣ 3-хъ-часовой упорной борьбы, «Наполеонъ» потерялъ мачту; другая лодка со всѣми людьми пошла ко дну; прочія, сильно поврежденныя, начали отступать. Бригъ, съ помощью буксира, преслѣдовалъ ихъ, пока онѣ не вышли изъ

его выстрѣловъ. Еслибъ не полный штиль, непріятельская флотилія была бы истреблена, или взята. Французскія лодки, особенно «Наполеонъ» были такъ повреждены, что едва могли дойти до порта.

У Мармона былъ въ это время балъ. Французскій генералъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что просилъ дамъ не пугаться, если услышатъ пальбу. «Это маленькая прогулка моряковъ, говорилъ онъ, результатомъ которой будетъ подарокъ, бригъ «Александръ». Каково же было разочарованіе, когда на разсвѣтѣ «Наполеонъ» съ тремя уцѣлѣвшими лодками пришелъ весь разбитый и въ гавани потонулъ. Мармонъ такъ былъ огорченъ этой неудачей, что командира флотиліи и всѣхъ офицеровъ посадилъ въ крѣпость и отдалъ подъ судъ.

Изъ экипажа «Александръ» матросы Ѳедоровъ и Аѳанасьевъ особенно отличились. Первый, раненый пулею въ ногу, не хотѣлъ идти къ доктору, и перевязавъ рану платкомъ, продолжалъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока другая пуля не пробила ему лѣвую руку. «Ничего, сказалъ Ѳедоровъ, у меня есть еще правая»; и перевязавъ рану, онъ взялъ саблю и вышелъ наверхъ въ ожиданіи, что французы свалятся на абордажъ.

Аѳанасьевъ былъ раненъ картечью въ ногу. Когда его перевязали, онъ хотя и сильно ослабѣлъ отъ потери крови, но вернулся къ своей пушкѣ и сказалъ удивленнымъ товарищамъ: «стыдно сидѣть внизу, когда капитанъ сказалъ — не сдаваться, пока не положимъ головы; а у меня она, слава Богу еще цѣла». Но въ эту минуту онъ пораженъ былъ щепою въ голову и упалъ безъ чувствъ.

Юнга, мальчикъ лѣтъ 12-ти, во время всего сра-

женія заряжалъ пушку, стоя за бортомъ совершенно открытымъ, и былъ такъ веселъ, какъ будто участвовалъ не въ сраженіи, а на простомъ ученьѣ. Послѣ сраженія капитанъ похвалилъ его за храбрость и спросилъ, неужели онъ не боялся. «Чего же бояться, Ваше Благородіе! Двухъ смертей не быть, одной не миновать», отвѣчалъ маленькій герой.

VI.

Оффиціальныхъ извѣстій о разрывѣ Россіи съ Турціею получено еще не было, но вызывающія дѣйствія Али-паши наводили на мысль, что разрывъ этотъ близокъ. Али-паша, сдѣлавшійся, съ помощью албанцевъ, независимымъ, знать не хотѣлъ повелителя правовѣрныхъ. Когда разгнѣванный султанъ присылалъ ему черезъ чаушей шелковую веревку, что было равносильно смертному приговору, Али этой веревкой давилъ тѣхъ же чаушей.

Считая Али-пашу способнымъ на всякія неистовства, Сенявинъ призналъ необходимымъ поспѣшить въ Корфу. Оставивъ часть своей эскадры подъ начальствомъ Баратынскаго для защиты Катарро, съ другой частью, въ январѣ (1807) онъ отплылъ къ Іоническимъ островамъ.

Во время этого перехода разразилась сильная буря, и прекрасный корветъ «Флора» потерпѣлъ крушеніе у Албанскихъ береговъ. Офицеры и команда, успѣвшіе перебраться на берегъ, схвачены были албанцами и, въ качествѣ плѣнниковъ, отведены въ Константинополь. Тамъ, скованные по-парно, они томились въ душной и смрадной тюрьмѣ болѣе года.

Корфу считался въ то время столицею нашихъ

пріобрѣтеній на Средиземномъ морѣ. Онъ походилъ скорѣй на русскую колонію, чѣмъ на греческій городъ. Вездѣ слышался русскій языкъ. Многіе туземцы говорили уже по русски, а мальчишки распѣвали русскія пѣсни. Моряки, совершившіе столько славныхъ подвиговъ, разсчитывали здѣсь отдохнуть и повеселиться. Ничто, казалось, не угрожало спокойствію. Сенявину удалось краснорѣчіемъ своимъ снова склонить Али-пашу къ нейтралитету. Онъ обѣщалъ остаться другомъ Іонической республики и добрымъ сосѣдомъ, что было чрезвычайно выгодно для торговли республики. Народные представители, въ знакъ глубокой признательности за постоянныя о нихъ заботы, поднесли Сенявину, отъ лица республики, шпагу съ бриліантами и такой же жезлъ, о принятіи которыхъ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе.

Вскорѣ послѣ этого стало извѣстно, что между Россіею и Турціею начались военныя дѣйствія и адмиралъ Сенявинъ получилъ предписаніе идти въ Архипелагъ, чтобъ наносить всевозможный вредъ туркамъ, стараться открыть сношенія съ Михельсономъ, командовавшимъ сухопутной арміей, и если можно, взять Константинополь. По тѣснымъ тогда связямъ Россіи съ Англіею дозволено было Сенявину пользоваться помощью Англійскаго флота.

Оставивъ для защиты Іоническихъ острововъ нѣсколько судовъ и небольшой отрядъ войскъ, Сенявинъ съ 8-ю кораблями, фрегатомъ и шлюпомъ, 10-го февраля вступилъ подъ паруса, взявъ съ собою дессантныхъ войскъ 1250 человѣкъ.

Сильный противный вѣтеръ задержалъ эскадру у острова Идро четыре дня. Лишь только прибытіе русскаго флота сдѣлалось извѣстно въ Архипелагѣ, на-

чальники Идро и другихъ острововъ поспѣшили предложить свои услуги. Они прекрасно вооружили 20 судовъ, которые и прибыли къ о. Тенедосу вмѣстѣ съ русскою эскадрою.

Наконецъ подулъ попутный вѣтеръ и эскадра снялась съ якоря. Корабли не уступали въ ходѣ одинъ другому. На всей линіи, какъ бы по взаимному согласію, раздавались звуки музыки и веселыя пѣсни съ бубнами и барабаномъ. 23-го февраля встрѣтился англійскій флотъ. По Высочайшему повелѣнію эскадра Сенявина должна была у Тенедоса соединиться съ англійскою и идти въ Дарданеллы. Но англійскій адмиралъ Дуквортъ уклонился, и объявивъ, что имѣетъ другое назначеніе, покинулъ нашу эскадру. Тогда Сенявинъ пригласилъ капитановъ на совѣтъ, и всѣ признали, что идти въ Дарданеллы съ 8-ю кораблями невозможно. Порѣшили держать Константинополь въ тѣсной блокадѣ, овладѣвъ островомъ Тенедосомъ, гдѣ устроить сборное мѣсто, необходимое для полученія прѣсной воды и удобнаго пристанища кораблямъ.

3-го марта начальнику Тенедосской крѣпости предложено было сдаться. Паша отвѣчалъ отказомъ и началась битва. Сенявинъ высадилъ войска и раздѣлилъ ихъ на двѣ колонны. Первая—изъ 900 человѣкъ, пошла горами; вторая—изъ 600—берегомъ. Кон.-ад. Грейгъ располагалъ движеніями первой колонны; главнокомандующій—второй. Турки отступали по мѣрѣ наступленія нашихъ войскъ. Очистивъ малую крѣпость, они бросились въ большую и заперлись тамъ. Этимъ сраженіе кончилось, но перестрѣлка съ крѣпостью и предмѣстьями продолжалась. Греки съ своими семействами вышли изъ города и отдались подъ защиту главнокомандующаго. Ихъ отвели въ безопасное мѣсто.

Для гречанокъ поставили палатки и караулъ, чтобы любопытные не безпокоили ихъ. Три турчанки, попавшіяся въ плѣнъ, отвезены были на адмиральскій корабль.

Желая избѣгнуть безполезнаго кровопролитія, Сенявинъ велѣлъ предложить плѣннымъ туркамъ отнести письмо къ коменданту; но никто не соглашался, изъ опасенія быть удавленнымъ за то, что сдался въ плѣнъ. Одна изъ плѣнныхъ турчанокъ, по имени Фатьма, узнавъ объ этомъ, объявила, что желаетъ говорить съ адмираломъ. Представленная адмиралу, она сказала, что готова пожертвовать жизнью для своихъ соплеменниковъ и предложила передать письмо. При этомъ она пала на колѣни и, положивъ своего годовалаго сына къ ногамъ адмирала, сказала: «Оставляю тебѣ драгоцѣнный залогъ, дитя мое. Если Богу угодно будетъ лишить меня жизни, стань ему отцомъ и покровителемъ».

Зная, какъ строго турки оберегаютъ своихъ женщинъ отъ посторонняго взгляда, адмиралъ хотѣлъ отказаться отъ этой жертвы, но Фатьма уже спустилась въ шлюпку, и ни разу не обернулась, чтобы взглянуть на своего сына, который плакалъ и протягивалъ къ ней руки.

Адмиралъ приказалъ прекратить пальбу; но турки, увидавъ необычайную посланницу, сдѣлали по ней нѣсколько выстрѣловъ. Фатьма, поднявъ письмо надъ головой, смѣло приблизилась къ воротамъ. Комендантъ принялъ письмо и съ удивленіемъ слушалъ разсказъ Фатьмы о томъ, какъ Сенявинъ, изъ уваженія къ ихъ обычаямъ, предоставилъ плѣннымъ турчанкамъ особое помѣщеніе, гдѣ онѣ могли укрыться отъ глазъ любопытныхъ. Собрался совѣтъ, и рѣшено было сдаться.

Когда турки стали требовать смерти Фатьмы, комендантъ сказалъ: «Что подумаютъ христіане, когда мы убьемъ слабую женщину. Къ тому же Фатьма намъ не принадлежитъ: она плѣнница».

Когда Фатьма взошла на корабль, адмиралъ самъ подалъ ей сына. Она бросилась на колѣни и начала со слезами цѣловать малютку. Адмиралъ щедро наградилъ ее и отпустилъ.

Турецкій чиновникъ, присутствовавшій при этомъ, съ глубокимъ уваженіемъ приблизился къ адмиралу и объявилъ ему о согласіи сдаться. Турки съ семействами и имуществомъ перевезены были на Анатолійскій берегъ, а для женщинъ ихъ приготовили крытыя шлюпки. Затѣмъ войска наши заняли крѣпость.

Со всѣхъ острововъ Архипелага стали присылать къ Сенявину нарочныхъ съ предложеніемъ услугъ. Майноты, суліоты, жители Мореи и древнихъ Аѳинъ вызывались собрать корпусъ изъ своихъ единоземцевъ. Множество крейсеровъ вышли подъ русскимъ флагомъ, уничтожая турецкую торговлю отъ Египта до Венеціи. Таковы были ближайшія послѣдствія занятія Тенедоса. Сверхъ того, этотъ островъ, находясь отъ Дарданеллъ въ 25 верстахъ, давалъ возможность наблюдать проливъ и пресѣчь сообщеніе Константинополя съ Архипелагомъ. Два или три корабля, посмѣнно, крейсировали у входа въ Дарданеллы, такъ что ни одно непріятельское судно не могло ни войти въ проливъ, ни выйти изъ него. Въ началѣ апрѣля пришли изъ Корфу еще два корабля и у Сенявина образовалась эскадра въ 10 кораблей, что значительно увеличило его силы.

VII.

Между тѣмъ въ Константинополѣ уже чувствовался голодъ. Султанъ Селимъ, сильно раздраженный блокадою, приказалъ своему флоту овладѣть Тенедосомъ. Узнавъ объ этомъ, Сенявинъ приготовился къ бою. Мая 7-го, турецкая эскадра вышла изъ Дарданеллъ и встала на якорь у острова Маври. Эскадра силами превышала нашу, въ ней было три флагманскихъ корабля: капитанъ-паши, капитанъ-бея (адмирала) и патронъ-бея (вице-адмирала).

Желая привлечь турецкую эскадру къ Тенедосу, чтобы потомъ отрѣзать ее отъ Дарданеллъ, Сенявинъ, оставивъ гарнизонъ на Тенедосѣ, отошелъ съ своею эскадрою къ острову Имбро. Но неблагопріятный вѣтеръ помѣшалъ этому предпріятію. Вернувшись на третій день къ Тенедосу, Сенявинъ увидѣлъ, что турецкая эскадра отошла въ сторону, и узналъ, что турки два раза пытались, подъ командою французскихъ офицеровъ, высадить войска на Тенедосъ, но каждый разъ были отражаемы нашими войсками. Наконецъ совершенно разстроенные, турки отплыли къ анатолійскому берегу.

10-го мая турецкій флотъ стоялъ между Маври и Дарданеллами. Нашъ стоялъ въ виду непріятельскаго, готовый къ бою. Дулъ вѣтеръ очень удобный для турокъ, еслибъ они хотѣли аттаковать насъ. Но они очевидно не имѣли этого намѣренія. Въ 2 часа, къ общей радости, вѣтеръ сдѣлался отъ юго-запада. Съ адмиральскаго корабля «Твердый» раздался пушечный выстрѣлъ. Въ полчаса всѣ корабли были уже подъ парусами и въ ордерѣ баталіи. Турки, увидавъ на-

ступленіе, поспѣшили къ Дарданелламъ. Сенявинъ съ своимъ флотомъ погнался за ними. У самаго входа въ Дарданеллы произошло сраженіе. Наши корабли, обгоняя турецкіе, дрались съ ними на оба борта. Сенявинъ на «Твердомъ» аттаковалъ капитанъ-пашу такъ близко, что реи съ реями почти сходились. Турецкіе корабли спѣшили на всѣхъ парусахъ къ крѣпостямъ своимъ. Русскіе преслѣдовали турокъ на самомъ близкомъ разстояніи. Въ восьмомъ часу совсѣмъ стемнѣло и въ самомъ устьѣ Дарданеллъ флоты смѣшались. Отъ двойнаго теченія одни корабли выносило изъ пролива, другіе-же несло въ проливъ, а тѣмъ временемъ съ обоихъ береговъ мраморныя ядра летѣли безъ разбора на своихъ и чужихъ, на русскихъ и турокъ. Въ 9-мъ часу бой прекратился. Бѣгство непріятельскаго флота было такъ поспѣшно и безпорядочно, что три турецкихъ корабля стали на мель у азіатскихъ крѣпостей. Въ 1-мъ часу ночи эскадру нашу вытащило теченіемъ изъ Дарданеллъ и всѣ корабли, по сигналу, стали на якорь, гдѣ кто находился.

Утромъ моряки опечалены были извѣстіемъ о смерти командира корабля «Сильный»; но какъ описать ихъ ужасъ, когда они замѣтили, что на стеньгѣ «Твердаго» нѣтъ вице-адмиральскаго флага. Капитаны, офицеры смотрѣли во всѣ глаза, и ничего не видя, блѣднѣли, не смѣя сообщить другъ другу своихъ опасеній. Матросы, одинъ за однимъ выходили на шканцы, смотрѣли, и также, не рѣшаясь высказать своихъ мыслей, искали предлога сойти на палубу чтобы тамъ, у образа, помолиться. Фрегатъ «Венусъ» подошелъ къ адмиральскому кораблю и капитанъ его, вмѣсто обычнаго рапорта,—спросилъ: «Здоровъ ли адмиралъ». Съ «Твердаго» отвѣчали: «Слава

Богу!». Экипажу все еще не вѣрилось. Когда же Дмитрій Николаевичъ вышелъ на галлерею, изъ всѣхъ грудей вырвалось громкое, радостное «ура!».

Такъ кончилось Дарданелльское сраженіе. Желая оправдать себя, капитанъ-паша велѣлъ удавить вице-адмирала, который, будто бы, не исполнилъ его приказаній и тѣмъ помѣшалъ ему одержать побѣду.

Сенявинъ, оставивъ Грейга для блокады Дарданеллъ, возвратился къ Тенедосу.

Тѣсная блокада Дарданеллъ отразилась въ Константинополѣ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Янычары взбунтовались, свергли съ престола Селима и возвели Мустафу. Новый султанъ, желая ознаменовать вступленіе на престолъ громкимъ подвигомъ, приказалъ капитанъ-пашѣ взять Тенедосъ. Сенявинъ, предвидя это, вознамѣрился встрѣтить непріятеля и заставить его принять сраженіе. Оставивъ бригъ «Богоявленскъ» защищать Тенедосъ, онъ вступилъ подъ паруса, отдавъ слѣдующій приказъ: «Обстоятельства обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе; но покуда флагманы непріятельскіе не будутъ сильно разбиты, сраженіе будетъ весьма упорное. Поэтому надлежитъ сдѣлать нападеніе такъ, чтобы каждый адмиральскій корабль атаковать нашими двумя кораблями».

Три дня лавировалъ Сенявинъ, стараясь приблизиться къ непріятелю, но слабый вѣтеръ и сильное теченіе изъ Дарданеллъ парализовали всѣ его усилія. Убѣдившись, что при подобныхъ обстоятельствахъ невозможно атаковать турецкій флотъ, адмиралъ задумалъ, когда стемнѣетъ, обойти острова Имбро, гдѣ нѣтъ такого сильнаго теченія и съ другой стороны встрѣтить непріятеля.

На другое утро, не видя русскихъ кораблей у Те-

недоса, капитанъ-паша поспѣшилъ туда со всѣмъ своимъ флотомъ, открылъ огонь по крѣпости и бригу «Богоявленскъ», а тѣмъ временемъ, подъ прикрытіемъ кораблей начали прибывать войска съ анатолійскаго берега, гдѣ они стояли лагеремъ на развалинахъ древней Трои. Маіоръ Гедеоновъ съ отрядомъ въ 300 человѣкъ рѣшился воспрепятствовать высадкѣ. Спрятавшись въ виноградникахъ около того мѣста, гдѣ турки должны были высадиться, отрядъ ожидалъ, пока ихъ довольно вступитъ на берегъ. Едва они столпились въ близкомъ отъ нашихъ разстояніи, какъ отрядъ выскочилъ изъ засады, и съ крикомъ «ура» сдѣлалъ по нимъ залпъ и бросился въ штыки. Турки въ смятеніи бросались на суда, топили другъ друга, или гибли отъ сильнаго ружейнаго огня нашихъ. Одна канонерская лодка, потерявшая способность движенія, была прибита къ берегу и взята нашими.

Другой отрядъ турокъ высадился въ другомъ мѣстѣ. Нашихъ было сравнительно очень мало, но они не оробѣли и вступили въ рукопашную. Картечь съ турецкихъ судовъ поражала и своихъ и нашихъ. Наши почти всѣ были переранены или перебиты, въ томъ числѣ и предводитель отряда. Чтобъ не дать солдатамъ упасть духомъ, маіоръ Гедеоновъ крикнулъ громовымъ голосомъ: «стройся въ карре». Солдаты оживились, быстро построились въ карре и стали отражать непріятеля. Подъ палящими лучами солнца, изнемогая отъ усталости и зноя, дрались они около двухъ часовъ. Вдругъ на возвышенности показалось русское знамя. «Съ нами Богъ!» крикнули солдаты и бодро кинулись впередъ. Тутъ подоспѣли подкрѣпленія и турки были разбиты и обращены въ бѣгство. Они пытались пробраться къ своимъ судамъ, но ихъ отрѣзали и раз-

сѣяли. Когда наши пустились преслѣдовать непріятеля, то замѣтили, что на разныхъ пунктахъ острова высадились свѣжія турецкія войска. Не имѣя достаточно силъ, чтобы сразиться съ ними, наши отступили въ крѣпость, унося съ собою шесть завоеванныхъ знаменъ; въ томъ числѣ одно—паши.

Въ крѣпости находилось всего 800 человѣкъ Козловскаго мушкетерскаго полка. Капитанъ-паша, хорошо зная невыгодное положеніе крѣпости, вздумалъ ночью взять ее штурмомъ, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Послѣ двухдневной безпрерывной пальбы, въ крѣпости оставалось мало пороху, картечи и другихъ снарядовъ. Очевидно было, что если Сенявинъ съ флотомъ не вернется скоро, то крѣпость устоять не можетъ. Въ ту минуту, когда всѣ находились въ крайне тревожномъ состояніи духа, къ коменданту явился одинъ изъ албанскихъ начальниковъ и предложилъ совершить гаданіе, чтобъ успокоить народъ. Комендантъ согласился. Албанецъ приступилъ къ своему дѣлу съ особенной торжественностью, напоминавшею обряды языческіе. Онъ закололъ барана, разсмотрѣлъ его внутренности, потомъ разрубивъ, изжарилъ, и очистивъ отъ мяса переднюю лопатку, сталъ пристально разсматривать ее, поворачивая во всѣ стороны. Вдругъ онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ: «Благодареніе Богу! турецкій флотъ разбитъ; корабли ихъ возьметъ воздухъ, вода и огонь. Когда нѣсколько дней спустя все это случилось, то нашимъ воинамъ было чему подивиться.

Между тѣмъ капитанъ-паша началъ стягивать суда, чтобъ нанести послѣдній ударъ крѣпости, и возобновилъ канонаду съ моря и сухого пути. Вдругъ турки внезапно прекратили пальбу, и взявъ на корабли часть

десанта, поспѣшно вступили подъ паруса. Причина такого маневра скоро объяснилась. На горизонтѣ показался идущій отъ Имбро нашъ флотъ.

Во время осады Тенедоса, Сенявинъ лавировалъ при маловѣтріи между Имбро и европейскимъ берегомъ. Узнавъ, что турецкій флотъ находится у Тенедоса, онъ пошелъ къ нему на встрѣчу, но турки успѣли уже удалиться. Снабдивъ крѣпость всѣмъ нужнымъ и оставивъ ей въ помощь два корвета и два крейсера, Сенявинъ, рано утромъ, 18-го Іюня, отправился съ эскадрой въ 10 кораблей искать непріятеля.

Но гдѣ было его искать? Всѣ думали, что турецкій флотъ отправился къ Имбро; одинъ Сенявинъ былъ противнаго мнѣнія и пошелъ къ острову Лемносу, лежащему между Тенедесомъ и Св. Горою. На другой день онъ увидѣлъ весь флотъ капитанъ-паши, состоявшій изъ 10 кораб., 5 фрегат. и 5 меньшихъ судовъ. Сенявинъ сдѣлалъ сигналъ поставить всѣ паруса и спуститься на непріятеля. Турки также выстроились въ боевую линію съ тремя флагманами посрединѣ. На нашемъ флотѣ было всего 754 орудія, а на турецкомъ—болѣе 1000 и людей вдвое болѣе.

Корабли, которые по двое должны были атаковать турецкихъ флагмановъ, были уже назначены заранѣе, и нашъ флотъ пошелъ на непріятельскую линію попарно. Турки еще издали открыли пальбу. Нашъ передовой корабль «Рафаилъ» стойко выдержалъ огонь всей непріятельской линіи и не раньше открылъ свой, какъ приблизившись къ врагу на самое близкое разстояніе. Но обитые паруса помѣшали «Рафаилу» держаться на вѣтрѣ и онъ, сражаясь на оба борта, перерѣзалъ непріятельскую линію и скрылся въ дыму. Прочіе 5 кораблей, сомкнувъ линію, атаковали трехъ

непріятетьскихъ флагмановъ. Остальные четыре корабля устремились на лѣвое крыло турокъ и Сенявинъ на своемъ кораблѣ «Твердомъ» сбивъ передовой фрегатъ, принудилъ его лечь въ дрейфъ и тѣмъ задержалъ всю непріятельскую линію. Было 8 часовъ утра и кипѣлъ самый упорный бой. Черезъ полчаса турки начали отступать. Преслѣдуя непріятеля, наши корабли стали тѣснить его, образовавъ около него родъ полукружія. Корабль капитанъ-бея пришелся носомъ противъ борта «Твердаго» и въ самое короткое время былъ сбитъ и лишенъ парусовъ и реевъ. Капитанъ Рожновъ погнался за нимъ и взялъ его. Корабль «Рафаилъ» бывшій въ опасности за турецкою линіею, вышелъ на вѣтеръ и началъ исправлять поврежденія. Прочіе корабли наши, сильно обитые, перемѣняли снасти, не переставая биться. Капитанъ Рожновъ въ самомъ пылу сраженія подъ картечными выстрѣлами перемѣнилъ перебитый рей.

Еслибъ не стихъ вѣтеръ, то побѣда была бы въ этотъ день полная. Несомнѣнно, что турецкій флотъ былъ бы взятъ, или истребленъ; но такъ какъ вѣтеръ сталъ стихать, то адмиралъ счелъ за лучшее остановить эскадру, осмотрѣться и снова ударить на непріятеля.

На слѣдующее утро, 20-го Іюня, увидѣли у насъ, что турецкій флотъ держался къ ос. Тассо. Бывшіе при кораблѣ капитанъ-бея корабль и два фрегата оказались за мысомъ Аѳонской горы совершенно отдѣленными отъ своего флота. Грейгъ съ тремя кораблями погнался за ними. Видя неминуемость нападенія, турки бросились на мель, послѣ чего люди были свезены на берегъ, а корабли взорваны. Сотрясеніе отъ взрыва было такъ сильно, что корабли, стоявшіе за 20 в. от-

туда, содрогались. Черезъ день капитанъ-паша сжегъ еще корабль и фрегатъ. Такъ кончилось сраженіе при Аѳонской, или Св. Горѣ. Трофеями нашими были—линейный корабль и плѣнный адмиралъ. Въ числѣ убитыхъ съ нашей стороны, былъ неустрашимый капитанъ «Рафаила» Лукинъ. Этотъ Лукинъ извѣстенъ былъ своей необычайной силой. Онъ ломалъ подковы, поднималъ одной рукой шканечную пушку со станкомъ, и однимъ пальцемъ вдавливалъ гвоздь въ стѣну. Когда онъ былъ въ Англіи, извѣстнѣйшіе атлеты пріѣзжали состязаться съ нимъ.

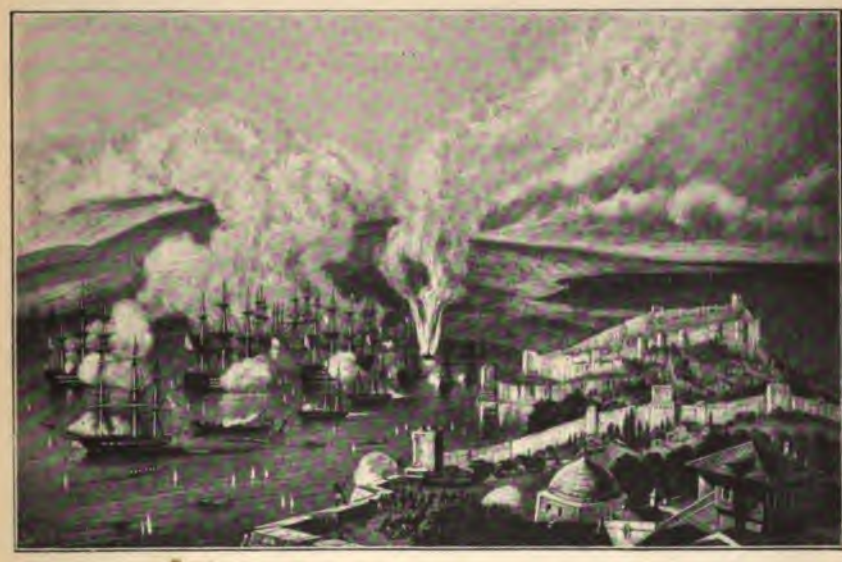
За побѣду при Аѳонской горѣ *) Государь наградилъ Сенявина орденомъ Александра Невскаго.

Послѣ одержанной побѣды, Сенявину предстояло рѣшить: гнаться ли за непріятелемъ, или возвратиться къ Тенедосу, спасти гарнизонъ отъ осады, а можетъ быть и отъ гибели, отказавшись отъ рѣдкаго случая стать истребителемъ всего турецкаго флота. И въ этомъ затруднительномъ случаѣ Дмитрій Николаевичъ остался вѣренъ себѣ, чѣмъ не мало удивилъ сослуживцевъ, возбудивъ въ нихъ еще большее уваженіе къ своей благородной личности.

Во время отсутствія Сенявина, турки день и ночь стрѣляли по крѣпости, построенной на невыгодномъ мѣстѣ, между тремя горами. Съ перваго же дня они отрѣзали воду, отсутствіе которой при палящемъ зноѣ становилось нестерпимымъ. На улицахъ валялись гніющіе трупы; строенія горѣли. Полковникъ Падейскій

*) Въ самой глубокой древности гора Аѳонъ посвящена была Аполлону, капище которому стояло на той самой горѣ, гдѣ нынѣ церковь Преображенія Господня. Говорятъ, что Ксерксъ, для сокращенія пути своему войску, хотѣлъ прорыть ее. Во время гоненія на христіанъ отшельники построили тамъ монастырь и съ тѣхъ поръ Аѳонъ называется Святою горою.

мужественно держался, отвергнувъ два раза предложенную ему капитуляцію. Еслибъ флотъ не скоро возвратился, то Падейскій по общему желанію рѣшилъ выйти изъ крѣпости, и сразившись съ турками въ полѣ, побѣдить, или умереть. И вотъ, когда бѣдствіе дошло до послѣдней степени, 25-го іюня, къ неизъяснимой радости гарнизона, показался корабль «Скорый» а за



Сраженіе при Аѳонской горѣ.

(Снимокъ съ гравюры, находящейся въ Морскомъ Музеѣ).

нимъ и весь флотъ нашъ. Громкое «ура» и пушечная пальба возвѣстили туркамъ, что флотъ ихъ разбитъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ корабль турецкаго адмирала, приведенный на рейдъ.

Многіе изъ прибывшихъ съ Сенявинымъ моряковъ, оставили на Тенедосѣ родныхъ и пріятелей. Мичманъ Левшинъ, узнавъ, что двоюродный братъ его, Броневскій лежитъ въ осажденной крѣпости тяжело ра-

неный, тотчасъ же поѣхалъ къ нему, подвергая жизнь свою страшной опасности. Ему приходилось ѣхать по узкому проливу подъ самой стѣной крѣпости, подъ перекрестнымъ огнемъ турокъ. Причаливъ къ стѣнѣ, Левшинъ долженъ былъ по канату, спущенному со стѣны, карабкаться на нее, ежеминутно рискуя сорваться. Ядра и пули летали вокругъ него, но Богъ его хранилъ. Даже на шлюпкѣ ни одинъ изъ матросовъ не былъ ни убитъ, ни раненъ, хотя осколкомъ пробило бокъ шлюпки. Броневскій лежалъ съ простр ѣленнымъ плечомъ, ожидая смерти. Некому даже было перевязать его рану. Бомба упала на домъ, въ которомъ онъ находился. Половина его обрушилась и онъ спасся только тѣмъ, что лежалъ въ чуланѣ, который устоялъ. И въ ту минуту, когда онъ уже не чаялъ увидѣть свѣтъ Божій, явился къ нему, какъ ангелъ съ неба, его родственникъ.

На другой же день Сенявинъ вступилъ въ переговоры съ турецкимъ пашой о снятіи осады, предлагая отпустить все войско съ имуществомъ и оружіемъ на анатолійскій берегъ. Отвѣтъ получился только 27 числа. Турки оставили островъ и Сенявинъ могъ заняться больными и ранеными.

Корабль капитанъ-бея, взятый въ плѣнъ, назывался Седъ-эль-Бахръ (оплотъ морской). Хотя и былъ онъ сильно разбитъ, но могъ еще продолжать службу. Самъ плѣнникъ, Бекиръ-бей, считался храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ адмираломъ, хотя не зналъ грамотѣ. Когда Рожновъ на «Селафаилѣ» догнавъ Седъ-эль-Бахръ, подошелъ подъ корму его и готовъ былъ дать по немъ залпъ, турки закричали: «аманъ, аманъ»! (пощади), и лейтенантъ Титовъ посланъ былъ, чтобы привести турецкаго адмирала и флаги на «Селафаилъ». Бекиръ-

бей долго не соглашался отдать флагъ свой капитану Рожнову, говоря, что онъ никому не сдастся, кромѣ самого адмирала. Онъ отпускалъ и возвращалъ лейтенанта нѣсколько разъ, наконецъ призвавъ его въ послѣдній разъ, спросилъ: «За что русскіе такъ на него разсердились, что всѣ корабли его били»?—За то, отвѣчалъ ему Титовъ, что Ваше Превосходительство храбрѣе и лучше всѣхъ дрались. Этотъ отвѣтъ такъ понравился турку, что онъ, погладивъ свою бороду, тотчасъ же согласился ѣхать. Отдавая свой флагъ Дмитрію Николаевичу, Бекиръ-бей съ достоинствомъ сказалъ: «Судьбѣ угодно было отдать меня въ руки ваши но я надѣюсь, что побѣдитель мой засвидѣтельствуетъ, что я защищалъ флагъ свой до послѣдней крайности». Сенявинъ, принялъ отъ Бекиръ-бея флагъ, возвратилъ ему саблю, уступилъ свою каюту, и привѣтливымъ обращеніемъ такъ привязалъ его къ себѣ, что они разстались искренними друзьями.

Съ лейтенантомъ Титовымъ, доставившимъ на адмиральскій корабль плѣннаго Бэкиръ-бея, случилось въ этотъ же день забавное приключеніе. Отправленный послѣ сраженія на взятый корабль, чтобъ обезоружить команду и сдѣлать опись казенному имуществу, Титовъ неожиданно, въ лицѣ капитана, узналъ своего стараго знакомца. «Семенъ Абрамовичъ, ты ли это? - вскрикнулъ онъ, и оба врага заключили другъ друга въ объятія къ немалому удивленію команды. Семенъ Абрамовичъ оказался никто другой какъ турецкій офицеръ Сафали-Ибрагимъ-ага, служившій въ 1799 г. въ соединенномъ русско-турецкомъ флотѣ. Чаушъ Сафали былъ красивый и удалый малый, бывшій во всѣхъ схваткахъ съ французами первымъ. Онъ скоро выучился говорить по русски, сдружился со всѣми офицерами, сорилъ

деньгами въ пользу нашихъ матросовъ, которые души въ немъ не чаяли. Они то и передѣлали его изъ Сафали-Ибрагима въ Семена Абрамовича.

Неожиданная встрѣча съ Сафали сослужила Титову добрую службу. Турецкіе матросы, отдавая оружіе побѣдителю, имѣли обыкновеніе подавать его дуломъ впередъ, отчего многіе пистолеты стрѣляли. Ибрагимъ, замѣтивъ это, началъ самъ отбирать оружіе, и порученіе Титова окончилось скоро и благополучно.

Во время осады Тенедоса, турки раззорили и выжгли городъ, порубили фруктовыя деревья и истребили виноградники. Жители частью разъѣхались по островамъ, а частью приняли русское подданство и готовились отправиться въ Россію. Такъ какъ не было болѣе надобности удерживать крѣпость, то адмиралъ размѣстилъ гарнизонъ на корабли, пушки и снаряды отправилъ въ Корфу, а крѣпость взорвалъ.

Около этого времени пришла къ Тенедосу англійская эскадра адмирала Мартена, состоявшая изъ пяти кораблей. Она салютовала Сенявину девятью выстрѣлами, что было вовсе не въ обычаѣ англичанъ, которые, не обославшись, никому первые не салютуютъ. Этимъ не ограничилась ихъ демонстрація въ честь Сенявина. Вставъ на якорь, Мартенъ со всѣми офицерами пріѣхалъ на «Твердый» въ полной парадной формѣ и явился къ Сенявину. Такой почести прежде ни одинъ адмиралъ не удостоивался. Черезъ нѣсколько дней прибылъ къ Тенедосу англійскій адмиралъ Колингвудъ съ четырьмя кораблями, и, принявъ подъ свое начальство эскадру Мартена предложилъ ее въ помощь нашему флоту. Соединенные флоты готовились вторгнуться въ Дарданеллы, чтобъ напасть на турецкій флотъ, но полученіе Сенявинымъ оффиціальнаго извѣстія о Тиль-

зитскомъ мирѣ и о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ Турціею положило конецъ дальнѣйшему движенію соединеннаго флота.

23-го Августа прибыли изъ Тильзита два курьера съ Высочайшимъ повелѣніемъ Сенявину: оставить Архипелагъ, сдать французамъ Катарро и Іоническую республику (уступленныя по секретному договору Императоромъ Александромъ за возвращеніе владѣній Пруссіи, завоеванныхъ Наполеономъ), а флоту немедленно возвратиться въ свои порта.

Во исполненіе Высочайшей воли, Сенявинъ, отрядивъ нѣсколько кораблей, чтобъ забрать призы и гарнизонъ, съ остальною эскадрою отплылъ въ Корфу, куда и прибылъ 4-го сентября.

VIII.

Когда Корфіоты узнали о перемѣнѣ въ ихъ участи, отчаянію ихъ не было предѣловъ; 7-го августа, когда прибылъ первый отрядъ французовъ, и даже на другой день, всѣ лавки были заперты. Французы принялись хозяйничать на островѣ съ жестокостью непростительной для просвѣщенной націи. Они разоряли жителей непосильными контрибуціями, и чтобы подавить ихъ неудовольствіе, прибѣгали къ шпіонству. Въ день именинъ Наполеона, 15-го августа, главнокомандующій Іоническихъ острововъ, генералъ Бертье, окруженный блестящимъ штабомъ, вошелъ въ церковь Св. Спиридонія съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Замѣтивъ удивленіе на лицахъ присутствующихъ, онъ догадался прекратить музыку и велѣлъ гренадерамъ снять шапки. Силою заставили жителей зажечь иллюминацію, но мальчишки потихоньку тушили ее. День же Ангела

нашего Государя былъ днемъ блистательнаго торжества. Съ утра, церкви переполнились народомъ; весь день гудѣли колокола; дома украсились транспарантами съ вензелемъ Государя; отовсюду раздавалось: «Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуетъ Россія»!..

Прибытіе русскаго флота обуздало на нѣкоторое время самоуправство французовъ. Отъ утра до ночи посѣщали Сенявина корфіоты и со слезами просили защиты. Адмиралъ сдѣлалъ, что могъ; поставилъ въ городѣ караулы и корфіоты на нѣсколько дней отдохнули.

Въ десять дней адмиралъ кончилъ всѣ дѣла. Если въ чьемъ нибудь сердцѣ и теплилась еще надежда, то 22-го августа все кончилось. На крѣпости былъ поднятъ трехцвѣтный флагъ и республика объявлена принадлежащею французамъ.

Генералъ Мармонъ, принявшій Катарскую область, поступилъ благоразумнѣе. Онъ объявилъ забвеніе прошедшаго и не требовалъ контрибуціи. Ему хорошо было извѣстно, что за спиной его стоятъ независимые черногорцы, всегда готовые дать отпоръ притѣснителямъ своихъ единовѣрцевъ, и счелъ за лучшее быть умѣреннымъ и благоразумнымъ.

Нашъ флотъ сталъ готовиться къ отплытію. Прощаніе жителей съ войсками нашими было очень трогательно. Когда войска остановились у церкви Спиридонія для напутствія, духовенство изъ всѣхъ церквей вышло въ черномъ облаченіи съ крестомъ и Св. водою. Протоіерей началъ говорить рѣчь, но зарыдалъ и не могъ кончить.

Ударили въ барабанъ. Войска тронулись и пошли къ пристани. Улицы, площади, балконы, кровли—все унизано было народомъ, который совершенно позабылъ

что подобное выраженіе сочувствія русскимъ можетъ возбудить неудовольствіе новыхъ властителей.

Суліоты, служившіе въ нашемъ албанскомъ легіонѣ получивъ отставку, согласились поступить на службу. Наполеона, но не иначе какъ съ условіемъ, чтобы ихъ никогда не посылали противъ русскихъ. Когда же чиновники, приводившіе ихъ къ присягѣ, замѣтили, что такое заявленіе неумѣстно, албанскій начальникъ смѣло заявилъ, что оно необходимо: «Пусть вы напередъ знаете, что если пойдете воевать съ русскими, то мы будемъ съ ними противу васъ», говорилъ онъ. Преданность катарцевъ выразилась еще краснорѣчивѣе. Когда въ 1812 г. они узнали, что французы вторглись въ Россію, они подняли возстаніе, побили французовъ и на крѣпости подняли Русскій Императорскій флагъ. Позднѣе, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, область эта отдана была Австріи.

19-го Сентября эскадра наша оставила Корфу. Множество лодокъ провожало ее, пока она не скрылась изъ вида. Мало по малу, Корфу сталъ погружаться въ море, и наконецъ исчезъ въ волнахъ.

Переходъ отъ береговой жизни съ ея удовольствіями къ усиленнымъ занятіямъ омрачилъ всеобщее расположеніе духа. На кораблѣ каждому есть дѣло и на все опредѣлено время. Каждый офицеръ и матросъ занятъ отъ 10 до 14 час. въ сутки. Случается вставать въ полночь, ложиться въ 4 утра, не имѣть никогда непрерывнаго спокойнаго сна, быть всегда готовымъ выбѣжать наверхъ, когда свѣжо по нѣскольку дней кряду не сходить въ каюту, дремать только нѣсколько минутъ, прислонившись къ пушкѣ, — вотъ жизнь моряка. А въ сраженіи? Если на сухомъ пути воину нужно мужество, то въ морской битвѣ онъ

долженъ совершенно позабыть о себѣ. Сухопутный воинъ умираетъ только отъ руки врага, не боится провалиться сквозь землю, или взлетѣть на воздухъ, и если проигрываетъ битву, то имѣетъ возможность укрыться въ крѣпости, или искуснымъ отступленіемъ избѣжать смерти. Морякъ же, отдѣленный отъ бездны одною доскою, заключенный въ своей пловучей крѣпости, гдѣ нѣтъ мѣста, чтобы укрыться отъ выстрѣловъ, долженъ еще бороться съ волнами и вѣтромъ. Подводные камни и мели могутъ въ одну минуту измѣнить его положеніе изъ выгоднаго въ отчаянное. Въ морскомъ сраженіи смерть является во всѣхъ видахъ. Кромѣ ядеръ, картечи и пуль бьютъ людей обломки и щепа, летящая отъ разбитыхъ бортовъ и рангоута. Въ случаѣ взрыва, или потопленія корабля, почти всѣ погибаютъ. Абордажъ ужаснѣе штурма потому, что побѣжденный можетъ въ отчаяніи зажечь свой корабль и вмѣстѣ съ побѣдителями взлетѣть на воздухъ.

Но зато сила впечатлѣній у моряковъ вполнѣ вознаграждаетъ ихъ за пережитыя тревоги. Избѣжавъ опасности, человѣкъ чувствуетъ себя словно вновь родившимся, и одно сознаніе своего бытія уже доставляетъ наслажденіе. Сильныя ощущенія дѣлаются для него необходимыми, жизнь на сушѣ кажется однообразною и скучною. Потому не рѣдко бываетъ, что едва вернувшись, едва вкусивъ прелестей спокойной жизни, морякъ уже начинаетъ тяготиться ею и мечтаетъ о новомъ плаваніи.

Съ самаго выхода эскадры изъ Архипелага, ее преслѣдовали свѣжіе вѣтры и штормы. Особенно много пострадала она, миновавъ Гибралтаръ. Въ то самое время, когда моряки начали уже мечтать о скоромъ возвращеніи на родину и разсчитывать дни и часы, они должны

были убѣдиться, что въ морѣ и самые точные математическіе разсчеты бываютъ обманчивы. На разсвѣтѣ, 7-го октября, всѣ надежды разлетѣлись въ прахъ. Отъ сѣвера пронеслись темныя тучи, туманъ сгустился; появились тифоны и смерчи, съ которыми приходилось сражаться какъ съ непріятелемъ. Едва ядро разрывало одинъ, какъ возникалъ другой. Противный вѣтеръ дулъ 27 сутокъ. Корабли, разбитые въ сраженіи, едва могли держаться. Безпрестанно, то на одномъ, то на другомъ рвало паруса; то одинъ, то другой сигналомъ давали знать о своемъ бѣдственномъ положеніи. Впродолженіе 4-хъ-недѣльной ужасной качки, едва ли дней 5—6, въ кухнѣ можно было развести огонь. Всѣ утомились до крайности; но худшее было еще впереди. Пережитыя невзгоды блѣднѣли передъ тѣмъ, что пришлось испытать морякамъ 26 октября.

«26 Октября» разсказываетъ Броневскій, бывшій на фрегатѣ «Венусъ», «въ 3 ч. пополудни, ртуть въ барометрѣ сильно понизилась, южный вѣтеръ усилился, тучи сгустились и въ 5 ч. наступила непроглядная тьма. Въ 7 ч. развело волненіе и жестокій шквалъ изорвалъ паруса. Корабль летѣлъ, дѣлая по 25 в. въ часъ. Въ 9-мъ часу штормъ былъ въ полномъ разгарѣ; нельзя было поставить ни одного паруса. Фрегатъ обоими бортами черпалъ воду. Вдругъ выступилъ изъ темноты силуэтъ корабля, совсѣмъ около насъ. Мы положили право руля и очутились вблизи другого; положили лѣво на бортъ и чуть не столкнулись съ адмиральскимъ кораблемъ. На немъ горѣло нѣсколько фальшфейеровъ [1]). Видно было пламя,

[1]) Составъ русскаго изобрѣтенія, введенный потомъ и въ англійскомъ флотѣ. Достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ и при сильномъ дождѣ горитъ такъ ярко, что его за 20 вер. бываетъ видно.

выходящее изъ жерлъ пушечныхъ, но грома выстрѣловъ, за ревомъ вѣтра, слышно не было. Когда корабль этотъ спускался съ высоты валовъ, то намъ казалось, что онъ падаетъ прямо на насъ. Одно прикосновеніе, одинъ мигъ—и оба на днѣ. Смятенія нашего въ эту минуту описать невозможно. Въ 10 часовъ разыгралась гроза, но ревъ вѣтра и шумъ валовъ были такъ сильны, что грома не было слышно. На одномъ кораблѣ загорѣлась мачта. Нашъ фрегатъ бросало словно щепку; борта отошли отъ палубъ, палубы разъѣхались, вода начала заливать трюмъ. Положеніе было отчаянное. Люди изнемогали надъ помпами и въ ужасѣ ждали послѣдней минуты. Вдругъ полилъ дождь. Штормъ началъ утихать и въ одиннадцатомъ часу можно уже было править фрегатѣ подъ нижними стакселями. Продлись этотъ штормъ до разсвѣта, эскадра неминуемо бы погибла».

День 26 октября, столь богатый сильными ощущеніями, оказался днемъ ангела Дмитрія Николаевича. Въ этотъ же день въ Петербургѣ объявлено было о разрывѣ съ Англіею; и еслибы штормы не задержали эскадры въ Атлантическомъ океанѣ, то она была бы въ Брестѣ захвачена англичанами. Для этой цѣли, по отчетамъ лорда адмиралтейства, приготовлена была въ Плимутѣ эскадра изъ 14 кораблей. Слѣдовательно, эта буря спасла для Россіи лучшую часть ея флота. «Подлинно великъ Богъ земли русской!» воскликнули моряки, узнавъ объ этомъ.

Когда 27 утромъ эскадра наша стянулась и осмотрѣлась, то корабли оказались поврежденными до такой степени, что безъ починки нечего было и думать продолжать плаваніе. Адмиралъ вынужденъ былъ вести эскадру въ Лиссабонъ, куда она и прибыла 30 октября.

IX.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій Тильзитскаго договора было посредничество Россіи для примиренія Англіи съ Франціею. Какъ и слѣдовало ожидать, это посредничество не привело ни къ чему. Въ отвѣтъ на Тильзитскій договоръ, англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ, увелъ датскіе корабли, истребилъ верфи и арсеналы. Слѣдствіемъ этого была декларація Россіи противъ Англіи 26 октября 1807 г. и разрывъ торговыхъ сношеній.

Наполеонъ, умѣвшій изъ всего извлекать свою выгоду, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и подъ видомъ охраны Лиссабона отъ англичанъ, занялъ его своими войсками. Королевская фамилія удалилась въ Бразилію. Адмиралъ Сенявинъ, не получивъ никакихъ инструкцій, держался въ сторонѣ и не вмѣшивался въ политику, чѣмъ снискалъ себѣ уваженіе маршала Жюно, намѣстника Наполеона.

Въ апрѣлѣ 1808 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе Сенявину состоять съ ввѣренною ему эскадрою въ распоряженіи Наполеона. Не довѣряя франко-русскому союзу, Сенявинъ подъ разными предлогами медлилъ исполненіемъ требованій французовъ, которыя явно клонились къ погибели нашего флота. Онъ починивалъ корабли свои поодиночкѣ, стараясь выиграть время.

Между тѣмъ въ Испаніи вспыхнуло возмущеніе и всякое сношеніе съ Россіею прекратилось. На содержаніе эскадры нужны были деньги и адмиралъ, не желая заключать сдѣлки невыгодныя для правительства, предложилъ участвовавшимъ въ призахъ уступить свои доли. «Многіе изъ васъ, господа», прибавилъ онъ

съ пріятной улыбкой, «имѣютъ обыкновеніе накупать множество бездѣлушекъ, и возвращаются домой съ грузомъ, но безъ денегъ. Уступивъ ваши доли, вы получите на родинѣ всѣ ваши деньги и сверхъ того благоволеніе Государя Императора за ваше усердіе». Могли ли подчиненные Сенявина, привыкшіе видѣть во всѣхъ распоряженіяхъ его мудрую предусмотрительность, не согласиться? Весь флотъ имѣлъ ту выгоду, что возвратившись домой, очутился при деньгахъ; а казна выиграла огромную сумму, которую она должна была бы заплатить въ видѣ процентовъ, еслибъ Сенявинъ вздумалъ занять деньги.

Когда войска Наполеона, вслѣдствіе возстанія въ Испаніи и Португаліи, очутились въ затруднительномъ положеніи, маршалъ Жюно, именемъ Наполеона, потребовалъ отъ Сенявина солдатъ и матросовъ съ его эскадры. Сенявинъ отвѣчалъ, что ради пользы самого Наполеона, онъ долженъ охранять свою эскадру отъ нападенія англичанъ, и не можетъ обезсиливать ее. Англичане усердно помогали возставшимъ, снабжая ихъ оружіемъ и высадивъ въ Опорто порядочный десантъ. Жюно стянулъ свои войска и напалъ на англичанъ, но былъ разбитъ и 19 августа сдался на капитуляцію. Всѣ порты и крѣпости заняты были англичанами. Англичане не согласились признать Лиссабонскій портъ нейтральнымъ, и русская эскадра, окруженная съ моря и съ суши превосходнѣйшими силами, оказалась плѣнницею.

Собравъ совѣтъ изъ капитановъ кораблей, Сенявинъ, съ ихъ согласія, заключилъ 23-го августа съ англійскимъ адмираломъ Коттономъ слѣдующій договоръ: «Военные корабли Русскаго Императора, стоящіе въ Таго, сданы будутъ англичанамъ для отправленія

ихъ въ Англію и содержанія подъ сохраненіемъ его британскаго Величества съ тѣмъ, чтобы черезъ шесть мѣсяцевъ по заключеніи мира, возвратить ихъ въ томъ же видѣ русскому Императору. Вице-адмиралъ Сенявинъ съ офицерами, матросами и морскими солдатами возвратится въ Россію безъ всякаго препятствія на судахъ британскаго флота. Императорскихъ флаговъ не спускать, пока не оставятъ судовъ адмиралъ и капитаны съ должными имъ почестями».

Люди, служившіе на военномъ поприщѣ, хорошо знаютъ, какое значеніе имѣетъ для воина честь флага. Обстоятельства, въ которыхъ находилась наша эскадра, еще больше выдвигаютъ заслугу Сенявина. Его рѣшимости, умѣнью вести переговоры, а главное уваженію, которымъ онъ пользовался у непріятеля мы обязаны спасеніемъ чести русскаго флага.

Насколько велика была дипломатическая побѣда Сенявина видно изъ того, что государственные люди Англіи, узнавъ о договорѣ, подписанномъ Коттономъ, пришли въ ярость, называя договоръ этотъ посрамленіемъ чести англійской націи. Въ донесеніи принцу регенту говорилось, между прочимъ, что Коттонъ, желая отличиться въ искусствѣ переговоровъ, спасовалъ передъ извѣстнымъ и прославившимся въ дипломатическихъ тонкостяхъ русскимъ адмираломъ.

По заключеніи договора, всѣ англичане, находившіеся въ эскадрѣ Сенявина, въ томъ числѣ и Грейгъ, отправлены были сухимъ путемъ въ Россію. 31-го Августа (1808 г.) русская эскадра, послѣ 10-тимѣсячнаго пребыванія въ Лиссабонѣ, сопровождаемая англійскою эскадрою, оставила гавань. Во все время плаванія до Портсмута, на ней развѣвался русскій флагъ.

Прибытіе непріятельской эскадры подъ собствен-

нымъ флагомъ задѣло самолюбіе англичанъ, и Сенявинъ, отъ имени короля, получилъ предписаніе спустить флаги. Д. Н., съ обычной его проницательностью понялъ, что англійское правительство ищетъ съ нимъ ссоры, чтобы имѣть предлогъ нарушить договоръ, заключенный Коттономъ. Поэтому онъ приготовилъ вѣжливый отвѣтъ, въ которомъ выражалъ, что находясь въ портѣ и владѣніяхъ англійскихъ, онъ не можетъ не исполнить воли его Величества; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать распоряженіе о снятіи флаговъ, къ нему явился адмиралъ Монтегю, и заносчивымъ тономъ сталъ требовать немедленнаго исполненія предписанія. На этотъ разъ Сенявинъ не поцеремонился дать довольно рѣзкій отвѣтъ. «Во владѣніяхъ короля волѣ его я противиться не могу; поэтому, послѣ захожденія солнца, съ должными почестями корабельные флаги будутъ спущены. Мой—будетъ снятъ ночью. Если же ваше превосходительство считаете себя въ правѣ мнѣ угрожать, то, нарушая симъ святость договора, вынуждаете меня сказать вамъ, что я здѣсь еще не плѣнникъ, никому не сдавался, не сдамся и флагъ мой не спущу днемъ и не отдамъ его иначе, какъ вмѣстѣ съ жизнью».

Монтегю не возражалъ болѣе, и удалился. Когда образъ дѣйствій русскаго адмирала сталъ извѣстенъ публикѣ, Сенявинъ сдѣлался героемъ дня. Кто знаетъ характеръ англичанъ, тому извѣстно съ какимъ энтузіазмомъ они относятся къ мужеству и твердости характера. Еслибъ Сенявинъ пріѣхалъ въ Лондонъ, онъ былъ бы предметомъ большихъ овацій. Но Д. Н. рѣшился до отплытія изъ Англіи не съѣзжать на берегъ, и офицерамъ запретилъ это.

Съ отправленіемъ экипажа въ Россію было у Се-

нявина немало непріятностей. Англичане, подъ разными предлогами, оттягивали это дѣло. Бездѣйствіе и безполезная стоянка въ Портсмутскомъ рейдѣ сильно раздражали нашихъ моряковъ. Въ это время пришлось имъ оказать англичанамъ немаловажную услугу. 18-го Апрѣля 1809 г. англійскій фрегатъ, возвращаясь изъ Испаніи, сталъ на мель у острова Уайта, въ виду нашей эскадры. Онъ требовалъ скорой помощи. Вода заливала корабль и ему грозила неминуемая гибель. Въ ту же минуту съ корабля «Твердый» приказано было подать потерпѣвшему помощь. Съ немалымъ трудомъ и опасностью для нашихъ людей, фрегатъ, въ короткое время, былъ снятъ съ мели. Адмиралу Кортесу поручено было благодарить Сенявина отъ лица правительства. Почтенный адмиралъ, кромѣ того, благодарилъ Д. Н. отъ лица народа и прибавилъ, что Англія считаетъ его своимъ другомъ.

Англичане дали и другое вѣское доказательство своего дружелюбія. Корабль «Спѣшный» посланный въ Адріатическое море съ вещами и деньгами для эскадры, попалъ въ Портсмутъ въ то время, когда разрывъ между Россіею и Англіею уже совершился, и сдѣлался англійскимъ призомъ. Узнавъ, что на «Спѣшномъ» есть серебряный сервизъ, адресованный адмиралу Сенявину, англійское правительство тотчасъ же отдало приказаніе исключить его изъ приза и возвратить адмиралу. Англійскіе офицеры, имѣвшіе случай познакомиться съ Сенявинымъ, искали его общества и относились къ нему съ особымъ уваженіемъ.

Передъ отъѣздомъ, офицеры задумали засвидѣтельствовать адмиралу свои чувства публичнымъ актомъ. «Неужели, говорили они, съ славнымъ начальникомъ нашимъ разстанемся мы, не засвидѣтельствовавъ ему

передъ отечествомъ и свѣтомъ той высокой степени уваженія и признательности, которыя къ нему чувствуемъ». Единодушное желаніе ускорило исполненіе. Лучшимъ художникамъ Лондона заказана была серебряная съ золотыми украшеніями ваза въ 1 1/2 фута вышины съ эмблемами и надписью: «Въ память побѣды у острова Лемноса, 19 іюня 1807 г.» Поднесеніе сопровождалось прочувствованнымъ адресомъ, читаннымъ старѣйшимъ изъ капитановъ.

Адмиралъ не ожидавшій ничего подобнаго, былъ глубоко тронутъ. Въ тотъ же день офицеры давали адмиралу обѣдъ, во время котораго, подъ звуки оркестра пѣвчіе пропѣли акростихъ, сочиненный случайнымъ поэтомъ:

„Сей мужъ присутствіемъ желанный
„Единъ всѣхъ веселитъ сердца.
„Начальникъ славою вѣнчанный
„Являетъ намъ собой отца.
„Враговъ Россіи побѣдитель
„И счастья нашего творецъ.
„Надежда всѣхъ и покровитель
„И незабвенный для сердецъ".

Адмиралъ отблагодарилъ офицеровъ баломъ и ужиномъ. Корабль «Твердый» превратился въ великолѣпный дворецъ. Освѣщенный съ верху до низу, онъ походилъ на гигантскій огненный столбъ, выходящій изъ воды. Шканцы [1]), превращенные въ роскошный залъ, убраны были зеленью, цвѣтами и флагами. Каютъ-компанія и верхняя палуба образовали двѣ залы, убранныя въ такомъ же родѣ. Нижняя палуба обращена была въ театръ. Множество англичанъ при-

[1]) Средняя часть судна.

сутствовало на балѣ. Всѣ, кажется, позабыли, что между двумя государствами существуетъ разрывъ и были непринужденно веселы. Англичане признавались, что не видали никогда ничего подобнаго.

5-го Августа, русскіе моряки на англійскомъ транспортѣ оставили Портсмутъ и 9 сентября прибыли на родину. Этимъ закончилась достопамятная для русскаго флота кампанія. Закончилась и карьера доблестнаго адмирала Сенявина. Вернувшись въ Петербургъ, Дмитрій Николаевичъ цѣлые полтора года оставался безъ должности. Въ 1811 году онъ былъ сдѣланъ главнымъ командиромъ Ревельскаго порта, а въ 1813 г., по прошенію, уволенъ въ отставку.

Съ тѣхъ поръ, по самую кончину Императора Александра, Сенявинъ велъ уединенную жизнь, избѣгая людей и извѣрившись въ нихъ. Положеніе его было самое стѣсненное. Вслѣдствіе тяжбы, онъ не могъ располагать родовымъ своимъ имѣніемъ и жилъ почти въ бѣдности, истративъ на тяжбу призовыя деньги, полученныя за истребленіе непріятельскихъ судовъ. По вступленіи на престолъ Николая I, Сенявинъ снова былъ призванъ на службу со старшинствомъ и удостоенъ званія генералъ-адъютанта и полнаго адмирала.

Въ 1827 году Сенявину поручено было проводить эскадру, отправлявшуюся въ Средиземное море и въ Портсмутѣ сдать ее графу Гейдену. Офицеры, которымъ назначеніе ихъ не было извѣстно, разсчитывали, что Сенявинъ останется ихъ начальникомъ и часто говорили о немъ. Молодежь, собравшись однажды на шканцахъ, принялась разсуждать о томъ, кому изъ извѣстныхъ моряковъ отдать предпочтеніе, чьи успѣхи блестящѣе, кого слѣдуетъ взять за образецъ, чтобы въ несчастіи не малодушествовать и въ счастьи не

заноситься. «Тсъ! Вотъ вамъ живой примѣръ!»—тихо проговорилъ одинъ изъ офицеровъ.—Въ эту минуту адмиралъ Сенявинъ вышелъ на шканцы.

По уходѣ адмирала, долго еще говорили о немъ. Въ эскадрѣ были нѣкоторые изъ его прежнихъ сподвижниковъ. Вспоминали разные эпизоды; между прочимъ одинъ, когда Сенявинъ, еще молодымъ человѣкомъ, спасъ своею находчивостью адмиральскій корабль. Во время бури въ Черномъ морѣ корабль «Крымъ» изъ эскадры Войновича, потерялъ мачты и потонулъ. Такая же участь предстояла адмиралъскому кораблю «Преображеніе». Его заливало водою и люди, бросивъ помпы, надѣли бѣлыя рубахи и готовились къ смерти. Сенявинъ, видя, что на матросовъ уже нечего разсчитывать, схватилъ топоръ, влѣзъ наверхъ и обрубилъ ванты, державшія упавшія мачты, тянувшія корабль книзу. Примѣръ его подѣйствовалъ ободряющимъ образомъ на матросовъ; всѣ принялись за работу. Тогда Сенявинъ спустился въ трюмъ залитый водою. Такъ какъ насосы не могли уже дѣйствовать, онъ собралъ кадки и всякую посуду, трудился съ матросами безъ отдыха 3 часа и корабль былъ спасенъ.

При второмъ вступленіи на службу, Сенявинъ былъ уже не тотъ, что прежде. Испытанныя имъ огорченія и невзгоды подорвали его здоровье и въ 1830 г. онъ умеръ отъ водяной болѣзни.

Сенявинъ завѣщалъ похоронить себя просто и безъ помпы; но Государь пожелалъ воздать дань уваженія усопшему герою. Онъ приказалъ выдать 5000 р. на его похороны и самъ командовалъ взводомъ при погребеніи.

X.

Въ 1842 г. лейтенанту Сущову случилось быть съ корветомъ у Кефалоніи. Несмотря на то, что почти полвѣка прошло со времени подвиговъ Сенявина на Средиземномъ морѣ, что другіе громкіе подвиги, въ томъ числѣ и Наваринскій бой, успѣли уже украсить страницы исторіи, память о Дмитріи Николаевичѣ жива была въ сердцахъ жителей Іоническихъ острововъ. «Лишь только корветъ нашъ бросилъ якорь, разсказываетъ Сущовъ, какъ со всѣхъ острововъ греки съѣхались встрѣчать его. Энтузіазмъ ихъ доходилъ до высочайшей степени. Священники пріѣзжали поклониться и поцѣловать портретъ Государя. Всѣ съ благоговѣніемъ на него смотрѣли; крестились, подходя къ Андреевскому флагу. Гдѣ же источникъ этого энтузіазма и глубокой привязанности къ русскимъ жителей Іоническихъ острововъ? Кто виновникъ радости, съ какою встрѣчали насъ иностранцы? Кто внушилъ имъ это уваженіе къ русскому флагу и благоговѣніе къ Государю? Тотъ, чье имя повторялось теперь на шканцахъ, на палубѣ и въ каютъ-компаніи, о комъ говорили и разспрашивали съ замѣтнымъ оживленіемъ, кого благословляли здѣшніе жители, разсказывая дѣтямъ о его временахъ, о ихъ благоденствіи подъ управленіемъ адм. Сенявина. Здѣсь всѣ знаютъ, помнятъ и уважаютъ Дмит. Николаевича.

Любимая тема разговора нашихъ гостей была о немъ какъ о человѣкѣ, который умѣлъ быть строгимъ и требовательнымъ, что не мѣшало ему быть всегда доступнымъ и входить въ малѣйшія нужды жителей. Онъ умѣлъ всѣхъ утѣшить и ободрить. Заговорили о его отъѣздѣ. Какъ эта неожиданность всѣхъ поразила!

Не хотѣли вѣрить, не могли равнодушно видѣть французскаго флота. Греки волновались, но Сенявинъ усмирилъ ихъ. Весь народъ со слезами провожалъ его. И теперь, при этихъ разсказахъ у многихъ навертывались слезы. Наши гости интересовались всѣмъ, что относилось къ адмиралу. Разспрашивали, когда онъ умеръ, остались ли дѣти, какой поставленъ ему памятникъ.

Необыкновенно отрадно было намъ слушать эти восторженныя рѣчи о человѣкѣ, славою котораго будетъ всегда гордиться нашъ флотъ. Здѣсь, гдѣ все носитъ слѣды его плодотворной дѣятельности, онъ создалъ себѣ памятникъ, съ которымъ не сравнятся никакіе мавзолеи».

АДМИРАЛЪ ЛОГИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ГЕЙДЕНЪ.

(Снимокъ съ гравюры въ библіотекѣ Морского Министерства).

Наваринская битва.

Адмиралы графъ Гейденъ и Лазаревъ.

Событія, вызвавшія въ 1827 г. Наваринскій погромъ, начались еще при Великой Екатеринѣ. Уже тогда Россія не могла выносить равнодушно свирѣпаго безчеловѣчнаго обращенія турокъ съ подвластными ей христіанами и отозвалась Чесменскимъ, Рымникскимъ, Измаильскимъ и другими погромами. Притихая на время, раненый звѣрь снова принимался за неистовства и, терзая свои жертвы, какъ только турки умѣютъ терзать, вымѣщалъ на нихъ свои пораженія. Наконецъ мѣра терпѣнія турецкихъ христіанъ переполнилась и греки первые въ 1821 г. подняли знамя возстанія. Взбѣшенные такою смѣлостью турки довели свои звѣрства до такой степени, что и не въ одной Россіи многіе содрогались. Союзникъ Турціи, Египетскій паша, послалъ своего сына Ибрагима съ войскомъ для усмиренія грековъ. Ибрагимъ былъ до того безчеловѣченъ, что не только лишалъ жизни людей, оскверналъ ихъ храмы, сожигалъ жилища; онъ сожигалъ даже оливковыя деревья, единственное богатство несчастныхъ

Наваринская битва.

Адмиралы графъ Гейденъ и Лазаревъ.

Событія, вызвавшія въ 1827 г. Наваринскій погромъ, начались еще при Великой Екатеринѣ. Уже тогда Россія не могла выносить равнодушно свирѣпаго безчеловѣчнаго обращенія турокъ съ подвластными ей христіанами и отозвалась Чесменскимъ, Рымникскимъ, Измаильскимъ и другими погромами. Притихая на время, раненый звѣрь снова принимался за неистовства и, терзая свои жертвы, какъ только турки умѣютъ терзать, вымѣщалъ на нихъ свои пораженія. Наконецъ мѣра терпѣнія турецкихъ христіанъ переполнилась и греки первые въ 1821 г. подняли знамя возстанія. Взбѣшенные такою смѣлостью турки довели свои звѣрства до такой степени, что и не въ одной Россіи многіе содрогались. Союзникъ Турціи, Египетскій паша, послалъ своего сына Ибрагима съ войскомъ для усмиренія грековъ. Ибрагимъ былъ до того безчеловѣченъ, что не только лишалъ жизни людей, оскверналъ ихъ храмы, сожигалъ жилища; онъ сожигалъ даже оливковыя деревья, единственное богатство несчастныхъ

грековъ. Кровопролитная война, война горсти элли
новъ съ турецкою ордою, продолжавшаяся шесть лѣт
обратила на себя вниманіе Европы. Но великія дер
жавы изъ корыстныхъ разсчетовъ не желали идт
далѣе дипломатическихъ переговоровъ съ Турціею,
только одна Россія приняла искреннее участіе въ суд
бѣ грековъ. Всѣ сословія сходились въ желаніи осв
божденія своихъ единовѣрцевъ и въ недоумѣніи обра
щали взоры къ своему царю. Къ сожалѣнію Импера
торъ Александръ былъ слишкомъ занятъ осуществле
ніемъ своей любимой мечты о священномъ союзѣ,
разговоры о судьбѣ грековъ такъ и остались одним
разговорами. Когда же на россійскій престолъ всту
пилъ Императоръ Николай I, государь энергичный
горячій защитникъ восточныхъ христіанъ, англичан
встрепенулись. Они поняли, что молодой Император
не ограничится одними переговорами, и если нужно
пойдетъ войною противъ Турціи, чтобы обезпечит
эллинамъ спокойное существованіе. Опасаясь сопер
ничества Россіи на Востокѣ, Англія рѣшилась дѣй
ствовать съ ней заодно и послала въ Петербургъ гер
цога Веллингтона, который подписалъ въ апрѣлѣ
1826 г. протоколъ, послужившій основаніемъ вмѣша
тельства Англіи и Россіи въ распрю грековъ съ тур
ками. Въ іюнѣ слѣдующаго 1827 г. былъ заключен
въ Лондонѣ формальный договоръ, къ которому прим
кнула и Франція. Въ силу этого договора державы
требовали отъ Турціи предоставленія грекамъ автоно
міи подъ верховнымъ покровительствомъ султана, а
для поддержки своихъ требованій державы рѣшили
послать къ берегамъ Греціи свои флоты.

Когда турецкому министру Рейсъ-Эффенди вруче
на была нота трехъ державъ, онъ грубо отвѣтилъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I.

«Не хочу слушать вашей бумаги, отказываюсь даже принять ее».

Дѣлать было нечего. Непринятую бумагу оставили передъ нимъ на креслѣ, въ надеждѣ что онъ образумится. Прошелъ мѣсяцъ. Турція молчитъ, а рѣзня продолжается. Посланники снова обратились за отвѣтомъ.

«Опредѣленный, безусловный, окончательный, неизмѣнный, вѣчный отвѣтъ султана состоитъ въ томъ, что онъ не принимаетъ никакого посредничества», раздражительно отвѣтилъ Рейсъ-Эффенди.

Державамъ ничего болѣе не оставалось, какъ прекратить переговоры и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Такъ онѣ и поступили.

22 Мая 1827 г. эскадра адмирала Сенявина выстроилась на кронштадтскомъ рейдѣ. Три раза посѣтилъ ее Императоръ Николай Павловичъ. Осматривая арсеналъ корабля «Азовъ», Его Величество обратилъ вниманіе на искусно выложенныя изъ ружейныхъ замковъ названія морскихъ побѣдъ при Гангутѣ, Ревелѣ и Чесмѣ. За послѣднимъ названіемъ стояла буква *и*. На вопросъ Государя что это значитъ, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ отвѣтилъ, что эта буква означаетъ продолженіе подобныхъ названій.

— А что же будетъ дальше?—спросилъ Государь.

— Названіе первой побѣды флота Вашего Императорскаго Величества, — отвѣтилъ Лазаревъ. Черезъ четыре мѣсяца къ выставленнымъ названіямъ было прибавлено: «Наваринъ», а буква *и* переставлена дальше.

Эскадрѣ приказано было готовиться къ походу; но куда—оставалось загадкой.

Ровно въ полночь на 10-е Іюня, Государь въ чет-

вертый разъ посѣтилъ эскадру. Его Величество прибылъ на корабль «Азовъ». Ночнымъ сигналомъ приказано было сняться съ якоря и вскорѣ весь флотъ былъ уже подъ парусами. При восходѣ солнца вмѣстѣ съ флагомъ на кораблѣ «Азовъ» поднятъ былъ штандартъ, означавшій личное предводительство Государя Императора. Начался салютъ съ судовъ и укрѣпленій, а эскадра, пользуясь легкимъ попутнымъ вѣтромъ, быстро подвигалась впередъ.

— Куда идемъ, на маневры или въ далекое море?— думалось морякамъ. Если въ далекое море, то по какому направленію? Посылаютъ ли насъ въ Америку, какъ толкуютъ въ Кронштадтѣ, помогать испанцамъ, или идемъ сразиться за нашу вѣру вмѣстѣ съ греками?

Послѣ короткихъ маневровъ подъ Красной Горкой, на кораблѣ «Азовъ» подняли сигналъ общаго богослуженія. Государь присутствовалъ при напутственномъ молебнѣ. Прощаясь съ эскадрою, онъ произнесъ знаменательныя для уходившихъ моряковъ слова: «Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ либо военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по русски».

Государь уѣхалъ, а эскадра направилась въ море.

По приходѣ въ Англію, въ Портсмутъ, Сенявинъ отдѣлилъ 4 корабля: «Азовъ», «Гангутъ», «Александръ Невскій», «Іезикіиль» и 4 фрегата: «Константинъ», «Елена», Проворный» и «Касторъ», сдавъ начальство надъ этой эскадрой контръ-адмиралу графу Логину Петровичу Гейдену. Графъ поднялъ свой флагъ на «Азовѣ», и пошелъ въ Средиземное море, Командиромъ «Азова» былъ М. П. Лазаревъ.

Логинъ Петровичъ Гейденъ былъ родомъ голландецъ. Онъ родился въ Гагѣ 25 Апрѣля 1772 г., на другой день послѣ рожденія принца Вильгельма Оранскаго,

бывшаго впослѣдствіи королемъ Нидерландскимъ. Образованіе свое графъ получилъ вмѣстѣ съ этимъ принцемъ подъ руководствомъ одного и того же наставника. Морскую службу началъ съ раннихъ лѣтъ. На одиннадцатомъ году онъ уже бороздилъ океанъ, знакомясь съ этой прихотливою стихіею. Вслѣдствіе политическихъ смутъ въ Голландіи, жизнь графа много разъ подвергалась опасности. Вѣрный слуга дома Оранскаго, графъ, послѣ удаленія своего законнаго государя, покинулъ отечество и, прибывъ въ Петербургъ, поступилъ на службу Великой Екатерины капитанъ-лейтенантомъ Черноморскаго гребного флота. Съ Высочайшаго соизволенія Гейденъ сохранилъ графское достоинство Римской имперіи, издавна принадлежавшее его роду. Выдающаяся дѣятельность графа въ Архипелагѣ обезпечила ему безспорное право на признательность Россіи.

Графъ Гейденъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью во флотѣ, какъ симпатичный и обходительный человѣкъ, обладавшій свѣтскими манерами. Если необходимо было распечь кого нибудъ, то его выговоры обыкновенно оканчивались приглашеніемъ откушать къ нему хлѣба соли. Гостепріимный домъ графа былъ своего рода свѣтской школою для флотской молодежи. Вообще, по отзывамъ всѣхъ разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ личностей, съ которыми приходилось графу сталкиваться, это была личность свѣтлая, обладавшая глубокимъ, многосторонне образованнымъ умомъ и прекрасными качествами сердца.

Послѣднія 16 лѣтъ жизни графъ провелъ въ Ревелѣ въ должности военнаго губернатора и главнаго командира Ревельскаго порта. 5 Октября 1850 г. весь Ревель оплакивалъ кончину Логина Петровича, а 8-го—

въ годовщину знаменитаго Наваринскаго боя, совершилось его погребеніе *).

Ближайшимъ сподвижникомъ гр. Гейдена въ Наваринскомъ сраженіи былъ начальникъ штаба русской эскадры и командиръ адмиральскаго корабля «Азовъ» Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

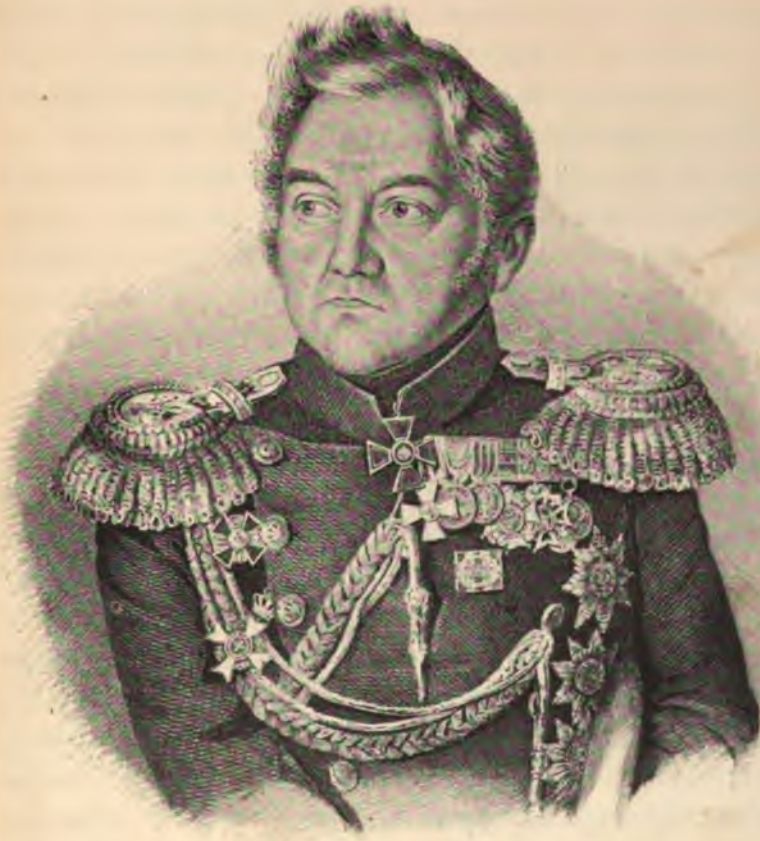
Лазаревъ родился во Владимірской губерніи, 3 Ноября 1788 г., и по выходѣ изъ морского корпуса былъ отправленъ съ другими воспитанниками въ Англію волонтеромъ, для пріобрѣтенія познаній по морской части. Онъ находился почти постоянно въ морѣ, и прослуживъ въ Англіи на различныхъ судахъ пять лѣтъ, возвратился въ Россію.

Находясь въ эскадрѣ адмирала Ханыкова во время войны 1808 г. съ Англіею и Швеціею, М. П. вызвался, въ качествѣ охотника, идти на помощь къ аттакованному двумя англійскими кораблями «Всеволоду». Вслѣдствіе превосходныхъ силъ непріятеля, «Всеволодъ» долженъ былъ спустить флагъ и М. П. попалъ въ плѣнъ, изъ котораго возвратился снова въ эскадру Ханыкова **).

Въ 1829 г. Лазаревъ, командуя шлюпомъ «Мирный», участвовалъ въ экспедиціи къ южному полюсу адмирала Беллисгаузена. Результаты этой экспедиціи, замѣчательные по открытіямъ въ Ю. Океанѣ, извѣстны всему ученому міру. Еще болѣе знаменитымъ считается его кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ «Крейсеръ», въ 1822—1825 годахъ, въ званіи начальника экспедиціи. По отзывамъ моряковъ, порядки введенные на «Крей-

*) Въ числѣ Наваринскихъ героевъ находился сынъ графа, Логинъ Логиновичъ, командовавшій шхуною «Опытъ». Въ 1899 г. графъ отпраздновалъ 50-ти лѣтній юбилей въ генералъ-адъютантскомъ званіи.

**) Изъ некролога Лазарева.—«Морской Сборникъ» 1851 г. Іюль.



АДМИРАЛЪ М. П. ЛАЗАРЕВЪ.

(Снимокъ съ гравюры въ библіотекѣ Морского Министерства).

серѣ» и впослѣдствіи на «Азовѣ» послужили образцами для всего черноморскаго флота. Здѣсь подъ руководствомъ Михаила Петровича выработалась та школа, которая развила въ морякахъ страстную любовь къ морскому дѣлу и беззавѣтную преданность дѣлу, качества, которыми отличались Нахимовъ, Корниловъ и другіе герои черноморскаго флота.

Два года спустя Лазаревъ участвовалъ въ Наваринскомъ сраженіи какъ командиръ «Азова» и начальникъ штаба графа Гейдена. Первый лавръ побѣднаго Наваринскаго вѣнка принадлежитъ, по свидѣтельству самого графа, Михаилу Петровичу за отличную храбрость и находчивость, оказанныя имъ въ этой битвѣ.

Въ 1833 году Лазаревъ былъ назначенъ послѣ адмирала Грейга главнымъ командиромъ черноморскаго флота и оставался въ этой должности до самой смерти.

Въ 1843 году въ немъ обнаружились первые признаки той болѣзни, которая свела его въ могилу. Ставя выше всего долгъ службы М. П., не смотря на увѣщанія врачей, продолжалъ работать; и только монаршее участіе, выраженное въ чрезвычайно тепломъ письмѣ, заставило его обратить вниманіе на свое здоровье. Онъ уѣхалъ въ Вѣну лѣчиться, и полгода спустя, 11 апрѣля 1851 г., скончался. Прахъ его перевезенъ въ Россію и преданъ землѣ въ Севастопольскомъ соборѣ Св. Владиміра.

Помимо боевыхъ заслугъ Михаила Петровича, онъ стяжалъ себѣ неувядаемую славу какъ руководитель и учитель моряковъ. Трудно немногими словами высказать, чѣмъ онъ былъ для черноморскаго флота. Онъ былъ всѣмъ: энергичнымъ преобразователемъ флота на лучшихъ современныхъ основаніяхъ, мудрымъ его руководителемъ, защитникомъ его инте-

ресовъ, его душою, въ лучшемъ значеніи этого слова. Покидая міръ, Лазаревъ завѣщалъ флоту героевъ будущаго; онъ оставилъ морякамъ традицію; и пока память о Лазаревѣ дорога будетъ русскимъ морякамъ, герои въ нашемъ флотѣ не переведутся.

Въ водахъ Архипелага начали собираться союзныя эскадры. Первою пришла англійская эскадра подъ предводительствомъ адмирала Кодрингтона, ученика знаменитаго Нельсона и его сподвижника въ Трафальгарскомъ сраженіи.

10-го Сентября турецкій флотъ пытался прорваться сквозь линію англійскихъ кораблей, но въ это время показалась французская эскадра и турецкій адмиралъ долженъ былъ возвратиться въ Наваринъ. Союзныя эскадры противъ входа въ бухту стали на якорь.

Извѣстно было, что Ибрагимъ-паша—главнокомандующій морскими и сухопутными силами султана, имѣетъ въ Греціи 20,000 регулярнаго египетскаго войска и 5,000 турокъ. Онъ уже владѣлъ всѣми крѣпостями и при помощи флота надѣялся нанести рѣшительный ударъ грекамъ. Союзные адмиралы, еще до прихода русской эскадры, потребовали отъ Ибрагима-паши, чтобы онъ оставался въ Наваринской бухтѣ и не предпринималъ дѣйствій противъ грековъ до рѣшенія султана, къ которому посланъ былъ курьеръ. Не смотря на то, что паша, при личномъ свиданіи, обязался честнымъ словомъ исполнятъ это условіе, онъ все время не переставалъ его нарушать. Поэтому рѣшено было идти къ Наварину и держать его въ блокадѣ, оставаясь подъ парусами.

Русская эскадра, отплывъ 8 августа изъ Портсмута, задержана была противными вѣтрами; выдержала штормъ, и только 1 октября соединилась съ союзными

эскадрами. Въ девятомъ часу утра 2-го октября, суда легли въ дрейфъ у самаго входа въ бухту. Изъ-за острова Сфакторіи видѣнъ былъ лѣсъ мачтъ турецко-египетскаго флота. Въ трубу можно было разсмотрѣть адмиральскіе флаги на линейныхъ корабляхъ и батареи на берегу.

Составивъ совѣтъ для обсужденія мѣръ, вызываемыхъ упорствомъ турокъ и вѣроломными дѣйствіями Ибрагима-паши, союзные адмиралы: Кодрингтонъ, де-Риньи и Гейденъ порѣшили со всѣми кораблями войти въ гавань, стать на якорь подлѣ турецко-египетскаго флота и тѣмъ принудить Ибрагима сосредоточить свои силы у Наварина и отказаться отъ набѣговъ на Грецію. Главное же начальство въ случаѣ военныхъ дѣйствій предоставлено было Кодрингтону, какъ старшему въ чинѣ.

5-го Октября командирамъ судовъ объявлено было рѣшеніе союзныхъ адмираловъ, а 7-го, съ разсвѣтомъ, соединенный флотъ подошелъ къ самому входу въ Наваринскую бухту.

Наваринскій портъ съ сѣвера и юго-востока огражденъ берегомъ Мореи въ видѣ неправильнаго полукруга, а съ запада — берегомъ острова Сфакторіи. Городъ Наваринъ построенъ при входѣ въ гавань на высокомъ мысу. До 1825 г. онъ принадлежалъ грекамъ, а въ этомъ году перешелъ въ руки турокъ. Оттоманскій флотъ расположился между Навариномъ и Сфакторіею въ два и въ три ряда, въ формѣ подковы, большіе корабли впереди, малые—позади. По краямъ стояли брандеры, готовые выплыть во всякое мгновеніе. Подъ берегомъ пріютились транспорты. Крѣпость защищала входъ въ заливъ съ одной стороны, а батареи Сфакторіи съ другой.

По показанію плѣннаго турецкаго офицера, турецкій флотъ состоялъ изъ 66 военныхъ судовъ съ командами свыше 22,000 человѣкъ, 6-ти брандеровъ и 126 мелкихъ судовъ.

При юго-восточномъ пріятномъ вѣткѣ союзныя эскадры крейсировали передъ Наваринскою бухтою. Иногда открывались передъ ними бѣлые дома, террасы, пальмовыя рощи. Изъ-за скалъ Сфакторіи виднѣлись мачты турецко-египетскаго флота съ красными флагами и значками всѣхъ цвѣтовъ. Матросы, указывая на турецкій флотъ, говорили другъ другу: «Даромъ, что ихъ много; а лишь бы намъ волю дали, мы и одни ихъ отдѣлаемъ!» Морякамъ было уже извѣстно, что Кодрингтонъ ожидаетъ только благопріятнаго вѣтра, чтобы войти въ бухту. Всѣмъ было ясно, что за этимъ послѣдуетъ. Въ экипажѣ замѣчался сильный подъемъ духа и приливъ физическихъ силъ. Тамъ, гдѣ въ обыкновенное время ворочали пушку 8 человѣкъ, теперь справлялось четверо.

Когда суда были приведены въ боевую готовность, отслужили молебенъ. Священникъ ободрялъ матросовъ, уговаривая ихъ бороться безъ страха за вѣру православную. Вечеромъ всѣ были особенно оживлены и веселы. Въ каютъ-компаніяхъ пили, пѣли и даже танцовали. Но бывали минуты, когда оживленіе упадало, и человѣкъ невольно задумывался: Будетъ ли онъ живъ завтра; что станется съ его семьей! Говорили другъ съ другомъ о семейныхъ дѣлахъ, давали порученія на случай смерти, дѣлали завѣщанія. Эти минуты необыкновенно сблизили товарищей; что-то новое родилось между ними. Всѣ были между собой какъ родные, позабывъ отъ души, если и были у кого между собою маленькія непріятности.

Въ 10 ч. все на корабляхъ умолкло. Люди отдыхали. Кругомъ была совершенная тишина, только изрѣдка слышались свистки на ближайшихъ корабляхъ. На морѣ былъ штиль, а въ крѣпости и лежащемъ при ней лагерѣ мелькали огни, перекликались часовые и лаяли собаки.

На другой день, 8-го октября, въ половинѣ перваго, сигналомъ съ корабля «Азовъ» русской эскадрѣ приказано было приготовиться атаковать непріятеля. На

Корабль Азовъ.

(Снимокъ съ модели, находящейся въ Морскомъ Музеѣ).

судахъ ударили тревогу и въ одну секунду все было готово. Команда и офицеры стояли по мѣстамъ и ожидали только приказаній.

По диспозиціи турецкихъ судовъ было ясно, что линейные корабли союзнаго флота не могутъ встать между берегомъ и непріятельскою линіею за мелководьемъ. Оставалось одно средство: атаковать непріятеля, войдя во внутрь его линіи. Атака эта требовала со стороны главнаго начальника большой рѣшительности,

такъ какъ на какую бы часть непріятельскаго флота ни напалъ онъ, всѣ прочіе корабли этого флота тотчасъ могли поддержать часть атакованную и, такимъ образомъ, нападающіе корабли подверглись бы перекрестному огню всей непріятельской артиллеріи, какъ съ судовъ, такъ и съ укрѣпленій. Такимъ именно перекрестнымъ огнемъ Ибрагимъ мечталъ истребить союзный флотъ; но хладнокровіе и искусство предводителя въ соединеніи съ храбростью и рѣшительностью его союзниковъ обратили въ ничто дерзкія мечты надменнаго мусульманина.

Впродолженіе ночи и поутру этого достопамятнаго дня стояло маловѣтріе, отчего эскадры союзныхъ державъ находились въ положеніи нѣсколько разбросанномъ. Англійскіе корабли были ближе къ Наварину, подальше отъ залива находились корабли французскіе, а русская эскадра была самая отдаленная.

Съ 11-ти часовъ вѣтеръ сталъ свѣжѣть и союзныя эскадры начали строиться въ линію. Англійскія и французскія суда составили правую колонну, русскія—лѣвую. Правою колонною предводительствовалъ Кодрингтонъ, лѣвою—графъ Гейденъ. Кодрингтонъ, имѣя свой флагъ на кораблѣ «Азія», воспользовавшись благопріятнымъ вѣтромъ, занялъ первое мѣсто въ первой линіи и сталъ вводить въ свой кильватеръ [1]) другіе корабли. Онъ разсчитывалъ, что турки не приступятъ къ атакѣ пока весь флотъ не станетъ на якорь, и его разсчетъ оправдался.

«Азія», пройдя крѣпость и часть непріятельскихъ кораблей, встала противъ двухъ адмиральскихъ кораблей. Турки спокойно смотрѣли на ея шествіе, пред

[1]) „Въ кильватеръ“ значитъ идти по той чертѣ, которую передовой корабль чертитъ въ водѣ своимъ рулемъ.

вкушая будущіе свои тріумфы. Примѣру «Азіи» послѣдовали еще два англійскихъ корабля. Англичане дѣйствовали съ большимъ мужествомъ, но нельзя не замѣтить и того преимущества, которымъ пользовались они, входя въ гавань, когда она была свободна. Благодаря этому обстоятельству, они избѣгли тѣхъ трудностей, съ которыми послѣдующимъ кораблямъ пришлось бороться. Не тревожимые турками, они могли спокойно встать на шпрингъ и приготовиться къ сраженію.

Французскій корабль «Сципіонъ» наткнулся на брандеръ и запутался бушпритомъ въ его вантахъ. Въ это время командиръ фрегата «Дартмоутъ», имѣвшій порученіе слѣдить за брандерами, послалъ лейтенанта Фишъ-Роя парламентеромъ къ капитану брандера, чтобы убѣдить его отойти отъ союзныхъ судовъ. Турокъ принялъ это предложеніе за насиліе и Фишъ-Рой, встрѣченный ружейнымъ залпомъ, палъ первою жертвою начинавшагося боя. За первымъ залпомъ послѣдовали другіе и въ два часа бой загорѣлся.

Французскимъ кораблямъ не удалось встать на назначенныя имъ по диспозиціи мѣста, вслѣдствіе чего французская эскадра была сильно стѣснена въ своемъ движеніи. Русской эскадрѣ пришлось еще хуже. Она вступила въ сраженіе со всѣми невыгодами, которыхъ не имѣли ни англійская, ни французская эскадры. Едва передовой нашъ корабль «Азовъ» успѣлъ миновать крѣпость, какъ началось сраженіе. Тѣсное пространство, по которому должна была пройти наша эскадра, обстрѣливалось перекрестно и по всѣмъ направленіямъ болѣе чѣмъ 1500 орудіями. Вѣтеръ, дувшій во время сраженія съ юго-вост. относилъ весь дымъ отъ выстрѣловъ прямо на ту часть залива, гдѣ русской

эскадрѣ надлежало встать на якорь. Въ непроницаемомъ мракѣ, окруженный всѣми ужасами, графъ Гейденъ долженъ былъ вести свою эскадру въ самую глубину залива почти ощупью. Его хладнокровіе, распорядительность и неустрашимость въ соединеніи съ мужествомъ и исполнительностью его подчиненныхъ рѣшили побѣду. Корабли наши, осыпаемые ядрами, картечью, всѣмъ, что только попадалось туркамъ подъ руку (на русскихъ корабляхъ находили, кромѣ обыкновенныхъ снарядовъ, ножи, вилки и иныя вещи), въ стройномъ порядкѣ, одинъ за другимъ, пробирались между горѣвшими брандерами и англійскими бригами на назначенныя имъ мѣста. Не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, они встали противъ непріятельскихъ кораблей, положили якоря и убрали паруса, удержавъ между собою самое близкое разстояніе. Маневръ этотъ, по свидѣтельству самого Кодрингтона, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не могъ быть лучше выполненъ. Моряки называютъ его «nec plus ultra» своего дѣла.

Первый пушечный выстрѣлъ воодушевилъ всю команду и на всѣхъ корабляхъ нашихъ раздалось дружное ура. Даже новобранцы, бывшіе первый разъ въ огнѣ, на ободрительныя слова адмирала весело отвѣчали: «Рады умереть, ваше сіятельство!». Когда же «Азовъ» всталъ на якорь и адмиралъ самъ скомандовалъ: «пали!» то казалось не люди, а разъяренные звѣри бросились къ пушкамъ. Они заряжали ихъ съ такимъ проворствомъ, что офицерамъ оставалось только показывать имъ цѣль и ни одного выстрѣла не пролетѣло мимо. Въ жару битвы, палубы кораблей представляли странное зрѣлище. Безъ мундировъ, съ завязанными и заткнутыми ушами, чтобы не оглох-

нуть, тѣ люди, которые за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ казались кроткими и добрыми, теперь имѣли изступленный видъ. Съ разинутымъ ртомъ и дикимъ взоромъ, они, словно не замѣчая опасности, бросались впередъ, безпрекословно исполняя приказанія. Только тяжело раненые и умирающіе лежали тихо; кто имѣлъ силы ползъ на перевязку, не издавая ни одного стона. Вскорѣ крики «ура» замѣнились молчаніемъ; каждый работалъ за четверыхъ, не чувствуя утомленія. Жаръ и жажда томили сражающихся. Матросы окачивались морскою водою; прикладывались къ ядрамъ, держали пули во рту и тѣмъ освѣжали горящія губы и запекшійся языкъ...

Сраженіе, происходившее на такомъ тѣсномъ пространствѣ, не могло быть иначе какъ кровопролитнымъ, губительнымъ и рѣшительнымъ. Два флота, почти сцѣпившись реи съ реями, походили на двухъ единоборцевъ, которые рѣшились побѣдить, или умереть. Ни друзья, ни недруги не могли уже уклониться въ сторону. Малѣйшая оплошность вела за собою смерть.

Сраженіе сдѣлалось общимъ. Пока подходили задніе корабли, ставшимъ на мѣсто приходилось уже бороться съ нѣсколькими противниками разомъ. Не смотря на это, корабли ни на секунду не уменьшали огня, соперничая другъ съ другомъ въ храбрости. Между собой союзники дѣйствовали вполнѣ единодушно.

Къ нашему кораблю «Азовъ», дравшемуся съ пятью большими турецкими кораблями, подошелъ французскій корабль «Бреславль» и значительно облегчилъ его положеніе. Въ свою очередь «Азовъ» увидавъ, что англійскій адмиральскій корабль сильно терпитъ отъ своего противника, началъ громить послѣдняго и сбилъ у него корму. У турокъ случился пожаръ, но

страшный огонь съ «Азова» помѣшалъ его потушить и турецкій корабль взлетѣлъ на воздухъ.

На «Азовѣ» капитану Бутеневу раздробило ядромъ руку. Не смотря на страшную боль, онъ оставался на своемъ мѣстѣ у батареи и только послѣ настойчиваго приказанія отошелъ отъ своихъ пушекъ. У него отняли руку. Но въ ту же минуту, услыхавъ, что турецкій корабль, сражавшійся съ «Азовомъ» истребленъ, раненый Бутеневъ, вырвавшись изъ рукъ докторовъ, побѣжалъ къ своимъ.

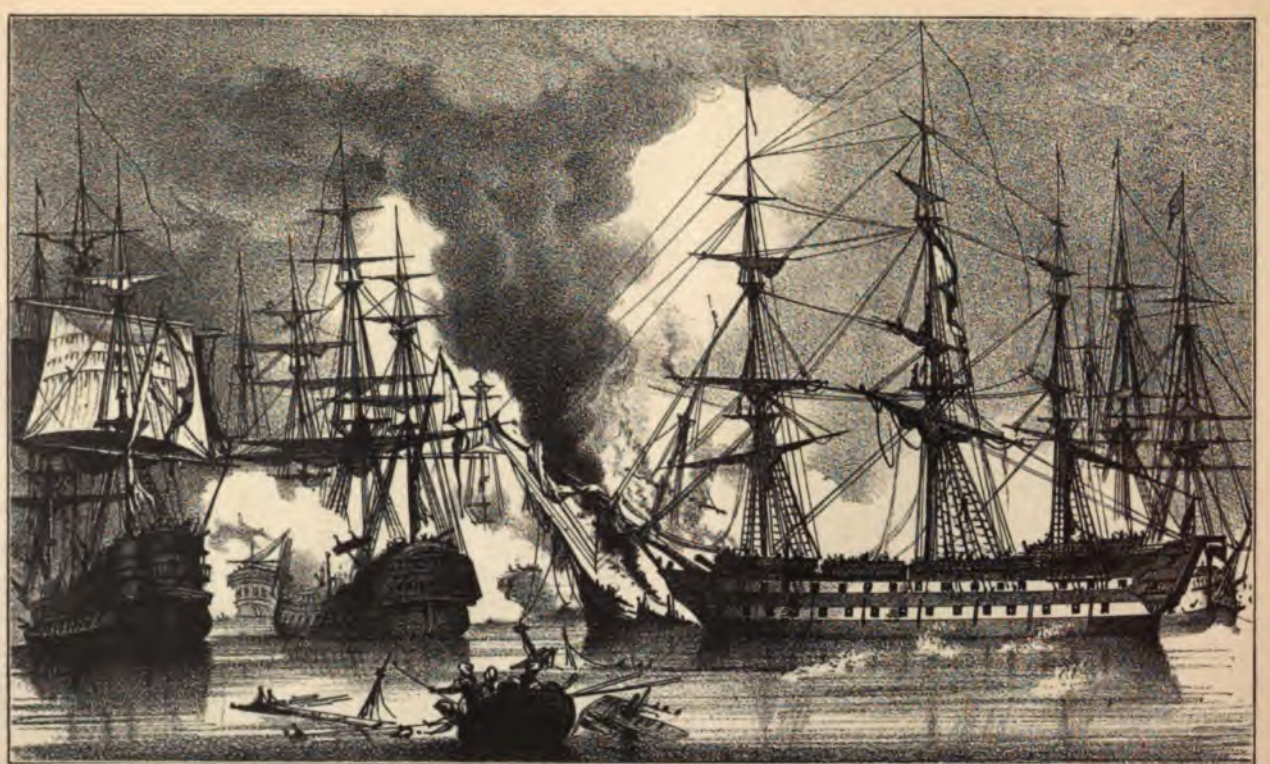
Того же корабля Барановъ, когда картечью раздробило и вырвало у него изъ рукъ рупоръ, взялъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, другой и преспокойно продолжалъ командовать, не смотря на жестокую боль, причиненную контузіей.

Во все время сраженія, на ютѣ [1]) корабля «Азовъ», на мѣстѣ совершенно открытомъ, спокойно прохаживались въ разныхъ направленіяхъ графъ Гейденъ и капитанъ Лазаревъ съ зрительными трубками въ рукахъ. Первый распоряжался дѣйствіями эскадры, второй—своего корабля. Графъ былъ контуженъ въ голову и скрылъ это, хотя впослѣдствіи во всю свою жизнь страдалъ глухотою и головными болями.

Управляя движеніями «Азова» съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и искусствомъ, капитанъ Лазаревъ потопилъ два огромныхъ фрегата и корветъ; сбилъ 80-ти пушечный корабль, который былъ брошенъ на мель и впослѣдствіи взорванъ, и истребилъ двухдечный фрегатъ турецкаго адмирала Тагира-паши.

Капитаны Авиновъ, Хрущовъ, Богдановичъ и Свинкинъ равно отличились. Послѣдній былъ тяжело раненъ картечью и, не смотря на это, продолжалъ

[1]) Часть судна на кормѣ.



Наваринская битва.

(Изъ изданія „Годъ Наваринской кампаніи"—Рыкачева).

до конца сраженія командовать, стоя на колѣняхъ и держась за веревку.

Одинъ изъ турецкихъ фрегатовъ, сражавшійся противъ корабля «Александръ Невскій» сдался и спустилъ флагъ.

Около 4-хъ часовъ съ корабля «Гангутъ» увидали шедшій прямо на него горящій брандеръ. Быстрыми дѣйствіями шпринга, корабль уклонился отъ страшнаго врага и мѣткими выстрѣлами пустилъ его ко дну. Едва погрузился онъ въ воду, какъ надъ нимъ, словно знаменіе побѣды христіанъ надъ нечестивыми, всплылъ образъ Богородицы Одигитріи. За нимъ, въ самый разгаръ боя, пустился вплавь одинъ изъ матросовъ «Гангута» и доставилъ его на корабль. Вслѣдъ за этимъ, сражавшійся съ «Гангутомъ» фрегатъ сталъ тонуть; за нимъ вскорѣ другой, 64-пушечный, взлетѣлъ на воздухъ. Громогласное «ура» по всей линіи было знакомъ того, что побѣда начала клониться въ сторону союзниковъ. Сотрясеніе воздуха отъ взрыва кораблей было такъ сильно, что море колебалось словно отъ землетрясенія; корабли вздрагивали. Уничтоживъ ближайшаго противника, союзные корабли начали громить суда, стоявшія во второй линіи. Суда эти, обрубивъ канаты, буксировались къ берегу, но не достигнувъ его тонули, а люди спасались вплавь. Около того же времени взлетѣлъ на воздухъ 80-ти пушечный корабль, дравшійся съ англійскимъ кораблемъ «Азія». Тогда сраженіе можно было считать совершенно выигранным. Кругомъ все горѣло. Безпрестанные взрывы турецкихъ судовъ освѣщали торжествующій союзный флотъ. Зрѣлище было великолѣпное и въ тоже время поразительно грозное.

Въ шестомъ часу дня сраженіе кончилось, пальба умолкла; турецкій флотъ болѣе не существовалъ [1]).

Въ 6 часовъ пробили отбой и каждый уцѣлѣвшій могъ возблагодарить Господа и навѣстить пострадавшихъ товарищей. На кубрикѣ [2]) перевязывали раненыхъ, священникъ читалъ отходную по умершимъ. Обрадованные вѣстью о побѣдѣ, раненые, позабывъ о своихъ страданіяхъ, кричали «ура!» и крестились. Офицеры, собравшись на шканцахъ, обнимались какъ братья. Описать эти чувства невозможно; поймутъ только тѣ, кто испыталъ ихъ.

Адъютантъ гр. Гейдена объѣзжалъ суда и отъ имени адмирала поздравлялъ офицеровъ и команды съ побѣдой и благодарилъ за славное дѣйствіе орудіями.

Когда на судахъ немного поубрались, отслуженъ былъ молебенъ. Весь экипажъ съ глубокимъ чувствомъ пропѣлъ «Тебѣ Бога хвалимъ», и съ колѣнопреклоненіемъ благодарилъ за великія милости Божіи. Послѣ молебна, людямъ позволено было отдохнуть и подкрѣпить себя пищею. Офицеровъ и команду раздѣлили на двѣ смѣны. Вторая смѣна легла у пушекъ, первая отправилась наверхъ, гдѣ имѣла возможность любоваться величественнымъ и необыкновеннымъ зрѣлищемъ. На всѣхъ судахъ соединеннаго флота освѣтили батареи; безпрестанные объѣзды бороздили бухту, вызывая самые разнообразные оклики часовыхъ. «Кто гребетъ?»—кричали у насъ; «qui vive!»—у французовъ

---

[1]) Достопамятный день Наваринской битвы за 2306 лѣтъ передъ этимъ былъ также ознаменованъ освобожденіемъ грековъ. Въ этотъ день Ѳемистоклъ при Саламинѣ съ 380 кораблями разбилъ и почти совершенно истребилъ флотъ Ксеркса изъ 2000 судовъ.

[2]) Особое отдѣленіе съ каютами въ подводной части, гдѣ обыкновенно перевязываютъ раненыхъ.

«ship a hoy!»—у англичанъ. Все это сливалось съ ружейными выстрѣлами, а по временамъ заглушалось залпами пылающихъ турецкихъ судовъ или громовымъ раскатомъ внезапнаго ихъ взрыва. Эти звуки, отражались эхомъ въ горахъ, освѣщенныхъ яркимъ пламенемъ догоравшихъ непріятельскихъ кораблей, разбросанныхъ по отмелямъ у береговъ и отражавшихся въ тихихъ водахъ залива. На волнахъ плавали обломки судовъ, трупы убитыхъ и живые люди, искавшіе спасенія на обломкахъ кораблей.

Отъ 7—12 часовъ ночи послѣдовало семь взрывовъ. Турки сами зажигали свои суда. Въ этихъ случаяхъ можно было видѣть, какъ огонь постепенно охватывалъ судно, раскаленныя отъ чрезмѣрнаго жара пушки стрѣляли сами собою, и вскорѣ затѣмъ слѣдовалъ взрывъ. Все, что было выше крюйтъ-камеры взлетало на воздухъ, остальное оставалось догорать въ водѣ.

Вскорѣ послѣ полуночи на «Гангутѣ» ударили тревогу. Прямо на него шелъ непріятельскій двухдечный корабль. На опросы не получилось отвѣта. Предполагая, что это брандеръ, «Азовъ» встрѣтилъ врага ружейными выстрѣлами и обрубивъ канаты, отошелъ всторону. «Гангутъ» сдѣлалъ тоже, но не успѣлъ отойти и непріятельскій фрегатъ бухшпритомъ [1]) сильно ударилъ гротъ-мачту и увязъ въ снастяхъ. Желая избѣжать абордажъ, командиръ приказалъ предупредить непріятеля. Бравые матросы въ одну минуту по бухшприту и такелажу перебѣжали на непріятельскій корабль и, увидавъ трехъ голыхъ турокъ, которые раздували костры, изрубили ихъ. Когда огонь былъ залитъ, у брандера обрубили канаты, отвели его къ берегу и потопили.

[1]) Дерево, лежащее на носу.

Послѣ этого случая, усилена была ночная вахта. Втеченіе всей ночи сильные отряды объѣзжали берега и слѣдили за непріятельскими судами. Турецкія суда стояли въ безпорядкѣ близъ берега. Они были совершенно пусты. Турки на шлюпкахъ подъѣзжали, грабили ихъ, потомъ зажигали. Встрѣтивъ русскіе объѣзды, они быстро удалялись.

Взошло солнце и освѣтило картину разрушенія. Какая разница съ тѣмъ, что было наканунѣ! Щеголеватыя суда, вылощенныя и выровненныя по всѣмъ статьямъ, красовались въ заливѣ, словно блестящіе гвардейцы, собравшіеся на смотръ. Теперь же все это было разбито и окровавлено. На немногихъ уцѣлѣвшихъ судахъ висѣли на мачтахъ перепутанныя снасти, дырявые паруса; свалившійся рангоутъ [1]) завалилъ палубу. И все это было залито кровью.

Въ этомъ замѣчательномъ сраженіи взорвано было судами соединенныхъ эскадръ 13 турецкихъ кораблей и 18 судовъ разной величины; и ни одинъ изъ союзныхъ кораблей, бывшихъ въ страшной опасности, не погибъ. Вообще потеря непріятеля была громадна. Убитыхъ подсчитываютъ отъ 8 до 10,000 человѣкъ.

Побѣдители понесли также значительныя потери. Союзные корабли и въ особенности флагманскіе были такъ повреждены, что безъ значительной починки не могли выйти въ море. Турки стрѣляли больше по мачтамъ (опытъ, которымъ воспользовались наваринскіе герои въ Синопскомъ сраженіи); союзники били ихъ по корпусамъ.

Съ наступленіемъ утра все ожило на союзныхъ судахъ и началось исправленіе поврежденнаго ранго-

---

[1]) Деревянныя части оснастки судна.

ута. Команда корабля «Александръ Невскій» рубила мачты на сдавшемся ему турецкомъ фрегатѣ и заклепывала пушки. Экипажъ этого фрегата былъ еще наканунѣ размѣщенъ по нашимъ кораблямъ. Плѣнные турки совершенно спокойно курили въ каютъ-компаніи, какъ будто бы ничего не случилось. Тѣ, которые знали языки, разговаривали съ нашими офицерами. Одинъ изъ нихъ, почтеннаго вида старикъ, разсказывалъ интересныя подробности, предшествовавшія сраженію. По его словамъ, турецкій адмиралъ совѣтовалъ Ибрагиму покориться обстоятельствамъ, но тотъ и слушать ничего не хотѣлъ, утверждая, что позиція, занятая турецко-египетскимъ флотомъ неприступна, что союзные адмиралы никогда не посмѣютъ войти въ бухту, что они еще раньше перессорятся между собою. Когда же союзные флоты показались у входа въ бухту, Ибрагимъ сказалъ окружающимъ:—«Вотъ наши призы»!—Онъ приказалъ всѣмъ капитанамъ допустить союзный флотъ встать на якорь, разсчитывая въ туже ночь свалиться на абордажъ и истребить его.

Когда же, послѣ пораженія, турецкій адмиралъ сталъ упрекать Ибрагима въ непредусмотрительности, онъ отвѣчалъ:—«Кто же зналъ, что у нихъ корабли желѣзные и люди настоящіе черти».

Возмутительное самомнѣніе турецкаго главнокомандующаго было причиною ослѣпленія, благодаря которому, мечты заслонили дѣйствительность. Увѣренный въ побѣдѣ, Ибрагимъ, вмѣсто того, чтобы встрѣтить сильнымъ огнемъ союзные корабли у самаго входа въ гавань, допустилъ ихъ стать на якорь и почти сцѣпиться съ его кораблями и тѣмъ упустилъ выгодный для себя случай. Такимъ образомъ, турецкій главнокомандующій, имѣя 66 кораблей противъ 27 и 2224

орудія при 22,000 человѣкъ противъ 1428 орудія и 13,000 человѣкъ, проигралъ сраженіе.

Что же касается образа дѣйствій турецкихъ воиновъ, то побѣдители отдаютъ должную справедливость ихъ храбрости. Турки защищались до послѣдней возможности и предпочитали смерть плѣну. Очевидцы разсказывали, что на горѣвшихъ корабляхъ турки съ отчаянія закалывали себя кинжалами; другіе же, не умѣя плавать, взявъ въ руки ядро стремглавъ бросались въ воду и топили себя. На одномъ утопавшемъ суднѣ, часть экипажа, сидя на борту, спокойно ожидала послѣдней минуты. Когда же фрегатъ клюнулъ носомъ и быстро сталъ погружаться, храбрецы взмахнули флагомъ, и съ крикомъ: Аллахъ! Аллахъ! исчезли въ безднѣ.

На другой день послѣ сраженія послано было къ египетскимъ и турецкимъ начальникамъ отъ союзныхъ адмираловъ объявленіе, предупреждающее ихъ о послѣдствіяхъ, какія навлечетъ всякое новое съ ихъ стороны непріязненное дѣйствіе. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ, Тагиръ-паша, который уже поутру пріѣзжалъ для переговоровъ на корабль Кодрингтона, поспѣшилъ опять явиться къ нему съ формальнымъ обѣщаніемъ, что ни онъ, ни товарищи его не будутъ болѣе предпринимать никакихъ непріязненныхъ покушеній.

Соединенныя эскадры оставались въ Наваринской гавани до 14-го октября и не бывъ никѣмъ потревожены, занимались поправленіемъ поврежденій. Всѣ плѣнные, бывшіе во время дѣла, были отпущены.

27-го октября русская эскадра пришла въ Мальту и была восторженно встрѣчена войскомъ и населеніемъ. Стѣны крѣпости и терассы домовъ были усѣ-

яны народомъ, который громкими восклицаніями привѣтствовалъ побѣдителей. Весь гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ вдоль набережной, а по пристанямъ гремѣла военная музыка, сливавшаяся съ колокольнымъ звономъ и привѣтственными криками.

Когда послѣдній русскій корабль бросилъ якорь, войско начало салютовать въ честь побѣды. Весь гарнизонъ произвелъ три раза бѣглый огонь изъ ружей; всѣ батареи и форты, по сигналу съ главной крѣпости, сдѣлали по 21-му выстрѣлу. Шлюпки съ публикой разъѣзжали посреди кораблей, останавливались у открытыхъ бортовъ каютъ-компаній, дамы бросали цвѣты и конфеты, приглашали моряковъ посѣтить ихъ, прибавляя, что всѣ двери для нихъ будутъ открыты. Словомъ, начался рядъ тріумфовъ; побѣдителей носили на рукахъ.

Императоръ Николай, не ожидая подробнаго донесенія о ходѣ Наваринской битвы, отправилъ на эскадру Высочайшія награды. Графъ Гейденъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Командиры и офицеры награждены орденами. Многіе изъ командъ получили Георгіевскіе кресты и денежныя награды. Кораблю «Азовъ» пожалованъ былъ георгіевскій флагъ [1]).

Наваринскій погромъ былъ первымъ шагомъ къ освобожденію Греціи, освобожденію, которымъ она всецѣло обязана Россіи. Союзныя державы изъ корыстныхъ видовъ уклонились отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ Греціи; одна Россія осталась вѣрна своему девизу — защитницы восточныхъ христіанъ. Николай Павловичъ не хотѣлъ, чтобы кровь Наваринскихъ ге-

[1]) Позже, когда корабль пришелъ въ ветхость, этотъ флагъ перенесенъ былъ на вновь выстроенный, названный въ честь его предшественника: «Память Азова».

роевъ пролита была даромъ и не дождавшись отъ Турціи исполненія его законныхъ требованій, въ апрѣлѣ 1828 г. объявилъ ей войну. Когда побѣдоносныя русскія войска, подъ предводительствомъ Дибича взяли Адріанополь, турки смирились и согласились на всѣ условія предъявленныя побѣдителемъ. Война окончилась заключеніемъ въ Адріанополѣ 2-го сентября 1829 г. мирнаго трактата, по которому, въ числѣ прочихъ условій, выговорено было: освобожденіе Греціи, автономія княжества въ Молдавіи и Валахіи, возвращеніе Сербіи шести отнятыхъ у нея округовъ, свобода торговли по всей Оттоманской Имперіи и свободный проходъ въ проливахъ для купеческихъ судовъ, какъ русскихъ, такъ и другихъ державъ, состоящихъ въ мирѣ съ Портою.

Бой брига «Меркурій».

Во время войны съ Турціею въ 1829 г., одновременно на Европейской и Азіатской территоріи, Черноморскій флотъ чрезвычайно много содѣйствовалъ успѣху кампаніи. При взятіи Анапы, Варны, подъ Браиловымъ, русскіе моряки совершили много геройскихъ подвиговъ. Капитанъ-лейтенантъ Козарскій прославилъ себя во время боя ввѣреннаго ему 18-ти пушечнаго брига «Меркурій» съ двумя турецкими линейными кораблями. По сознанію опытныхъ моряковъ, другого подобнаго примѣра нѣтъ въ лѣтописяхъ морскихъ державъ, и въ силу этого, подвигъ Козарскаго заслуживаетъ особаго вниманія.

Бригъ «Меркурій» подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Козарскаго, крейсируя около Константинопольскаго пролива, неожиданно, 14-го мая увидалъ

Капитанъ-Лейтенантъ А. И. КОЗАРСКІЙ.

(Снимокъ съ гравюры въ библіотекѣ Морского Министерства).

турецкій флотъ въ 18 судовъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько линейныхъ кораблей. «Меркурій» поспѣшилъ удалиться, но стихающій вѣтеръ задержалъ его ходъ. Два лучшихъ корабля турецкихъ, 110-ти пушечный подъ флагомъ капитанъ-паши и 74-хъ пушечный принялись охотиться за нимъ. Во второмъ часу дня «Меркурій» находился отъ нихъ на разстояніи полуторапушечнаго выстрѣла. Чтобы увеличить разстояніе, Козарскій прибѣгнулъ къ весламъ, но и это средство вскорѣ оказалось безнадежнымъ. Вѣтеръ освѣжѣлъ, корабли стали приближаться къ бригу и открыли по немъ огонь изъ погонныхъ пушекъ. Убѣдившись въ невозможности уйти отъ непріятеля, Козарскій собралъ военный совѣтъ изъ находившихся подъ его командою офицеровъ.

Военный совѣтъ на судахъ собирается только въ крайнихъ случаяхъ, когда командиръ не рѣшается взять на себя отвѣтственности. А отвѣтственность эта громадная. Богу, Царю и Отечеству отвѣчаетъ онъ за цѣлость ввѣреннаго ему судна, за честь флага и за жизнь своихъ подчиненныхъ. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Козарскаго, когда онъ собралъ офицеровъ на совѣщаніе. Въ такихъ случаяхъ первый голосъ принадлежитъ, обыкновенно, самому младшему, затѣмъ въ послѣдующемъ порядкѣ вверхъ, и рѣшающій—командиру. Самый младшій былъ поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Прокофьевъ. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, подалъ мнѣніе, достойное русскаго моряка.—«Надо биться до послѣдней крайности», сказалъ онъ,—«и когда не останется никакой надежды, взорвать бригъ».—Всѣ офицеры, какъ одинъ человѣкъ, согласились съ этимъ мнѣніемъ. Биться до послѣдней капли крови и въ критическую

минуту сцѣпиться съ однимъ непріятельскимъ кораб
лемъ, или съ обоими и вмѣстѣ взлетѣть на воздухъ
Тотъ изъ офицеровъ, кто останется въ живыхъ, обя
занъ зажечь крюйтъ камеру, для чего былъ положен
на шпиль [1]) заряженный пистолетъ.

Когда командиръ объявилъ это рѣшеніе матросамъ
они съ восторгомъ крикнули: ура!

Ободренный сочувствіемъ всего экипажа, капитан
приказалъ открыть огонь съ кормовыхъ пушекъ.

Вскорѣ 110-ти пушечный корабль подошелъ к
правой сторонѣ брига и хотѣлъ дать залпъ, но бриг
ловко увернулся. Съ полчаса бригъ ловировалъ довольно
удачно, пока не очутился между двумя непріятельскими
кораблями, такъ сказать—между двухъ огней. «Сдайс
и убирай паруса!»—закричали съ корабля капитанъ
паши. Съ брига отвѣчали огнемъ всей артиллеріи
ружейными выстрѣлами и криками ура! Турецкіе ко
рабли открыли убійственный огонь и чуть не зажгли
брига, но пожаръ былъ скоро потушенъ. Большая
часть снастей была повреждена и перебита на бригѣ
продольные выстрѣлы непріятеля наносили ему жесто
чайшій вредъ, но неустрашимые моряки продолжали
отстрѣливаться и маневрировать съ чрезвычайнымъ
хладнокровіемъ. Искусною стрѣльбою съ брига успѣли
повредить снасти на 110-ти пушечномъ турецкомъ ко
раблѣ. Турки, наученные опытомъ, скоро поняли, что
русскій бригъ ни за что не сдастся, и скорѣй взлетитъ
на воздухъ, увлекая за собой и непріятеля. Первымъ
легъ въ дрейфъ корабль капитанъ-паши, а затѣмъ и
другой корабль; а бригъ «Меркурій» выдержавъ
впродолженіе трехъ часовъ неравный бой съ силами

[1]) Стоячій воротъ для подъема якоря изъ воды.

превышающими его въ тридцать разъ, въ виду всего турецкаго флота, счастливо избѣгнулъ неминуемой гибели, и едва держась на водѣ отъ сильнаго поврежденія, успѣлъ соединиться на другой день съ своею эскадрою.

Въ воздаяніе блистательнаго подвига брига «Мер-

Бой брига „Меркурій" подъ начальствомъ А. И. Козарскаго съ двумя турецкими кораблями.

(Снимокъ съ картины въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ).

курій» Государь Императоръ щедро наградилъ капитана и его сподвижниковъ. Всѣ участники славнаго дѣла получили повышеніе, Георгіевскіе и Владимірскіе кресты и въ пожизненный пенсіонъ двойное жалованье. Козарскій пожалованъ былъ во флигель-адъютанты, а бригу дарованъ Георгіевскій флагъ. Чтобы увѣковѣчить въ потомствѣ офицеровъ ихъ подвигъ,

повелѣно было включить въ ихъ гербъ пистолетъ, какъ оружіе, избранное ими для спасенія чести русскаго флота.

Приказъ оканчивался слѣдующими словами: «Мы «желаемъ, чтобы память безпримѣрнаго дѣла сего со- «хранилась до позднѣйшихъ временъ. Вслѣдствіе чего «повелѣваемъ вамъ распорядиться, когда бригъ сей «будетъ приходить въ неспособность продолжать слу- «женіе въ морѣ, построить по одному съ нимъ чертежу «и въ совершенномъ съ нимъ сходствѣ во всемъ дру- «гое такое-же судно, наименовавъ его тѣмъ-же именемъ. «Когда-же и сіе судно станетъ приходить въ ветхость, «замѣнить его другимъ, новымъ, такимъ-же. Мы жела- «емъ, чтобы память знаменитыхъ заслугъ команды «брига «Меркурій» и его имя во флотѣ никогда не «исчезали и переходя изъ рода въ родъ, на вѣчныя «времена служили примѣромъ потомству».

Подвигъ русскихъ моряковъ на бригѣ «Меркурій» былъ оцѣненъ не только соотечественниками. Ему удивлялись и враги наши. Вотъ какимъ образомъ описываетъ этотъ подвигъ одинъ изъ турецкихъ штурмановъ.

«Во вторникъ, 26 мая (нов. стиль) 1829, съ разсвѣтомъ, приближаясь къ Босфору, мы примѣтили три русскихъ судна, и два брига. Мы погнались за ними, но догнать могли только одинъ бригъ. Корабль капитанъ-паши и нашъ открыли тогда сильный огонь... Неслыханное дѣло! Мы не могли заставить его сдаться. Онъ дрался, отступая и маневрируя по всѣмъ правиламъ морской науки такъ искусно, что стыдно сказать: мы прекратили сраженіе, а онъ со славою продолжалъ свой путь. Во время сраженія мы поняли, что капитанъ этого брига никогда не сдастся и скорѣй взорветъ

себя на воздухъ. Если чье либо имя достойно быть начертаннымъ золотыми литерами на храмѣ славы, то это имя капитана этого брига. Онъ называется капитанъ-лейтенантъ Козарскій, а бригъ—«Меркурій». Съ 20-ю пушками, не болѣе, онъ дрался противъ 220, въ виду непріятельскаго флота, бывшаго у него на вѣтрѣ».

Александръ Ивановичъ Козарскій поступилъ на службу въ Черноморскій флотъ волонтеромъ въ 1811 г. Онъ участвовалъ въ войнѣ противъ Турціи въ 1828 г. и при взятіи крѣпостей Анапы и Варны получилъ знаки отличія. Въ 1829 г. онъ получилъ въ командованіе бригъ «Меркурій», на которомъ и обезсмертилъ свое имя.

Не долга была жизнь славнаго воина. Смерть постигла его въ 1833 году, 36-ти лѣтъ отъ роду. Онъ скончался въ Николаевѣ, гдѣ и погребенъ, а въ Севастополѣ поставленъ ему сослуживцами памятникъ.

Синопскій бой и оборона Севастополя.

Адмиралы Нахимовъ и Корниловъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ, сынъ секундъ-майора Екатерининскихъ временъ, родился въ 1802 году въ Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда въ сельцѣ Городкѣ. Четырнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Морской корпусъ и въ 1813 произведенъ въ мичмана.

Въ продолженіе 38-лѣтней службы, Нахимовъ сдѣлалъ тридцать двѣ морскихъ кампаніи, побывалъ почти во всѣхъ моряхъ земного шара, несъ всѣ роды службы отъ практическаго крейсерства до громадныхъ битвъ, рѣшавшихъ судьбы народовъ.

Почти съ самаго начала службы онъ поступилъ подъ команду знаменитаго Михаила Петровича Лазарева, участвовалъ съ нимъ въ Наваринской битвѣ, прошелъ его славную школу, и былъ однимъ изъ блестящихъ ея представителей.

«Эти оба представителя нашего сословія,—писалъ Шестаковъ,—были моряки-поэты. Энергическая природа сдѣлала изъ нихъ энтузіастовъ, презиравшихъ собственныя выгоды, считавшихъ малодушіемъ заботу о своихъ собственныхъ нуждахъ, поричавшихъ незнаніе дѣла наравнѣ съ другими пороками, смотрѣвшихъ на не-

брежное отношеніе къ дѣлу какъ на нарушеніе присяги, какъ на поступокъ безчестный въ высшей степени...

Какъ Нахимовъ такъ и Лазаревъ не чуждались никакой работы. Уже въ чинѣ адмирала, Михаилъ Петровичъ, замѣтивъ однажды, что на вооруженномъ фрегатѣ команда неправильно перевязала ванты, сбросилъ мундиръ, засучилъ рукава рубашки и перевязалъ ванты *) какъ слѣдуетъ.

Въ 1834 году, когда Лазаревъ принялъ управленіе надъ черноморскимъ флотомъ, онъ тотчасъ-же перевелъ къ себѣ Нахимова, служившаго до тѣхъ поръ во флотѣ Балтійскомъ. «Въ Кронштадтѣ я плакалъ отъ бездѣлья,—писалъ Нахимовъ родственникамъ.—Теперь мнѣ настоящій праздникъ». Въ Черноморскомъ флотѣ можно было заплакать отъ избытка дѣла. Но не таковъ былъ Павелъ Степановичъ. Дѣятельный, преданный своему дѣлу до самозабвенія, онъ скоро заслужилъ репутацію образцоваго моряка и отца матросовъ. Онъ называлъ ихъ своими дѣтками, и не только любилъ какъ дѣтей, но и уважалъ какъ людей, вполнѣ оцѣнивъ ихъ достоинства. Однажды на «Силистрію», которою командовалъ Нахимовъ, пріѣхалъ адмиралъ. Поздоровавшись съ офицерами, адмиралъ пошелъ по фронту, одобряя образцовый порядокъ на суднѣ, какъ вдругъ вниманіе его было привлечено однимъ матросомъ, у котораго бакены были обриты не по формѣ.

— Павелъ Степановичъ!—обратился адмиралъ къ командиру. Это что такое? У этого матроса бакены не выбриты подъ подбородкомъ. Этого нельзя допускать. Вамъ извѣстно, какъ Государь Императоръ строго относится къ формѣ.

*) Веревки отъ мачтъ къ бортамъ корабля.

Адмиралъ П. С. НАХИМОВЪ.

(Павелъ Степановичъ на бастіонѣ во время обороны Севастополя; снимокъ съ гравюры въ библіотекѣ Морского Министерства).

Когда адмиралъ уѣхалъ, Павелъ Степановичъ подошелъ къ виноватому.

— Ты слышалъ, что сказалъ адмиралъ?

— Слышалъ Ваше Высок—діе.

— Теперь скажи мнѣ, почему-же ты не выбритъ какъ слѣдуетъ?

— Виноватъ, Ваше Высок—діе. Я и самъ хотѣлъ выбриться, да женѣ такъ нравится. Она и отговорила.

— Ну, нравится женѣ, или нѣтъ, а ты изволь сейчасъ-же выбриться.

Въ тѣ времена, когда кулачная расправа командировъ съ матросами была явленіемъ обыкновеннымъ. Павелъ Степановичъ никогда не прибѣгалъ къ этой мѣрѣ. Въ настоящемъ случаѣ виноватый не потерпѣлъ никакого наказанія. Павелъ Степановичъ зналъ, что этотъ матросъ одинъ изъ лучшихъ и отнесся къ нему снисходительно. Приказавъ, чтобъ его пальцемъ не тронули, онъ сдѣлалъ строгое внушеніе командѣ, а ротный командиръ получилъ выговоръ за недосмотръ.

Заклятый врагъ безполезной формалистики, Павелъ Степановичъ доводилъ пріемы обученія матросовъ до возможной простоты. Будучи уже адмираломъ, онъ часто самъ вмѣшивался въ объясненія, и былъ неподражаемъ въ этомъ отношеніи.

— Не учите ихъ какъ попугаевъ, говорилъ онъ офицерамъ. Пожалуйста, не мучьте и не пугайте ихъ. Не слова, а мысль имъ преподавайте.

— Муха, обратился онъ къ одному матросу, глуповатому на видъ. Чѣмъ отличается бомба отъ ядра?

Матросъ дико посмотрѣлъ на адмирала, потомъ заворочалъ глазами во всѣ стороны.

— Ты видалъ бомбу?

— Видалъ.

— Ну зачѣмъ говорятъ, она бомба, а не ядро?

Матросъ молчитъ.

— Ты знаешь, что такое булка?

— Знаю.

— И пирогъ знаешь, что такое?

— Знаю.

— Ну вотъ тебѣ: булка—ядро, а пирогъ—бомба, только въ немъ не сыръ, а порохъ кладутъ. Теперь знаешь что такое бомба?

— Ядро, начиненное порохомъ.

— Дѣльно; довольно съ тебя на первый разъ.

Не всѣ понимали величайшее значеніе подобнаго вмѣшательства адмирала въ военную педагогію, и рѣдко кто постигалъ всю утонченность ума, избирающаго кратчайшій путь къ цѣли. Нѣкоторые слушали подобныя объясненія съ двусмысленной улыбкой, приписывая ограниченности тѣ пріемы, которые внушены были недюжиннымъ умомъ и многолѣтнимъ опытомъ. Отличаясь наблюдательностью и способностью быстро подмѣчать въ человѣкѣ слабую сторону, Нахимовъ въ тоже время владѣлъ всѣми качествами народнаго юмора, имѣющаго на простолюдиновъ могущественное вліяніе. Вотъ почему матросы всѣ безъ исключенія любили его, несмотря на то, что на службѣ онъ былъ строгъ и требователенъ.

Нахимовъ, говоритъ одинъ изъ его подчиненныхъ, былъ не изъ тѣхъ начальниковъ, къ которымъ подходятъ съ приниженнымъ чувствомъ подчиненности и сознанія полнѣйшей зависимости отъ того, которой ногой онъ всталъ съ постели. Нахимова боялись огорчить, а огорчить его можно было тому, кто въ душѣ и на дѣлѣ былъ плохой морякъ, кто не любилъ плавать, кто былъ несправедливъ, или излишне строгъ къ

своимъ подчиненнымъ. Пишущій эти строки четыре года плавалъ подъ флагомъ Нахимова и не запомнитъ ни одного наказанія линьками или розгами провинившагося матроса. Неисправимыхъ списывали на береговыя команды. Вотъ почему Нахимовъ былъ отцомъ и другомъ своихъ подчиненныхъ. Внѣ службы ему не становились во фронтъ, не прикладывали руки къ козырьку, а снимали фуражку и съ глубокимъ уваженіемъ кланялись. Нахимовъ не любилъ, когда ему внѣ службы говорили Ваше Превосходительство. «Я вашъ адмиралъ на кораблѣ-съ»,—говорилъ онъ. «а здѣсь у меня есть мое собственное имя. Меня зовутъ Павелъ Степановичъ»—и при этомъ онъ протягивалъ руку.

Павелъ Степановичъ придерживался особой системы, которая безусловно обезпечивала ему успѣхъ. Отбросивъ ложное самолюбіе, онъ говорилъ о своихъ собственныхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ и о томъ вліяніи, какое онѣ имѣли на его судьбу. Отъ него никто никогда не слыхалъ хвастства, никому онъ не ставилъ себя въ примѣръ. Напротивъ того, онъ говорилъ: «Во мнѣ вотъ что было дурно; желалъ-бы я, чтобъ у васъ этого не было», не показывая вида, что онъ знаетъ своего собесѣдника вдоль и поперегъ со всѣми его качествами и недостатками.

Дѣятельности онъ придавалъ большое значеніе. «Все можно отнять у человѣка: славу, богатство, значеніе въ обществѣ. Одного невозможно отнять: благодѣтельныхъ послѣдствій дѣятельности, если она была направлена на что нибудь полезное для общества и государства. Дѣятельность есть великое дѣло-съ; у нея есть большія права».

Обладая проницательностью, Нахимовъ прекрасно умѣлъ пользоваться этимъ свойствомъ для достиженія

главной цѣли, выработки изъ своихъ подчиненныхъ отличныхъ моряковъ, никогда не задѣвая ничьего самолюбія и уважая въ каждомъ его личность какъ человѣка.

Нѣсколько эпизодовъ разсказанныхъ однимъ изъ офицеровъ фрегата «Бальчикъ» прекрасно обрисовываютъ личность знаменитаго адмирала и даютъ ключъ къ пониманію его педагогическаго вліянія на подчиненныхъ.

«Смѣнившись съ вахты въ 4 ч. утра», разсказываетъ В. З.—«я раздѣлся, легъ въ койку и въ ту-же минуту заснулъ. Черезъ часъ вѣстовой будилъ меня и вразумлялъ, что свистали всѣхъ наверхъ паруса ставить. Въ эту минуту я былъ вполнѣ убѣжденъ, что вѣстовой первый врагъ мой въ мірѣ. Все злое, неправедное и ненавистное сосредоточилось въ моемъ сонномъ воображеніи въ лицѣ бѣднаго вѣстового. Я бранилъ его, стращалъ, умолялъ, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ; старался ударить его кулакомъ. Но вѣстовой, спеціалистъ въ такомъ занятіи, дѣйствовалъ осторожно, но настойчиво. Это неизмѣнное хладнокровіе возбуждало во мнѣ бездну ненависти, но не могло разбудить меня.

— Мухи!—раздался вдругъ голосъ Павла Степановича. Въ одно мгновеніе я былъ на ногахъ, и одѣвшись, стремглавъ побѣжалъ наверхъ. На ютѣ ставили бизань. Матросы побѣжали съ бизань-шкотомъ, дернули его, и онъ лопнулъ. Павелъ Степановичъ, видя это, разсердился и накричалъ на меня. Мнѣ сдѣлалось досадно. Чѣмъ, думаю, виноватъ я, что бизань-шкотъ лопнулъ; не я же его дѣлалъ. Павелъ Степановичъ ушелъ въ каюту, и потребовалъ меня къ себѣ. На моемъ лицѣ ясно выражалось, что я считаю себя обиженнымъ.

— Г. З., у насъ лопнулъ бизань-шкотъ.

— Какже-съ, лопнулъ, сейчасъ.—Какъ, думаю себѣ, забыть такое важное происшествіе.

— Вы должны мнѣ сказать, почему онъ лопнулъ.

— А Богъ его знаетъ, отвѣчалъ я равнодушно.

Павелъ Степановичъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Ежели-бы я имѣлъ право, то послалъ-бы васъ за это на покаяніе, на два года. Кому же знать причину такой простой вещи, какъ не намъ съ вами? Царямъ много дѣла-съ; имъ есть о чемъ думать. Во Франціи революція, въ Германіи — то же. О бизань-шкотѣ ближе всего позаботиться мичманамъ. Хорошо-съ, ступайте къ своему дѣлу...

Въ своемъ вліяніи на молодыхъ офицеровъ Нахимовъ избѣгалъ возбуждать въ нихъ соперничество, неразлучное съ завистью. Онъ старался внушить имъ любовь къ дѣлу, духъ единства, въ силу котораго всѣ стремились дѣйствовать для одной общей цѣли, не останавливаясь на своемъ личномъ преимуществѣ и не завидуя преимуществу другого.

Живо помню теперь, какъ однажды я легъ спать послѣ обѣда и не успѣлъ задремать, какъ приходитъ вѣстовой и спрашиваетъ отъ имени командира, не угодно-ли мнѣ кататься.

— Скажи, братецъ, что неугодно; рѣшительно неугодно, отвѣчалъ я, поправляя подушку. Черезъ нѣсколько минутъ является та-же несносно-равнодушная фигура, и говоритъ:

— Павелъ Степановичъ приказалъ спросить, не угодно-ли вамъ кататься?

Я тотчасъ всталъ и вышелъ наверхъ.

Павелъ Степановичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ежели вы не хотите кататься, то и не нужно-с Я только узнать хотѣлъ.

Я отвѣчалъ ему, что мнѣ и самому не хотѣлось-б пропустить такой удобный день для катанья.

— Конечно-съ, г. З. Знаете-ли вы, какая важ ная вещь кататься на шлюпкѣ подъ парусами, в свѣжій вѣтеръ? Это вотъ что такое-съ: тутъ на дѣл вы можете убѣдиться, что трусость есть недостатокъ который можно искоренить, и что находчивость есть такая способность, которую можно разбудить и раз вить. Все это мы называемъ однимъ словомъ: привычкой

Нѣсколько шлюпокъ отвалили отъ фрегата. Вѣтеръ былъ свѣжій съ небольшими порывами. Шлюпки упраж нялись въ различныхъ эволюціяхъ, проходя иногда подъ кормою фрегата. Я держался въ сторонѣ. Гляжу, спу скается ко мнѣ товарищъ У. и поровнявшись, говоритъ

— Отчего ты не проходилъ ни разу подъ кормо фрегата? Тамъ Павелъ Степановичъ наверху. Вотъ теперь онъ на насъ въ трубу смотритъ.

— Ну его совсѣмъ. Еще накричитъ за что нибудь

— Ступай; нехорошо. Всѣ проходили кромѣ тебя Для него сегодня праздникъ; всѣмъ доволенъ; въ са момъ дѣлѣ управляются хорошо.

Я привелъ къ вѣтру, сдѣлалъ два галса и спустился подъ корму фрегата. Издали увидѣлъ я Павла Степа новича, командира фрегата, и нѣсколько офицеровъ смотрѣвшихъ во всѣ глаза. Я поправилъ паруса думалъ: какъ замѣтятъ какую ошибку, да распекутъ,— сраму не оберешься. Павлу Степановичу угодить трудно

Быстро промелькнула шлюпка мимо фрегата и Па велъ Степановичъ крикнулъ:

— Дѣльно-съ, дѣльно-съ, г. З. У васъ все как слѣдуетъ.

Батюшки-свѣты какъ я обрадовался! Воодушевившись, я сейчасъ-же положилъ руль на бортъ, велѣлъ раздернуть шкоты и полетѣлъ полнымъ вѣтромъ вдоль гористаго прибрежья, въ ту часть рейда, гдѣ разноцвѣтныя полосы воды обозначали различную степень силы вѣтра, дувшаго отъ берега порывами. Приходилось безпрестанно брать то одинъ, то два рифа *), потомъ отдавать; опять брать. Я щеголялъ нарочно, чтобъ похвастаться передъ другими. Цѣль моя была достигнута. Черезъ нѣсколько времени летитъ ко мнѣ на капитанскомъ катерѣ мичманъ В. Еще издали махалъ онъ фуражкой, и подойдя поближе, крикнулъ:

— Ай-да, Черниговская губернія, недурно; знай нашихъ! Давайте гоняться мимо фрегата, по направленію мыса Дабъ.

— Давайте.—И вотъ началось наше соперничество.

Пока мы гонялись, набѣжалъ шквалъ. В. первый увидалъ его.

— Ну, батюшка, шквалъ идетъ, да какой! Нужно не зѣвать; не то прощайтесь съ вашей Черниговской губерніей.

Небольшой ознобъ пробѣжалъ по моему тѣлу. Потомъ я вдругъ воодушевился и любопытство заступило мѣсто страха. Я взглянулъ въ ту сторону, куда смотрѣлъ В. и увидѣлъ за темно-синимъ пространствомъ моря, широкую пѣнистую бѣлую полосу, которая медленно приближалась къ намъ.

— Ого!—сказалъ В.—этакую штуку мнѣ въ первый разъ приходится встрѣчать на шлюпкѣ.

Я натянулъ фуражку покрѣпче на голову и судо-

*) Брать рифы значитъ подвязывать парусъ веревочками, которыя называются сезни, т. е. уменьшать площадь паруса.

рожно сжалъ румпель рукой. Матросы сидѣли совершенно равнодушно. Даже любопытства не было замѣтно на ихъ лицахъ.

— Куда вы правите, сказалъ мнѣ В. На фрегатъ нечего и думать попасть. Нужно спускаться по вѣтру, куда Богъ занесетъ. Тутъ шутить нечего; вы увидите, что это будетъ.

Мы спустились къ вершинѣ бухты, взяли рифы у парусовъ, а задніе убрали совсѣмъ. Черезъ нѣсколько минутъ вѣтеръ стихъ и мы услышали глухой шумъ, подобный тому, который бываетъ въ лѣсу, когда вершины деревьевъ колеблются отъ сильнаго вѣтра. Въ одно мгновеніе темный цвѣтъ воды измѣнился въ молочный, раздадось оглушительное шипѣніе, шлюпка полетѣла какъ птица. Въ нѣсколько минутъ мы пролетѣли огромное пространство. Въ это время я ни о чемъ не думалъ и ничего не боялся. Опасность вызвала избытокъ энергіи, которая не допустила ощущенія робости. Шквалъ скоро прошелъ.

Возвратившись на фрегатъ я старался показать высшую степень равнодушія къ тому что случилось. На вопросы товарищей о шквалѣ, я отвѣчалъ: Пустое! Такіе-ли шквалы бываютъ. Злодѣи товарищи тотчасъ же подмѣтили хвастовство.

— Браво, какой морякъ! Для васъ все нипочемъ.

Мичмана В. позвали къ адмиралу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ каютъ-компанію, бросилъ фуражку на столъ и сказалъ съ живостью:

— Чортъ возьми! Какъ скверно быть начальникомъ.

— А что?

— Кому-бы вы думали хуже было во время шквала, намъ, или тѣмъ, кто насъ послалъ кататься? Намъ было весело, мы были воодушевлены, а имъ каково?

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ ужасное положеніе! Подать помощь невозможно, руководить тоже нельзя. Приходится сидѣть сложа руки и смотрѣть какъ люди гибнутъ. Хорошо еще, что мы сумѣли распорядиться какъ слѣдуетъ.

— Что говорилъ вамъ Павелъ Степановичъ?

— Сказалъ, что мы дѣльно распорядились. По глазамъ его нельзя не видѣть, что онъ въ восторгѣ, и только старается показать равнодушіе. Когда я выходилъ изъ каюты, онъ сказалъ: теперь я вижу, что вы бравые офицеры-съ!

— Значитъ и про меня то же самое сказалъ?

— И про васъ то же самое.

Я быстро началъ ходить по каютъ-компаніи, потирая руки. Эпитетъ браваго офицера былъ для меня почетнѣе самаго высшаго сана въ государствѣ. Въ эту минуту я обожалъ Павла Степановича. Какой онъ добрый, думалъ я. Это ничего, что онъ иногда накричитъ на меня.

Вечеромъ въ этотъ день я былъ необыкновенно веселъ. Минутная опасность освѣжила организмъ; прелесть жизни казалась въ десять разъ привлекательнѣе, а похвала уважаемаго начальника воодушевила меня смѣлостью и безотчетной надеждой на будущее».

Вскорѣ съ авторомъ этихъ воспоминаній случилось происшествіе, оставившее неизгладимый слѣдъ на всю жизнь.

За какую то неисправность по части окраски на фрегатѣ, въ которой Г. З. былъ неповиненъ, онъ получилъ строгій выговоръ отъ старшаго офицера, и посланъ былъ на бакъ [1]), мѣсто ареста матросовъ.

---

[1]) Носовая часть судна.

Возмутившись несправедливостью начальника, онъ выразилъ протестъ въ формѣ довольно рѣзкой.

— Не за кусокъ ли стертой краски приказываете идти куда не слѣдуетъ?—спросилъ онъ.

На фрегатѣ вдругъ все стихло. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, что будетъ дальше. Павелъ Степановичъ вмѣшался и тотчасъ же прекратилъ объясненія.

— Ступайте,—сказалъ онъ спокойно, но рѣшительно.—За краску, или за другое что, вы должны помнить, что на васъ смотрятъ и слушаютъ васъ другіе.

«И я пошелъ на бакъ, разсказываетъ З.—Пошелъ туда, гдѣ держатъ подъ арестомъ и наказываютъ матросовъ. Не потому пошелъ, что сознавалъ въ этомъ необходимое условіе военной дисциплины; я просто покорялся вліянію человѣка съ могучей волей и опытностью, чувствуя нравственное превосходство его надъ собою.

Не успѣлъ я дойти до бака, какъ меня нагналъ командиръ фрегата съ приказаніемъ отъ адмирала снять съ меня арестъ. Я ушелъ въ свою каюту и заплакалъ отъ злости.

Успокоившись нѣсколько отъ перваго порыва негодованія, я пошелъ къ адмиралу объясняться.

Павелъ Степановичъ былъ сильно взволнованъ и скорыми шагами ходилъ по каютѣ.

— А, это вы, г. З., очень радъ васъ видѣть.

— Я пришелъ, ваше превосходительство, покорнѣйше просить васъ списать меня на одинъ изъ крейсеровъ вашей эскадры.

— Зачѣмъ-съ?

— Послѣ сегодняшняго происшествія я не могу служить на фрегатѣ съ охотой и усердіемъ.

— Вы читали исторію Рима?

— Читалъ.

— Что было бы съ Римомъ, если бы всѣ патриціи были такъ малодушны какъ вы, и при неудачахъ, обыкновенныхъ въ тѣхъ столкновеніяхъ, о которыхъ вы, вѣроятно, помните, бѣжали бы изъ отечества.

Я молчалъ, потому что не былъ приготовленъ къ экзамену въ такомъ родѣ.

— «Намъ не мѣшаетъ разобрать подробно обстоятельства непріятнаго происшествія,—продолжалъ Павелъ Степановичъ.—За ничтожную неисправность вамъ отдали приказаніе, несообразное съ обычаями и честію; а вы поторопились сдѣлать возраженіе, несогласное съ закономъ. Вниманіе всей команды было возбуждено въ присутствіи адмирала. Неужели вы поступили бы иначе на моемъ мѣстѣ? Г. З. Нужно имѣть болѣе героизма и болѣе обширный взглядъ на жизнь, а въ особенности на службу. Пора намъ перестать считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы—только пружины, которыя на него дѣйствуемъ. Матросъ дѣйствуетъ парусами; онъ же наводитъ орудія на непріятеля. Матросъ бросится на абордажъ, если понадобится. Все сдѣлаетъ матросъ, если мы, начальники, не будемъ эгоистами, не будемъ смотрѣть на службу какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ какъ на ступени для собственнаго возвышенія. У многихъ командировъ служба на судахъ не клеится оттого, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матроса. Вы также не безъ грѣха. Помните, какъ шероховато отвѣтили вы мнѣ на замѣчаніе мое по случаю лопнувшаго бизань-шкота. Я оставилъ это безъ вниманія, хотя и не сомнѣвался въ томъ, что мнѣ

ничего не стоитъ заставить васъ перемѣнить способъ выраженій въ разговорѣ съ адмираломъ. Познакомившись съ вашимъ нравомъ, я предоставилъ времени исправить нѣкоторые ваши недостатки, зная изъ опыта какъ вредно безъ жалости ломать человѣка, когда онъ молодъ и горячъ. А зачѣмъ же ломать васъ, когда дастъ Богъ, вы со временемъ также будете служить какъ слѣдуетъ. Пригодятся еще вамъ силы, и на здоровье! Выбросьте изъ головы всякія неудовольствія и служите себѣ по прежнему на фрегатѣ. Этотъ случай для васъ не безъ пользы. Опытъ, какъ сталь, нуждается въ закалкѣ. Ежели вы не будете падать духомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, то со временемъ станете молодцомъ. Неужели вы думаете, что мнѣ легко было отдать вамъ то приказаніе, о которомъ мы говорили да и мало ли что не легко обходится намъ въ жизни».

Я вышелъ изъ адмиральской каюты совершенно вылѣченнымъ отъ припадка нравственной болѣзни, съ которою вошелъ въ нее. Какъ опытный докторъ, Павелъ Степановичъ умѣлъ подать скорую и вѣрную помощь, а это было яснымъ доказательствомъ того, что онъ былъ великій моралистъ и педагогъ».

Вотъ еще одинъ случай, въ которомъ обнаруживается теплое отношеніе Нахимова къ служащимъ.

Однажды, во время командованія отрядомъ судовъ у Кавказскаго берега, имѣя свой флагъ на фрегатѣ «Кагулъ», Павелъ Степановичъ проходилъ мимо укрѣпленія Субаши. Приказавъ лечь въ дрейфъ, онъ предложилъ офицерамъ съѣздить на берегъ, чѣмъ тѣ тотчасъ же воспользовались. Офицеры въ укрѣпленіи приняли гостей очень радушно и сообщили, что въ крѣпостномъ лазаретѣ лежитъ морской офицеръ Стройниковъ, больной рожею. Моряки отправились навѣ-

тить товарища по мундиру и нашли его въ жалкомъ положеніи. Стройниковъ лежалъ въ толстомъ солдатскомъ бѣльѣ, не имѣя при себѣ ничего—ни сахару, ни гроша денегъ. Это случилось будто бы потому, что съ «Пилата», на которомъ находился Стройниковъ, поторопились свезти его на берегъ изъ опасенія, чтобы болѣзнь не осложнилась отъ сырости, и второпяхъ, забыли снабдить необходимымъ.

Вернувшись на фрегатъ, офицеры доложили обо всемъ Павлу Степановичу. Тотчасъ же былъ призванъ адъютантъ, завѣдывавшій хозяйственною частію.

— Пошлите сейчасъ же Стройникову чаю, сахару, лимоновъ и провизіи, какая у насъ есть,—сказалъ Павелъ Степановичъ. Адъютантъ поморщился.

— Лимоновъ и провизіи мало, а достать негдѣ,—доложилъ онъ. Но адмиралъ не отмѣнилъ приказанія.

— Много-ли у насъ денегъ?—спросилъ онъ.

— Двѣсти рублей.

— Ну и пошлите всѣ двѣсти.

Офицеры еще отъ себя прибавили бѣлья, и все тотчасъ же было послано Стройникову. Затѣмъ Нахимовъ приказалъ направить «Кагулъ» на дистанцію крейсера «Пилатъ» и вытребовалъ къ себѣ командира. Адмиралъ встрѣтилъ его сухо и спросилъ:

— Скажите, какъ могли вы сбросить больного офицера на берегъ, не снабдивъ его ни бѣльемъ, ни провизіей, ни всѣмъ необходимымъ?

Командиръ оправдывался тѣмъ, что разводило зыбь и онъ торопился отойти отъ берега.

— Стыдно-съ,—сказалъ ему Нахимовъ.—Простительно было бы поступать такъ мнѣ, человѣку одинокому, у котораго сердце должно быть черствѣе. А вы человѣкъ семейный. У васъ дѣти; есть сыновья. Что

еслибы съ однимъ изъ нихъ такъ поступили. Прощайте-съ; больше я ничего не имѣю сказать.

Затѣмъ адмиралъ приказалъ снарядить шкуну, идти въ Сумбаши и перевезти больного Стройникова въ Севастополь.

Всѣ эти факты достаточно обрисовываютъ характеръ этого необыкновеннаго человѣка, который жилъ увлеченіемъ, дѣйствовалъ силою увлеченія и погибъ отъ увлеченія. Отнимите у него способность увлекаться и его типичная личность потеряетъ то обаяніе, которое покоряло ему сердца.

Однажды корабль «Силистрія», подъ командою Павла Степановича (1836) находясь въ практическомъ плаваніи, едва не потерпѣлъ крушенія отъ столкновенія съ кораблемъ «Адріанополь», который при производствѣ эволюцій, сдѣлалъ неудачный маневръ и очутился весьма близко отъ «Силистріи». Павелъ Степановичъ, стоя на верху, видѣлъ, что столкновеніе неизбѣжно. «Съ крюйселя [1]) долой!»,—скомандовалъ онъ, и людей, стремглавъ сбѣжавшихъ внизъ и всѣхъ бывшихъ по близости отослалъ на шкафутъ за гротъ-мачту, а самъ остался на ютѣ. Старшій офицеръ упрашивалъ его сойти, но онъ не обратилъ вниманія.

«Адріанополь» всею массою своею готовъ былъ раздавить «Силистрію». Трудно представить себѣ моментъ болѣе страшный.

Съ замираніемъ сердца, притаивъ дыханіе, ожидала команда «Силистріи» этого момента, глядя на своего командира, безстрашно стоявшаго на ютѣ. И вотъ—«Адріанополь» врѣзался около гротъ-русленей [2]). Затре-

[1]) Марсель (парусъ) на задней (бизань) мачтѣ.

[2]) Площадки внѣ корабля, по обѣ стороны средней мачты, за которыя крѣпятся ванты.

щалъ утлегарь; половина гротъ-вантъ порвана; еще минута—всѣ бизань-ванты срѣзаны, какъ ножемъ. Съ трескомъ полетѣлъ съ боканцевъ 12-ти весельный катеръ; закачалась бизань-мачта и крюйсъ-стеньга [1]) рухнула внизъ, сломивъ марсъ и бегинъ-рей, и осыпавъ осколками Павла Степановича. По счастливой случайности, его не ушибло. Провидѣніе хранило его для будущихъ подвиговъ и славы Россіи. Еще минута—и «Адріанополь» былъ уже за кормой. Люди вздохнули, перекрестились и бросились исправлять поврежденія.

Дѣло было передъ вечеромъ. На другой день, въ 10 ч. утра, на «Силистріи» поднятъ былъ сигналъ: поврежденія исправлены. Только люди, знакомые съ морской службой, могутъ оцѣнить громадные труды, потраченные матросами для исправленія поврежденій.

Вечеромъ, за чаемъ, старшій офицеръ спросилъ Нахимова, почему онъ не хотѣлъ сойти съ юта, подвергаясь опасности безъ всякой надобности. Павелъ Степановичъ отвѣчалъ:

— Такіе случаи представляются рѣдко и командиръ долженъ ими пользоваться. Надо, чтобъ команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ. Быть можетъ мнѣ придется идти съ нею въ сраженіе; вотъ тогда это отзовется и принесетъ несомнѣнную пользу.— Слова знаменательныя; слова, въ которыхъ заключались задатки Синопской побѣды.

Наряду съ мужествомъ воинскимъ Павелъ Степановичъ обладалъ и гражданскимъ мужествомъ. Въ 1833 г. находился онъ въ Балтійскомъ морѣ, въ эскадрѣ Беллинсгаузена. Погода стояла бурная; эскадра находилась недалеко отъ Дагерорда. Открылся маякъ, но

[1]) Продолженіе бизань-мачты.

вскорѣ исчезъ въ туманѣ. На фрегатѣ зорко слѣди
за всѣмъ и опредѣляли мѣсто по крюйсъ-пеленгу. К
залось, все обстоитъ благополучно. Но не такъ д
малъ Нахимовъ. По его мнѣнію эскадра шла на к
менья. Вѣтеръ крѣпчалъ; ночь надвигалась. Въ полноч
Нахимовъ позвалъ къ себѣ въ каюту только что см
нившагося съ вахты лейтенанта и, провѣривъ съ ним
вмѣстѣ на картѣ свое предположеніе, велѣлъ сдѣлат
сигналъ: флотъ идетъ къ опасности.

Тому, кто знакомъ съ строгой дисциплиной военн
морской службы понятно, чѣмъ рисковалъ Нахимов
рѣшившись сдѣлать подобное распоряженіе. Эскадр
командовалъ одинъ изъ достойнѣйшихъ адмиралов
извѣстный по своему плаванію къ южному полюс
отмѣченному многими открытіями; человѣкъ серьезны
строгій къ самому себѣ и къ своимъ подчиненным
требовавшій отъ нихъ неуклоннаго исполненія его пр
казаній.

Дѣлать сигналъ, который указывалъ адмиралу, чт
онъ не туда ведетъ эскадру,—на это надо было мно
отваги. Вѣдь и самъ Нахимовъ легко могъ ошибитьс
и тогда его смѣлый шагъ стоилъ бы ему карьеры. Н
вычисленія Павла Степановича оказались вѣрными. Н
замѣтивъ сигнала, корабль «Арсисъ» наскочилъ на к
менья, и пушечными выстрѣлами заявлялъ о своем
бѣдствіи. Для облегченія ударовъ, срубили всѣ мачт
и бросили въ воду орудія верхней палубы. Два дн
спустя вѣтеръ стихъ, облегченный корабль сошелъ с
каменьевъ и былъ отбуксированъ въ Або. «Импер
трица Марія» и шкуна «Градъ» успѣли поворотит
и благополучно перескочили черезъ каменья. Еще нѣ
сколько минутъ прежняго пути—и они потерпѣли б
крушеніе. Когда Императоръ, впервые послѣ этог

случая, увидалъ Нахимова, онъ удостоилъ его слѣдующими милостивыми словами:

— Я тебѣ обязанъ сохраненіемъ эскадры. Благодарю тебя; я никогда этого не забуду.

Еще на службѣ въ Балтикѣ, Нахимовъ познакомился и подружился съ Корниловымъ. Онъ очень желалъ, чтобы Корниловъ былъ назначенъ командиромъ Севастопольскаго порта. Безкорыстно преданный дѣлу, онъ забывалъ о своемъ старшинствѣ, желая только одного, преуспѣянія Черноморскаго флота. «Мое дѣло, говорилъ онъ, водить флоты въ море, а административныя занятія не имѣютъ для меня ничего привлекательнаго. Такое же самоотверженіе высказалъ онъ и при началѣ осады Севастополя, выражая желаніе повиноваться генералу, младшему по службѣ, но болѣе его свѣдущему въ дѣлѣ сухопутной войны.

Въ 1852 г. между Турціею и Россіею возникли недоразумѣнія по поводу правъ и преимуществъ дарованныхъ Турками ея православнымъ подданнымъ по Кайнарджинскому и Адріанопольскому трактатамъ.

Въ Февралѣ 1853 г. князь Меньшиковъ отправленъ былъ въ Константинополь для выясненія Оттоманской Портѣ законныхъ требованій Россіи. Длившіеся четыре мѣсяца переговоры не привели къ желаемому результату. Блистательная Порта, подстрекаемая двумя морскими державами, Англіей и Франціей, послѣ безконечныхъ проволочекъ отказала наотрѣзъ. Меньшиковъ уѣхалъ; а въ самый день его отъѣзда Англо-французская эскадра появилась у входа въ Дарданеллы.

Несмотря на явно враждебныя дѣйствія Порты, въ Петербургѣ все еще продолжали надѣяться, что она образумится. Эскадрѣ Нахимова, крейсировавшей между Крымомъ и Анатолійскимъ берегомъ, предписано было

держаться оборонительныхъ, но не наступательныхъ дѣйствій; безъ особаго повелѣнія не начинать боя; развѣ что сами турки начнутъ его.

Крейсерство на Черномъ морѣ зимою и осенью очень опасно. Въ это время господствуютъ непогоды, порывистые вѣтры, туманы, шквалы и штормы. При такихъ условіяхъ наблюденіе за дѣйствіями непріятеля очень затруднительно.

Въ то время какъ Нахимовъ съ своей эскадрою находился въ этомъ трудномъ крейсерствѣ, въ Севастополѣ полученъ былъ Высочайшій манифестъ о разрывѣ съ Турціею. Пароходъ «Бессарабія» доставилъ это извѣстіе Нахимову 1 Ноября вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ располагать движеніемъ эскадры по своему усмотрѣнію. Прочитавъ послѣ молебствія Высочайшій манифестъ командѣ, Нахимовъ издалъ слѣдующій приказъ: «Непріятель иначе не можетъ исполнить свое намѣреніе атаковать Сухумъ, какъ пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ я полагаюсь на бдительный надзоръ команды и офицеровъ; во второмъ — съ Божьей помощью, увѣренный въ своихъ офицерахъ и командѣ, надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превосходящимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ».

Замѣчательно, что почти одновременно Корниловъ издалъ приказъ, оканчивавшійся тѣми же словами. Изъ такого сходства взглядовъ обоихъ адмираловъ

ясно видно, что они были ученики одного и того же великаго учителя и одинаково понимали условія морского боя. Оба они съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдили за своими судами, оба умѣли предугадать и отвратить опасность. Какъ тотъ, такъ и другой зрѣло обдумывали всякое предпріятіе и, рѣшившись, не колебались болѣе и съ быстротою пользовались обстоятельствами.

Въ промежуткѣ времени отъ 1 до 11 ноября русскіе имѣли нѣсколько удачныхъ дѣлъ съ турками. На Дунаѣ, тяжелая, малоподвижная русская флотилія побѣдоносно прорвалась подъ огнемъ солидныхъ батарей съ орудіями огромнаго калибра. На Дунаѣ же, турецкая флотилія постыдно отказалась пройти подъ огнемъ четырехъ полевыхъ орудій. На морѣ, пароходъ «Бессарабія» взялъ турецкій транспортъ безъ выстрѣла. Три турецкихъ парохода бѣжали отъ одного русскаго паруснаго фрегата, который, за безвѣтріемъ былъ лишенъ возможности двигаться съ быстротою, необходимою для боя. Наконецъ подвигъ нашей «Колхиды», попавшей на мель и успѣвшей сняться съ нея подъ адскимъ пушечнымъ огнемъ непріятеля, фактически доказалъ несокрушимое геройство нашихъ моряковъ.

Но передъ Европою, благодаря турецкой лжи, всѣ эти подвиги были выставлены въ превратномъ видѣ. Разсказывалось, что турки побѣдоносно отбивались отъ русскихъ; что при одномъ столкновеніи русскій командиръ одѣлъ всю свою команду турками. Послѣ Синопскаго разгрома писали, что офицеръ эскадры Нахимова, взявши турецкій фрегатъ, дорубилъ остатокъ команды, а у одного турка вырѣзалъ кусокъ мяса и съѣлъ его, за что получилъ Георгія.

Между тѣмъ Нахимовъ, получивъ извѣстіе о по-

явленіи непріятельскихъ судовъ въ сторонѣ Синоп послѣдовалъ съ своей эскадрой туда же.

Погода стояла бурная. Ноября 18 свирѣпствова сильный штормъ. Эскадра однако не потеряла кур но адмиралъ вынужденъ былъ отправить въ Севас поль два корабля для починки. Въ эскадрѣ остало только три 84-хъ пушечныхъ корабля: «Императри Марія», «Чесма» и «Ростиславъ». Съ ними-то и под шелъ Нахимовъ 11 ноября на двѣ мили къ Синопск бухтѣ.

Въ ней стояла на якорѣ турецкая эскадра въ ставѣ 7-ми фрегатовъ, 3-хъ корветовъ и 2-хъ парох довъ подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей. Это бы та самая эскадра, которой незадолго передъ тѣмъ уд лось ускользнуть отъ Корнилова, Новосильскаго и мого Нахимова. «Такъ вотъ-же она наконецъ!»— восторгѣ крикнули моряки.

Атаковать эскадру, стоявшую подъ защитою бер говыхъ батарей всего съ тремя кораблями было безумiемъ; а потому Нахимовъ рѣшился подожда возвращенія своихъ двухъ кораблей, за которыми сланъ былъ бригъ «Эней», а тѣмъ временемъ блок ровать турецкую эскадру. На случай выхода турецк эскадры изъ бухты, адмиралъ рѣшился, несмотря огромное превосходство силъ непріятеля, прегради ему дорогу.

Турецкая эскадра не двигалась съ мѣста. Турка легко было воспользоваться темными бурными ноча и ускользнуть изъ опасной гавани; но они этого сдѣлали. Имъ нравилась спокойная стоянка въ бух защищенной дугообразнымъ полуостровомъ отъ рывистыхъ сѣверныхъ вѣтровъ. При томъ турец адмиралъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать

шесть береговыхъ батарей, подъ прикрытіемъ которыхъ бой съ русскими парусными судами могъ казаться не только не опаснымъ, но и выгоднымъ. При искусномъ руководствѣ оно такъ-бы и было. Кромѣ того, адмиралъ могъ свезти съ своихъ бортовъ, обращенныхъ къ берегу, орудія и уставить ими городской берегъ. Тогда русскіе корабли, откуда-бы ни подошли, подверглись-бы страшнымъ продольнымъ выстрѣламъ и сила турецкаго огня удвоилась-бы. Ничего слѣдовательно опаснаго не было-бы для турокъ въ Синопской гавани, если-бы они своевременно приняли мѣры, согласныя съ здравымъ смысломъ и наукою. Опасно было ихъ невѣжество и незнаніе дѣла, а при такихъ условіяхъ море опасно всегда, даже и безъ непріятеля.

Нахимовъ полагалъ, вѣроятно, что непріятель поступитъ такъ, какъ онъ поступилъ-бы на его мѣстѣ, и подъ постояннымъ дождемъ и снѣгомъ продолжалъ блокаду, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія своихъ двухъ кораблей. Наконецъ 16 ноября, на горизонтѣ показались суда, но не два, а цѣлая эскадра. Ура! Это была эскадра Новосильскаго, посланная на помощь Нахимову: три 120-ти пушечныхъ корабля: «Парижъ», «В. К. Константинъ», «Три Святителя» и два фрегата: «Кагулъ» и «Кулевчи». Теперь численное превосходство оказалось не на сторонѣ турокъ. Османъ-паша потерялъ голову. Пропустивъ удобное время для выхода въ море, онъ теперь только и думалъ о томъ, какъ-бы вытребовать помощь изъ Константинополя.

Съ восторгомъ привѣтствовала эскадра Нахимова прибытіе товарищей. Всѣ знали, что это прибытіе—сигналъ къ давно ожидаемому бою. Самъ адмиралъ едва сдерживалъ желаніе атаковать непріятеля. Онъ глубоко вѣрилъ въ святость русскаго дѣла, зналъ, что

эскадра раздѣляетъ его геройскую отвагу, его преда
ность отечеству и долгу и не сомнѣвался въ успѣхѣ

На другой-же день по приходѣ эскадры Новосил
скаго, 17 ноября, на флагманскій корабль были пр
глашены Новосильскій и всѣ командиры. Вскорѣ п
томъ появился знаменитый Нахимовскій приказъ. В
было предусмотрѣно, распредѣлено, каждому корабл
назначено мѣсто. Приказъ оканчивался слѣдующим
замѣчательными словами: «Въ заключеніе выскажу сво
мысль, что всѣ предварительныя наставленія при изм
нившихся обстоятельствахъ могутъ затруднить кома
дировъ, знающихъ свое дѣло; и потому я предост
вляю каждому совершенно независимо дѣйствовать
усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнять сво
долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ сла
ныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ на
зависитъ оправдать ожиданія».

Въ этихъ словахъ сказывается глубокая мудрос
и обширный умъ Павла Степановича. Безъ педантизм
и начальственной напыщенности онъ предоставляет
командирамъ свободу дѣйствій, полагаясь единственн
на ихъ преданность долгу и знаніе дѣла.

Успѣхъ морскихъ битвъ подготовляется заблаговр
менно, и зависитъ отъ начальниковъ часто только д
перваго выстрѣла. Съ открытіемъ-же боя обстоятел
ства мѣняются. Зачастую дымъ мѣшаетъ видѣть с
гналы. Иногда адмиральскій корабль, вслѣдствіе повр
жденія, лишенъ возможности дѣлать сигналы. Шторм
или штили могутъ вдругъ совершенно разрушить с
ставленный заранѣе планъ. Понятно, съ какимъ гл
бокимъ почтеніемъ и признательностью встрѣтил
команда распоряженія своего адмирала.

Атака была назначена на 18-е ноября. Эскадр

хорошо знала, что развѣ только штормъ можетъ побудить адмирала отложить давно желанную битву. Немедленно по полученіи приказа, каждый радостно и съ молитвою сталъ готовиться къ бою.

Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Уныло пробивалась 18-е ноября утренняя заря сквозь обложившія небо свинцовыя тучи. Надъ эскадрою ревѣлъ порывистый вѣтеръ съ частымъ холоднымъ дождемъ. Въ 9 часовъ стало свѣтло, и эскадра, по сигналу спустила гребныя суда. Въ половинѣ десятаго на адмиральскомъ кораблѣ подняли сигналъ: готовиться къ бою и идти на Синопскій рейдъ. Отслуживъ молебенъ, эскадра съ развѣвающимися національными флагами быстро понеслась на непріятеля [1]). На ходу, по сигналу, эскадра построилась въ двѣ колонны. Во главѣ первой эскадры шелъ Нахимовъ на 34-хъ пушечномъ кораблѣ «Императрица Марія» (командиръ Барановскій), во главѣ другой—Новосильскій—на 12-ти пушечномъ «Парижъ» (командиръ Истоминъ). За «Императрицей Маріей» шелъ 120-ти пушечный «В. К. Константинъ» (командиръ Ергомышевъ) и «Чесма» (командиръ Микрюковъ), за «Парижемъ»—«Три Святителя» (командиръ Кутровъ) и «Ростиславъ» (командиръ Кузнецовъ).

Былъ 12-й часъ дня. Обѣ колонны, при порывистомъ вѣтрѣ, неслись на всѣхъ парусахъ ко входу въ Синопскую бухту. Вотъ поровнялись онѣ съ турецкой батареей № 1. На салингахъ [2]) стояли офицеры для

[1]) Англійскіе офицеры, собиравшіе впослѣдствіи на мѣстѣ подробности битвы, не могли воздержаться отъ должной похвалы поражающей рѣшимости, съ которою русская эскадра неслась на кровавое пиршество въ безукоризненномъ строѣ.

[2]) Перекладина на стеньгѣ.

наблюденій за дѣйствіемъ артиллерійскаго огня. Впереди ясно обозначилась расположенная полукругомъ боевая линія турецкаго флота. Лѣвый флангъ этой линіи опирался на батарею № 4, правый—на батарею № 6. Въ центрѣ боевой линіи было оставлено значительное пространство для огня батареи № 5, расположенной передъ городомъ на берегу, позади боевой линіи эскадры. На фрегатѣ «Ауни-Аллахъ», пятомъ съ лѣваго фланга, развѣвался вице-адмиральскій флагъ Османа-паши, а на фрегатѣ «Низаміэ», девятомъ съ лѣваго фланга—контръ-адмиральскій Гуссейнъ-паши. Благодаря этой нелѣпой диспозиціи, изъ шести береговыхъ батарей, двѣ должны были бездѣйствовать. Турки уже замѣтили наступленіе русской эскадры и готовились къ бою.

На русскихъ судахъ прислуга стояла у орудій. Всѣ взоры устремлены были на флагманскій корабль въ ожиданіи сигнала начать бой. Ровно въ двѣнадцать часовъ взвился флагъ, обозначавшій полдень—адмиральскій часъ. Этотъ обычай, практикуемый въ мирное время, выполненъ былъ и теперь съ чисто-морскимъ шикомъ.

Еще полчаса томительнаго ожиданія... Русская эскадра продолжала наступать.

Съ турецкаго адмиральскаго фрегата блеснулъ огонь, грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другіе... Синопская бухта задрожала, застонала подъ неумолкаемымъ перекатомъ грома турецкихъ орудій. Русская эскадра шла безъ выстрѣла въ самый центръ турецкой боевой линіи подъ убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ. Флагманскіе корабли, особенно «Императрица Марія» подъ флагомъ Нахимова, были буквально осыпаны градомъ ядеръ, книпелей и картечи. По счастью, турецкая ар-

тиллерія, вмѣсто того, чтобы бить по палубамъ и въ подводныя части, мѣтила выше по мачтамъ и такелажу въ надеждѣ что команды побѣгутъ убирать паруса. Но Наваринскому герою, Нахимову, хорошо были извѣстны пріемы турецкихъ моряковъ, и матросамъ заранѣе былъ отданъ приказъ «взять паруса на гитовы» [1]) т. е. уменьшить давленіе вѣтра на нихъ.

Русская эскадра бойко неслась впередъ, на ходу осыпая своими снарядами мелькавшія мимо ея бортовъ непріятельскія суда. Но вотъ корабль «Императрица Марія», бросивъ якорь противъ непріятельскаго флагманскаго фрегата и повернувшись на шпрингѣ, сталъ громить своего противника всѣми орудіями праваго борта. Прицѣлы были такъ вѣрны, что турецкій флагманъ «Ауни-Аллахъ», несмотря на поддержку батареи № 5 и бывшаго русскаго фрегата «Рафаила» [2]), переименованнаго турками въ «Фазли-Аллахъ» (Богомъ данный) не выдержавъ и получасоваго огня, отклепалъ якорную цѣпь и бросился на утекъ. Теченіемъ и вѣтромъ понесло его между боевыми линіями. Проходя мимо второго русскаго флагмана «Парижъ», бѣглецъ долженъ былъ выдержать его разрушительные продольные залпы, послѣ чего, разстрѣленный и усыпанный трупами, онъ былъ выброшенъ на мель подъ самою батареею № 6.

Едва успѣлъ «Парижъ» проводить продольнымъ залпомъ «Ауни-Аллахъ», какъ завязалась у него борьба съ фрегатами «Даміадъ» и «Гюлли-Сефизъ», къ ко-

[1]) Подобрать паруса.

[2]) Это былъ единственный морской трофей турокъ за всѣ войны ихъ съ русскими. Онъ достался туркамъ безъ боя въ 1829 г. по непостижимой оплошности командира. Когда командиръ и офицеры „Рафаила", послѣ заключенія Адріанопольскаго мира, вернулись изъ плѣна, всѣ они были разжалованы въ матросы безъ выслуги. Командиръ умеръ съ горя.

торому на помощь подошелъ вскорѣ «Низамiэ». Мѣткимъ выстрѣломъ съ «Парижа». «Гюлли-Сефизъ» былъ вскорѣ взорванъ на воздухъ. Во время этой жестокой борьбы, корабль «Императрица Марiя», оставаясь подъ перекрестнымъ огнемъ батареи № 5 и фрегата «Фазли-Аллахъ», сосредоточилъ весь свой огонь на этомъ фрегатѣ. Вскорѣ на немъ вспыхнулъ пожаръ и, слѣдуя примѣру своего флагмана, онъ также отклепалъ якорную цѣпь и бросился къ берегу у самаго города, гдѣ и погибъ, объятый пламенемъ.

Такимъ образомъ исполнился приговоръ русскаго Царя, произнесенный надъ этимъ фрегатомъ 25 лѣтъ тому назадъ: «Если когда-нибудь «Рафаилъ» снова попадетъ въ наши руки, предать его огню, какъ недостойнаго носить русскiй флагъ».

Павелъ Степановичъ съ подзорною трубою въ рукахъ, слѣдилъ за дѣйствiями эскадры и восхищался маневрами корабля «Парижъ». Зная, какъ высоко цѣнится его одобренiе, адмиралъ приказалъ благодарить «Парижъ» сигналомъ. Но сдѣлать сигналъ оказалось невозможнымъ; непрiятельскiе снаряды перервали сигнальные фалы.

Отбросивъ къ берегу «Даміадъ», «Парижъ» сталъ бортомъ къ «Низамiэ». Нахимовъ хотѣлъ, было, идти на помощь «Парижу», но тотъ управился и самъ. «Низамiэ», съ перебитыми мачтами, отклепалъ якорную цѣпь и выбросился къ городу, гдѣ вскорѣ и загорѣлся,

Уничтоживъ такимъ образомъ четыре фрегата и одинъ корветъ, русскiе флагманскiе корабли поворотились параллельно батареѣ № 5 и сосредоточили на ней всѣ свои силы.

Слѣдовавшiе за флагманами русскiя суда, стоя на

якорѣ, продолжали пальбу. Противъ корабля «В. К. Константинъ», дѣйствовали, кромѣ батареи № 4 два турецкихъ фрегата и одинъ корветъ. Замѣтивъ, что «В. К. Константинъ» въ опасности, слѣдующій за нимъ корабль «Чесма» не обращая вниманія на направленный на него огонь батареи № 3, сосредоточилъ свой огонь противъ угрожавшаго «Константину» фрегата «Навекъ-Бахри». Спустя 20 минутъ, мѣткими выстрѣлами съ корабля «В. К. Константинъ» «Навекъ-Бахри» былъ взорванъ на воздухъ. Груды обломковъ и тѣлъ, выкинутыхъ этимъ взрывомъ на берегъ, завалили батарею № 4 до такой степени, что она вынуждена была прекратить огонь.

Покончивъ съ однимъ врагомъ, «В. К. Константинъ» началъ разстрѣливать дѣйствовавшихъ противъ него фрегатъ и корветъ. Русское ядро перебило якорную цѣпь фрегата «Насимъ-Зеферъ», и вѣтромъ понесло его на остатокъ мола противъ греческаго предмѣстья Синопа. Вскорѣ затѣмъ и корветъ «Неджми-Фешанъ» выброшенъ былъ на берегъ къ батареѣ № 5.

Въ то же время «Чесма», поворотившись къ батареямъ №№ 4 и 5, учащенными выстрѣлами срыла ихъ до основанія.

Въ началѣ боя, во время борьбы «Парижа» съ вражескими судами, у слѣдовавшаго за нимъ корабля «Три Святителя» непріятельскимъ выстрѣломъ былъ перебитъ шпрингъ, и корабль, вращаясь кругомъ своего якоря, былъ отнесенъ вѣтромъ къ Сѣв.-Зап., кормою прямо къ батареѣ № 6. Непріятель воспользовался этимъ случаемъ и сталъ поражать «Три Святителя» продольными выстрѣлами, сильно повредившими такелажъ и мачты. Положеніе корабля «Три Святителя» становилось критическимъ. Мичману Варнишкому при-

казано было съ барказа завезти верпъ. Едва успѣлъ Варницкій отвалить отъ борта, какъ его судно было пробито ядромъ. Отлетѣвшей щепой Варницкій былъ раненъ въ руку, а барказъ пошелъ ко дну. Несмотря на раненую руку, Варницкому съ командою удалось перескочить на другой барказъ, и подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ исполнить порученіе. Занявъ снова надлежащее положеніе, корабль «Три Святителя» скоро принудилъ фрегатъ «Каиди-Зеферъ» выброситься на берегъ.

Другой слѣдовавшій за «Парижемъ» корабль «Ростиславъ» находился подъ сильнымъ огнемъ корвета «Фейзи-Меабудъ» и батареи № 6. Во время боя, на «Ростиславѣ» случилось несчастіе, стоившее этому кораблю не мало жертвъ. Непріятельская граната, ударивъ въ одно изъ среднихъ орудій «Ростислава» разорвала его, разбила палубу и зажгла кокоръ (пороховой ящикъ), причемъ было ранено и обожжено до сорока человѣкъ. Горящія части упали у входа въ крюйтъ-камеру. «Ростиславу» грозила страшная опасность: отъ одной попавшей въ крюйтъ-камеру искры, корабль могъ взлетѣть на воздухъ. Въ эту минуту, необыкновенное хладнокровіе обнаружилъ мичманъ Колокольцевъ. Закрывъ двери и всѣ отверстія, онъ такъ усердно сталъ тушить пожаръ, что вскорѣ миновала всякая опасность. Продолжая дѣйствовать противъ надѣлавшаго ему столько зла «Фейзи-Меабудъ», «Ростиславъ» принудилъ его выброситься на берегъ; а въ четвертомъ часу дня срылъ до основанія батарею № 6.

Во время боя турецкіе пароходы «Таифъ» и «Эрекли» не оказывали эскадрѣ никакой помощи, тогда какъ при своемъ прекрасномъ вооруженіи и

Синопскій бой.

быстроходности они могли бы сильно вредить русскимъ кораблямъ, вставъ за кормою или передъ носомъ и поражая ихъ продольными выстрѣлами. Но объ этомъ не подумали ни командиръ «Таифа», англичанинъ Следъ (Гобартъ-паша) ни командиръ «Эрекли». Вмѣсто того, чтобы руководиться правиломъ, что взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика въ морскомъ бою, они оставались все время въ бездѣйствіи за боевою линіею. Когда Следъ убѣдился, что для эскадры пропала всякая надежда на спасеніе, онъ счелъ за лучшее ретироваться. За нимъ погнались было наши парусные фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи», но разумѣется догнать не могли. «Таифъ безпрестанно мѣнялъ направленіе, и наконецъ исчезъ изъ вида.

Тѣмъ временемъ поспѣшалъ къ Синопу на пароходѣ «Одесса» адмиралъ Корниловъ въ сопровожденіи еще двухъ пароходовъ. Въ полдень увидѣли съ «Одессы» русскій флагъ на кораблѣ «Императрица Марія». «Помоги Богъ Павлу Степановичу», промолвилъ Корниловъ и перекрестился. Вскорѣ услышали пальбу и увидали, какъ русскія ядра, перелетая черезъ перешеекъ, вспѣнивали море. Пароходы понеслись полнымъ ходомъ, и тутъ то повстрѣчались съ бѣжавшимъ «Таифомъ». На адмиральскомъ пароходѣ былъ поднятъ сигналъ: «Атаковать непріятеля, поставить его въ два огня!» «Одесса» погналась за «Таифомъ», стараясь пересѣчь ему путь. Но тяжелой, давно построенной «Одессѣ» трудно было соперничать съ быстроходнымъ «Таифомъ», и «Таифъ» ушелъ, разбивъ ядромъ на «Одессѣ» штурвалъ [1]) и убивъ рулевого.

[1]) Колесо, двигающее рычагъ, который, въ свою очередь, поворачиваетъ руль.

Убѣдившись въ невозможности догнать «Таифъ», отрядъ Корнилова присоединился къ эскадрѣ Нахимова и привѣтствовалъ ее восторженнымъ «ура». Когда «Одесса» остановилась противъ флагманскаго корабля, Корниловъ безпокойно спрашивалъ: «Здоровъ ли адмиралъ?» Выѣхавшій на катерѣ встрѣтить Корнилова офицеръ первый порадовалъ отвѣтомъ: «Слава Богу! Павелъ Степановичъ живъ». Увидѣвъ Нахимова на шканцахъ, Корниловъ бросился обнимать его.

— Поздравляю васъ, Павелъ Степановичъ, съ побѣдою. Вы оказали большую услугу Россіи и прославили свое имя!

Въ пятомъ часу вечера бой былъ конченъ; турецкій флотъ уничтоженъ [1]). Остатки его, прибитые къ берегу, горѣли и взлетали на воздухъ, осыпая пламенемъ Синопъ, древнюю столицу царя Понтійскаго. Городъ горѣлъ, жители бѣжали въ горы; уничтоженныя батареи безмолвствовали; транспортныя и купеческія суда затонули отъ попавшихъ въ нихъ ядеръ.

Лейтенантъ Кузьминъ-Короваевъ, посланный на уцѣлѣвшій турецкій фрегатъ, чтобъ приготовить его къ отбуксированію, наткнулся на поразительную картину: взойдя на фрегатъ всего съ десятью матросами, Короваевъ нашелъ на суднѣ около 200 турокъ, человѣкъ двадцать раненыхъ и столько же убитыхъ. Трупъ капитана лежалъ у дверей его каюты. Безпорядокъ на суднѣ невольно привлекалъ вниманіе. Порохъ былъ разсыпанъ по всей батарейной палубѣ, крюйтъ-камера отворена, а турки, покорные кисмету (предопредѣленію) сидѣли и... курили.

---

[1]) Истреблено: семь фрегатовъ, шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ.

Приказавъ прекратить куреніе, лейтенантъ немедленно распорядился, чтобы закрыли крюйтъ-камеру и эшелонами перевозили плѣнныхъ на русскія суда. Раненыхъ же положили на баржу, посадили съ ними двадцать человѣкъ здоровыхъ, помѣстили ихъ багажъ, запасъ сухарей и отправили въ Синопъ. Вмѣстѣ съ ранеными былъ отправленъ турецкій докторъ изъ армянъ. Доктору и здоровымъ плѣннымъ лейтенантъ объявилъ черезъ переводчика, что они отправляются для того, чтобы устроить ихъ раненыхъ товарищей въ городскомъ госпиталѣ. Турки съ восторгомъ бросились цѣловать руки лейтенанту, а докторъ армянинъ всталъ на колѣни и закричалъ «О, Ave Maria!»

А въ иностранныхъ газетахъ писали, что русскій офицеръ, явившись на фрегатъ, дорубилъ всѣхъ турокъ, отрѣзалъ отъ убитаго кусокъ мяса и съѣлъ!

Всю ночь пароходы были заняты отбуксированіемъ пылавшихъ турецкихъ судовъ изъ опасенія, чтобы съ перемѣной вѣтра ихъ не нанесло на русскую эскадру. Уцѣлѣвшіе турецкіе матросы бѣжали, предоставивъ гибели своихъ офицеровъ и раненыхъ товарищей. На утопавшемъ фрегатѣ «Ауни-Аллахъ» найденъ былъ командиръ турецкой эскадры, Османъ-паша. Когда фрегатъ, на которомъ онъ сражался, сталъ тонуть, команда (какъ разсказывалъ самъ паша) вышла изъ повиновенія, ограбила своего адмирала, отнявъ у него часы, деньги, платье и бѣжала на берегъ. Несчастный старикъ съ перебитой ногой, по поясъ въ водѣ, и, держась руками за пушечный брюкъ (канатъ, прикрѣпляющій орудіе къ борту), непремѣнно погибъ бы, еслибъ не былъ снятъ съ погружавшагося фрегата русской шлюпкою. Въ числѣ плѣнныхъ находилось

еще два тяжелыхъ раненыхъ командира, оставленныхъ своими командами.

Разбирая критически дѣйствія русской эскадры, самый строгій судья долженъ отозваться о нихъ съ полнымъ одобреніемъ. Во всѣхъ чинахъ эскадры, отъ героевъ-адмираловъ до матросовъ включительно, выказалось удивительное присутствіе духа, беззавѣтная отвага, быстрое и отчетливое отправленіе всѣхъ мельчайшихъ маневровъ, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя характеризуютъ идеальный типъ моряка. Адмиралъ Нахимовъ предоставилъ своимъ командирамъ свободу дѣйствій и они блистательно оправдали его довѣріе.

Здѣсь будетъ умѣстно привести со словъ очевидца разсказъ о штурманскомъ офицерѣ Родіоновѣ, смертельно раненомъ на «Парижѣ». Мичманъ Ребиндеръ, командуя верхнею батареею, получилъ отъ адмирала приказъ сосредоточить орудія на берегой батареѣ, сильно бившей въ корму. Не имѣя возможности, за дымомъ, видѣть со шканцевъ направленіе батареи, Ребиндеръ просилъ Родіонова, стоявшаго на ютѣ, указать направленіе. Въ ту самую минуту, когда Родіоновъ протянулъ руку, чтобъ указать направленіе, ядро оторвало эту руку и бросило на шканцы. Родіоновъ зашатался и упалъ. Послѣ сраженія, Ребиндеръ, считая себя невольнымъ виновникомъ несчастья, пошелъ навѣстить раненаго товарища. Родіоновъ былъ спокоенъ и веселъ, не смотря на только что перенесенную мучительную операцію. Онъ все еще чувствовалъ оторванную руку и ему казалось, что онъ шевелитъ пальцами.

Въ числѣ несчастныхъ жертвъ при разрывѣ орудія на «Ростиславѣ» былъ матросъ Майстренко. Ему выжгло оба глаза. Во время продолжительнаго пребыва-

нія въ Севастопольскомъ госпиталѣ, его единственнымъ утѣшеніемъ были воспоминанія о блестящемъ Синопскомъ дѣлѣ, и объ адмиралѣ Нахимовѣ. «А Нахимовъ-то, вотъ смѣлый! — съ восторгомъ восклицалъ Майстренко.—Ходитъ себѣ по юту, да какъ свистнетъ ядро, онъ только рукой махнетъ; туда, молъ, тебѣ и дорога».

Съ истребленіемъ непріятеля еще не была окончена задача русской эскадры. Нахимовъ предвидѣлъ, и совсѣмъ основательно, что извѣстіе о Синопскомъ погромѣ вызоветъ со стороны союзниковъ Порты враждебныя дѣйствія и на этотъ случай призналъ необходимымъ скорѣй привести эскадру въ Севастополь.

Тотчасъ же по окончаніи сраженія, наиболѣе потерпѣвшія суда наши «Императрица Марія», «Три Святителя» и «Ростиславъ» начали исправлять поврежденія. Всѣ безъ исключенія чины эскадры работали надъ этимъ. Передышка была сдѣлана не надолго, только чтобъ отслужить благодарственный молебенъ и похоронить убитыхъ. Несмотря на физическую и нравственную усталость, не смотря на порывистый восточный вѣтеръ, разводившій огромное волненіе, работы шли такъ успѣшно, что черезъ 36 часовъ суда были готовы къ отплытію. 20-го Ноября, утромъ, эскадра снялась съ якоря, и при помощи пароходовъ, направилась въ Севастополь, куда и прибыла 22-го числа.

Извѣстіе о побѣдѣ было уже получено въ Севастополѣ; восторженный пріемъ ожидалъ побѣдителей.

Въ тотъ же день князь Меньшиковъ доносилъ Императору: «Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества исполнено Черноморскимъ флотомъ блестящимъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшилась

выйти въ бой 18 числа ноября, истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій оною турецкій адмиралъ Османъ-паша взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь».

По полученіи донесенія о Синопской побѣдѣ, Государь Императоръ осчастливилъ Кн. Меньшикова слѣдующимъ рескриптомъ: «Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что Черноморскій флотъ Нашъ достойно выполнилъ свое назначеніе. Съ искреннею, сердечною радостью поручаю Вамъ сказать храбрымъ морякамъ Нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвиги, совершенные для славы и чести русскаго флота. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ нашемъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ». Къ Нахимову же Государь Императоръ обратился съ слѣдующею лестною грамотою:

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи. Статутъ военнаго ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинной радостью постановленія статута, жалуемъ васъ кавалеромъ Св. Георгія 2-й степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны».

И такъ—признательность Царя, восторженное уваженіе соотечественниковъ осѣнили доблестнаго адмирала. Но судьба предназначала его послужить отечеству еще, но уже не на морѣ, а на бастіонахъ Севастополя.

Громъ Синопской побѣды отозвался во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества и имя Нахимова сдѣлалось народнымъ. Множество писемъ и стихотвореній по-

слано было Павлу Степановичу, но по врожденной его скромности они никогда не были обнародованы. О возбужденномъ имъ восторгѣ Павелъ Степановичъ говорилъ неохотно и Синопскую побѣду, доказавшую блистательное состояніе Черноморскаго флота, онъ не приписывалъ себѣ. «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, вотъ кто сдѣлалъ все-съ», отвѣчалъ онъ неизмѣнно на всѣ поздравленія. Глубоко благочестивый и скромный, онъ смотрѣль на себя какъ на орудіе Провидѣнія и благодарилъ Бога за дарованіе ему и его сподвижникамъ возможности исполнить святость присяги. Кто-то прислалъ ему образъ Николая Чудотворца. Адмиралъ былъ искренно обрадованъ этимъ подаркомъ.

По мнѣнію спеціалистовъ, Синопская побѣда была событіемъ замѣчательнымъ. «Битва славная, писалъ своей женѣ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ; выше Чесмы и Наварина. Ура, Нахимовъ! Михаилъ Петровичъ Лазаревъ радуется своему ученику».

Моряки сдѣлались героями дня. Въ Севастополѣ былъ настоящій Свѣтлый Праздникъ; встрѣчаясь цѣловались, поздравляли другъ друга, кричали ура; имя Нахимова было во всѣхъ устахъ. Матросовъ задаривали табакомъ и деньгами. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки народа, которые собравшись вокругъ Синопскаго героя, матросика, громко слушали его безхитростное повѣствованіе.

«А вотъ, братцы вы мои, Синопу эту самую мы взяли въ 4 часа. Ей Богу! Четыре часа не прошло, какъ ужъ взяли. Пришли мы таперича на этихъ Трехъ Святителяхъ, Павелъ Степановичъ и говоритъ: Меня самого принимайте на штыки, коли отбой велю вдарить. И сейчасъ начали палить. Ничего не слышно, только гулъ стоитъ. Почитай ничего и не видно.

Стрѣляли, стрѣляли; вотъ наша бомба зажгла турецкій корабль. Горитъ какъ свѣчка, а люди на емъ; бѣготня, суета. Вотъ какъ пламя то дошло до пороха.... ттрахъ!... и разлетѣлся корабль со всѣми своими людьми. Какъ взглянулъ я наверхъ, а тамъ... и Боже мой! Бревна, бочки, пушки, люди—все летитъ вверхъ.

— А что, страшно было?—спрашиваетъ кто-то изъ толпы.

— Ничего не страшно; развѣ только спервоначала. А какъ станетъ врагъ палить, да наши валиться, то словно остервенѣешь; такъ бы на него и полѣзъ. А потомъ привыкнешь, и вовсе не страшно.

Пока Россія радовалась и ликовала, дипломаты находились въ унынiи. Они предвидѣли что послѣдствіемъ Синопской побѣды будетъ объявленіе Англіею и Франціею войны Россіи—и не ошиблись.

Въ настоящее время можно сказать навѣрное, что съ ясно опредѣленной цѣлію предприняла войну 1853 г. только одна изъ трехъ враждебныхъ намъ державъ, Эта держава Англія [1]). Ея задачей было уничтоженіе нашего черноморскаго флота. Этотъ флотъ былъ постоянною угрозою для Турціи. При сѣверномъ вѣтрѣ, въ два дня, онъ могъ быть перенесенъ изъ Севастополя въ Босфоръ [2]). Не обращая вниманія на турецкія батареи, подъ огнемъ которыхъ ему предстояло проплыть всего нѣсколько минутъ, этотъ флотъ легко могъ высадить десантъ на европейскій берегъ. Опираясь на свои корабли, русская армія могла бы занять незащищенныя высоты, господствующія надъ Константинополемъ, пока флотъ, обстрѣливая Босфоръ, про-

[1]) Богдановичъ.

[2]) Таковъ былъ планъ Императора Николая, отмѣненный по настоянію Нессельроде.

рывался бы къ Золотому Рогу и осыпалъ своими гранатами Стамбулъ.

Англія, заручившись союзомъ съ Франціею, долгое время, какъ мы видѣли, маскировала свои дѣйствія. Ей не было разсчета рисковать пока своимъ флотомъ.

На вопросъ Россіи, какого образа дѣйствій Англія будетъ держаться, англійское правительство отвѣчало, что Англія не желаетъ воевать съ Россіею... Только въ томъ случаѣ если послѣдуетъ съ русской стороны нападеніе на одинъ изъ турецкихъ портовъ въ Черномъ морѣ, англійская эскадра защититъ турецкіе порты отъ наступленія русскихъ. Такимъ образомъ на нашъ флотъ наложенъ былъ запретъ, имѣвшій цѣлію парализовать его дѣятельность.

Англичане очень хорошо знали, что національное достоинство русскихъ не дозволитъ имъ принять этотъ запретъ во вниманіе; и не только національное достоинство, но и простой разсчетъ. Возможно ли было требовать отъ черноморскаго флота, чтобы онъ бездѣйствовалъ, допуская турокъ творить всяческія беззаконія: снабжать оружіемъ и порохомъ нашихъ враговъ черкесовъ, продовольствовать турецкую армію въ М.-Азіи, доставлять ей подкрѣпленія, высаживая десантъ въ тылу нашей пограничной арміи на нашемъ кавказскомъ берегу и наконецъ, нападать на наши суда. Нѣтъ сомнѣнія что западныя державы только потому и наложили запретъ на черноморскій флотъ, что, по ихъ убѣжденію, исполненіе этого запрета было невозможно. Въ случаѣ же нарушенія запрета, Англія имѣла благовидный поводъ вступиться за турокъ. Такимъ поводомъ оказалась Синопская битва. Весьма возможно, что съ этой именно цѣлію турецкій флотъ былъ выдвинутъ впередъ, въ Черное море, гдѣ и на-

шелъ себѣ погибель. Словомъ, Англія открыла свои карты.

Въ дѣлѣ Севастопольской обороны, имена Нахимова и Корнилова такъ тѣсно связаны между собою, что говоря объ одномъ, нельзя не упомянуть о другомъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ двухъ знаменитыхъ адмираловъ, мы познакомимъ читателя съ личностью Корнилова.

Трудно начать говорить о человѣкѣ, не сказавъ ничего о томъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ привыкли его видѣть. Во всеоружіи, какъ вышла Минерва изъ головы Юпитера, никто не родится. Родители, наставники, учители, всѣ эти лица имѣютъ большее или меньшее вліяніе на развитіе человѣка. Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ принадлежалъ къ той счастливой семьѣ моряковъ нашихъ, которымъ выпало на долю начать службу въ школѣ Лазарева, и говоря о Корниловѣ, трудно не обратиться мысленно къ его наставнику, преемникомъ котораго онъ сдѣлался впослѣдствіи.

Изъ незабвенныхъ услугъ отечеству М. П. Лазарева, самая великая, и по истинѣ безсмертная заслуга состояла конечно въ томъ, что онъ умѣлъ передать духъ, жившій въ немъ, людямъ имъ избраннымъ; что онъ образовалъ цѣлую семью людей составившихъ честь и славу нашего флота.

Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, сынъ заслуженнаго моряка, родился въ 1806 г. въ родовомъ имѣніи Тверской губерніи. Выпущенный изъ морского корпуса въ 1823 г., Корниловъ попалъ въ разрядъ свѣтскихъ молодыхъ людей и сильно увлекся столичными удовольствіями. Сначала онъ былъ прикомандированъ къ

гвардейскому экипажу, но оставался въ немъ не долго. По ходатайству отца, ему удалось попасть въ эскадру, назначенную къ отплытію въ Англію, на корабль «Азовъ» подъ командою Лазарева. Это обстоятельство совершило переломъ въ характерѣ Корнилова и послужило основаніемъ его дальнѣйшей карьеры. Лазареву конечно не понравилось легкомысленное отношеніе молодого моряка къ жизни, постоянное чтеніе французскихъ романовъ и небрежность къ службѣ. Но съ свойственной ему прозорливостью, Лазаревъ тотчасъ же замѣтилъ даровитость молодого мичмана и рѣшился перевоспитать его, подвергая строгимъ взысканіямъ за малѣйшее упущеніе.

Корниловъ совсѣмъ упалъ духомъ и хотѣлъ, было, проситься о переводѣ на другой корабль, какъ вдругъ Лазаревъ потребовалъ его къ себѣ для объясненій. Послѣ этого объясненія, Корниловъ побросалъ всѣ свои французскіе романы за бортъ и принялся за техническія морскія и другія серьозныя книги изъ капитанской библіотеки. Скоро во взглядахъ и привычкахъ молодого мичмана совершился переворотъ, сдѣлавшій изъ него другого человѣка.

Когда Лазаревъ въ 1832 г. сдѣлался начальникомъ штаба Черноморскаго флота, онъ перевелъ къ себѣ понемногу своихъ любимыхъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился и Корниловъ. Владиміръ Алексѣевичъ пріобрѣлъ уже репутацію трудолюбиваго и ученаго офицера, ему поручено было составить описаніе Босфора съ его укрѣпленіями. Въ то время Порта, недавно спасенная Россіею отъ гибели, свободно допускала наши суда въ проливы; и всякій разъ, когда комадиръ Черноморскаго флота поднималъ свой флагъ, Корниловъ назначался къ нему въ начальники штаба.

Въ 1840 году заложенъ былъ въ Николаевѣ по
надзоромъ Корнилова кораблъ «Двѣнадцать Апос
ловъ», который во всемъ Черноморскомъ флотѣ имѣ
только одного соперника: «Силистрію» подъ коман
Нахимова. Оба корабля были доведены ихъ коман
рами до безусловнаго совершенства.

По примѣру великаго своего учителя, Корнило
щадилъ самолюбіе своихъ подчиненныхъ, оказывая и
довѣріе и предоставляя просторъ ихъ иниціати
Часто послѣ ученія, онъ призывалъ на ютъ оф
церовъ, поочереди, и указывалъ въ деликатной фор
сдѣланныя ими ошибки. Иногда въ разговорѣ, ад
миралъ разсказывалъ какой нибудь случай изъ морск
жизни прежнихъ временъ, и сравнивая прежніе
рядки съ нынѣшними, дѣлалъ такіе ловкіе намеки,
каждый, кого они касались, моталъ себѣ на ус
старался исправить погрѣшности. При такихъ усл
яхъ, служба на «Двѣнадцати Апостолахъ» была
многихъ хорошею школою. Корниловъ также как
Нахимовъ держался убѣжденія, что одного страха
достаточно, чтобы вліять на подчиненныхъ. Въ то вре
когда господствовала суровость и даже жестокость
обращеніи съ матросами, Корниловъ стремился за
нить тѣлесное наказаніе другими, дѣйствующими
нравственную природу человѣка.

Въ 1846 г. въ чинѣ капитана 1 ранга, Корнило
былъ посланъ въ Англію для заказа нѣсколькихъ
роходовъ для Чернаго моря. Изучая съ юношес
пылкостью новѣйшія усовершенствованія механик
всего относящагося до морского дѣла, Корниловъ в
нулся въ 1848 г. съ большимъ запасомъ разнородны
свѣдѣній. Чувствуя въ себѣ много силъ и способ
стей, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ приложить свои с

дѣнія къ дѣлу и потому очень былъ недоволенъ производствомъ въ контръ-аъмиралы, съ назначеніемъ состоять по особымъ порученіямъ при главномъ командирѣ съ правомъ голоса въ общемъ присутствіи Черноморскаго интендантства. Для его кипучей натуры, обязанность, не налагавшая прямой отвѣтственности, казалась бездѣйствіемъ, и не смотря на вниманіе постоянно оказываемое ему Лазаревымъ, новый родъ службы былъ до того не во вкусѣ Корнилова, что онъ сталъ помышлять объ отставкѣ. Скоро горизонтъ его расширился. Назначенный въ 1849 г. 23 апрѣля исправляющимъ должность начальника штаба Черноморскаго флота и портовъ, онъ имѣлъ возможность примѣнить къ дѣлу всю свою энергію.

Несмотря на то, что моряки давно уже ожидали этого назначенія, всѣ были поражены необыкновенною способностью къ управленію, которую выказывалъ Корниловъ въ новомъ яркомъ свѣтѣ. Всѣ тѣ, которыхъ онъ опередилъ, и даже бывшіе его начальники увидали ясно, что имѣютъ дѣло не съ новичкомъ, а съ опытнымъ начальникомъ, которому извѣстны всѣ подробности дѣла. Находясь на этомъ посту, Корниловъ оказалъ въ воспитательномъ отношеніи громадную пользу для морской молодежи.

Весьма естественно, что такое направленіе начальника штаба возвысило его еще больше въ глазахъ благороднаго Михаила Петровича; и Корниловъ, дѣятельность котораго всегда усиливалась, когда онъ видѣлъ, что ему оказываютъ довѣріе, трудился, почти не зная отдыха. Проводя отъ четырехъ до пяти часовъ въ день въ штабѣ, онъ рано утромъ принималъ доклады, и часто до поздней ночи работалъ въ кабинетѣ.

Многостороннія кабинетныя занятія Корнилова въ Николаевѣ не мѣшали ему часто посѣщать Севастополь. Любя всей душою морское дѣло, онъ говорилъ, что отдыхаетъ на палубѣ корабля.

Когда отрядъ крейсеровъ возвращался на Севастопольскій рейдъ, Корниловъ дѣлалъ осмотръ всѣмъ судамъ до мельчайшихъ подробностей; снимался съ якоря, устраивалъ тревогу, перемѣну парусовъ во время боя, вызывалъ абордажныя партіи, требовалъ со всего отряда гребныя суда съ десантомъ, словомъ—производилъ настоящій экзаменъ, который доставлялъ ему возможность оцѣнивать познанія и распорядительность старшихъ и исполнительность младшихъ. Понимая, что привести всѣ суда къ совершенству въ боевомъ отношеніи можно только при однообразномъ обученіи матросовъ, Корниловъ ввелъ на всѣхъ судахъ практикуемое на «Двѣнадцати Апостолахъ» артиллерійское ученье со всѣми усовершенствованіями.

Сознавая необходимость пополнить Черноморскій флотъ паровыми судами, которыя уже имѣлись заграницей въ значительномъ количествѣ, Корниловъ представилъ записку объ этомъ предметѣ. Записка не прошла безслѣдно. Для Чернаго моря немедленно была предписана закладка нѣсколькихъ винтовыхъ кораблей, но они не поспѣли во время. Гроза разразилась раньше, чѣмъ ожидали, и Черноморскому флоту пришлось спѣть лебединую пѣсню.

Во время пребыванія Государя Императора въ Севастополѣ, въ 1852 г. Корниловъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Тогда-же, онъ и Нахимовъ произведены въ вице-адмиралы.

Въ томъ же году, находясь при чрезвычайномъ

Вице-Адмиралъ В. А. КОРНИЛОВЪ.

посольствѣ князя Меньшикова въ Константинополѣ, Корниловъ былъ отправленъ на пароходѣ Бессарабія въ Аѳины и, на пути изъ Чернаго моря въ Эгейское, могъ провѣрить свою опись, сдѣланную 20 л. назадъ. Съ настойчивостью достойною лучшаго дѣла кн. Меньшиковъ утверждалъ, что считаетъ для нашего флота невозможнымъ высадить десантъ у входа въ Босфоръ и прорваться сквозь проливъ до Золотого Рога, тогда какъ враги наши считали такія дѣйствія возможными и ожидали ихъ.

Тѣмъ временемъ крейсеры, которыми по плану Корнилова было оцѣплено все Черное море, доставили отъ разныхъ встрѣчныхъ судовъ свѣдѣнія, что предметомъ первыхъ дѣйствій турокъ будетъ кавказскій берегъ съ его враждебными намъ горцами. Дѣйствительно, уже съ начала 1853 года началось искусственное возбужденіе турецкими эмиссарами кавказскихъ горцевъ и распространеніе между ними толковъ о войнѣ между Россіею и Турціею. Въ сентябрѣ, вслѣдствіе усиленнаго броженія умовъ среди кавказскихъ горцевъ, а также по заявленію кн. Воронцова о недостаточности ввѣренной ему арміи въ случаѣ войны съ турками, состоялся переводъ 13-ой дивизіи на Кавказъ.

11-го октября, какъ извѣстно читателю, эскадра Нахимова оставила Севастополь, и въ тотъ же день началась война на Дунаѣ. Турецкія укрѣпленія близъ Исакчи открыли огонь по русской флотиліи крейсировавшей на Дунаѣ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ дѣлѣ въ Одессѣ. Кн. Меньшиковъ и Корниловъ возвратились немедленно въ Николаевъ. Рѣшено было, что Владиміръ Алексѣевичъ отправится въ Севастополь, извѣститъ начальниковъ эскадръ, и принявъ мѣры къ охранѣ города,

съ четырьмя пароходами произведетъ рекогносцировку турецкихъ береговъ.

23-го октября Корниловъ на пароходѣ «Владиміръ» снялся съ якоря въ сопровожденіи четырехъ пароходовъ; а 26-го, почти у входа въ Босфоръ, наткнулся на турецкую эскадру, о чемъ тотчасъ же далъ знать кн. Меньшикову въ Одессу. Вернувшись 28-го числа въ Севастополь и принявъ командованіе эскадрой бывшей подъ флагомъ Новосильскаго, Корниловъ издалъ приказъ, который заканчивался слѣдующими словами: «Дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу, и на самое близкое разстояніе, по моему самая лучшая тактика».

На другой же день Корниловъ снова отплылъ въ море съ эскадрою въ пять кораблей, но турки уже исчезли. Между тѣмъ отъ встрѣчнаго купеческаго судна адмиралъ узналъ, что не задолго передъ этимъ вышли изъ Босфора три турецкихъ парохода. Поручивъ эскадру Новосильскому и отправивъ ее на соединеніе съ Нахимовымъ, Корниловъ на пароходѣ «Владиміръ» поспѣшилъ впередъ. Война была уже объявлена и стѣснительный приказъ «отражать», а не «нападать» отмѣненъ.

5-го ноября Корниловъ, направляясь на соединеніе съ Нахимовымъ, увидалъ вдали шесть большихъ судовъ и принялъ ихъ сначала за эскадру Нахимова. Но тутъ же на болѣе близкомъ разстояніи показался большой непріятельскій пароходъ. Корниловъ немедленно пустился за нимъ въ погоню и послѣ четырехчасоваго преслѣдованія нагналъ его. Непріятельскій пароходъ оказался турецко-египетскимъ «Первазъ-Бахри» (морской вьюнъ), въ 220 силъ съ десятью орудіями большого калибра. Послѣ двухчасового боя, «Вла-

диміръ» перебилъ у «Первазъ-Бахри» половину команды, убилъ капитана и принудилъ его спустить флагъ. На русскомъ пароходѣ, возлѣ самого Корнилова былъ убитъ адъютантъ его Желѣзновъ и одинъ гарнистъ; ранено трое нижнихъ чиновъ. Это была первая наша побѣда на морѣ, первое сраженіе между двумя колесными пароходами.

Между тѣмъ видѣнные вдали шесть судовъ исчезли. Впослѣдствіи оказалось, что это была та самая эскадра, которая шла въ Синопъ.

Всю ночь провозившись съ призомъ сильно перебитымъ, Корниловъ отправилъ его въ Севастополь; но скоро и самъ долженъ былъ послѣдовать за нимъ; на «Владимірѣ» не доставало угля.

За границей не вѣрили побѣдѣ «Владиміра» и указывали на русскую реляцію объ этомъ дѣлѣ, какъ на образецъ оффиціальной лжи.

Извѣстіе объ открытіи турецкой экадры въ Синопѣ было привезено въ Севастополь 12-го ноября двумя кораблями, отправленными Нахимовымъ для починки. Словно ироніею судьбы, Корниловъ, такъ неустрашимо гонявшійся среди бушующихъ штормовъ за турецкими судами по всему Черному морю и первый открывшій ихъ появленіе, былъ въ то время въ Николаевѣ. Онъ вернулся только 17-го ноября, и въ тотъ же день на пароходѣ «Одесса», въ сопровожденіи пароходовъ «Крымъ» и «Херсонесъ» полетѣлъ на всѣхъ парахъ къ Синопу.

Читатель уже знаетъ, какъ сердечно встрѣтились адмиралы, и что произошло потомъ. Не поспѣвъ къ началу драмы, Корнилову посчастливилось видѣть ея эпилогъ. Поздно вечеромъ на пароходѣ «Громоносецъ»

Корниловъ вошелъ въ Севастополь, и скоро рейд
огласился радостными кликами.

И вотъ,—не прошло двухъ лѣтъ со времени этог
знаменательнаго событія и оба адмирала, украшені
и гордость Черноморскаго флота, пали въ неровно
борьбѣ съ врагомъ; а корабли, такъ побѣдоносно спо
ривше съ бурями, такъ радостно летѣвшіе въ бой, по
топлены въ родномъ портѣ, родными руками. Отчуж
денные отъ своего званія, Черноморцы прославилис
доблестью на иномъ поприщѣ... Исчезъ Черноморскі
флотъ, но память о немъ живетъ въ сердцахъ народа
и его доблестные подвиги, начертанные на скрижалях
исторіи, не изгладятся никогда!

Буря, разыгравшаяся въ Англіи послѣ Синопскаг
разгрома, ясно обнаружила побужденія, которыми ру
ководствовалась эта держава, объявивъ войну Россіи
Эти побужденія коренились въ притязаніяхъ всемір
наго господства надъ морями, особенно над
Средиземнымъ моремъ. Черноморскій флотъ был
приговоренъ къ смерти единственно потому, что Вели
кобританія усмотрѣла въ немъ помѣху своимъ притя
заніямъ. Наполеонъ III сыпалъ трескучими фра
зами: «Мы идемъ защищать право христіанъ, сво
боду морей и наше справедливое вліяніе на Сре
диземномъ морѣ», какъ будто этому вліянію Россі
угрожала болѣе, чѣмъ Англія съ ея могущественным
флотомъ и Гибралтаромъ. Но Наполеону нужно был
пустить пыль въ глаза, чтобы поддержать свое обая
ніе и упрочить престолъ.

Утромъ 25-го декабря впервые подошелъ къ Сева
стополю Англійскій пароходъ «Retribution» съ депе
шами изъ Константинополя. Вслѣдствіе сильнаго ту
мана пароходъ не сразу былъ замѣченъ. Онъ успѣл

подойти такъ близко, что пока принимались депеши и доставлялись росписки, офицеры «Retribution» успѣли довольно подробно осмотрѣть Севастополь и средства его обороны. Выводъ изъ этого осмотра былъ слѣдующій: овладѣть Севастополемъ съ моря невозможно, но при помощи десанта, съ сухого пути овладѣть имъ не трудно. Это мнѣніе и послужило впослѣдствіи основаніемъ плана осады Севастополя.

Замыслы непріятеля угадать было легко. Поэтому согласно распоряженію Меньшикова сдѣлана была дисцозиція судовъ и приняты мѣры къ оборонѣ порта съ сухого пути.

2-го января 1854 г. вице-адмиралъ Нахимовъ вступилъ въ командованіе судами, стоявшими въ боевой позиціи въ глубинѣ рейда для защиты Севастополя, а оборона порта съ сухого пути поручена была вице-адмиралу Станюковичу. Корниловъ, какъ начальникъ штаба, имѣлъ высшій надзоръ за всѣмъ, относящимся до обороны Севастополя съ моря и съ суши,

По объявленіи намъ войны Англіею и Франціею союзная армада вступила въ Черное море. Матеріальное превосходство непріятеля состояло въ огромномъ количествѣ паровыхъ судовъ; и несмотря на это, наши моряки герои рвались въ открытый бой съ врагомъ. Къ несчастію случая не представлялось. Союзники такъ громко кричавшіе о негодности нашего флота, явились сами въ Черное море цѣлою армадою и не показывались иначе близь Севастополя, какъ въ двойномъ противъ насъ количествѣ и въ безвѣтріе, или при противномъ вѣтрѣ, когда парусныя суда наши обречены были на бездѣйствіе. Пароходы ихъ, мелькая иногда на горизонтѣ, не рисковали подходить близко и стре-

мительно убѣгали отъ судовъ нашихъ, которыя не разъ гнались за ними.

Когда кн. Меньшикову понадобилось вывести войска, чтобы обезпечить сообщеніе Севастополя съ Россіею, онъ поручилъ защиту города Корнилову.

Горячо принялся Корниловъ за дѣло. День и ночь свозились орудія и снаряды съ кораблей, заготовлялись склады и депо, устраивались способы сообщеній. Въ нѣсколько дней воздвиглась громадная защита города. Нѣсколько тысячъ человѣкъ были заняты день и ночь земляными работами. Батареи росли и покрывались сотнями орудій. Непріятель, обходя Севастополь съ востока, не мало удивился, увидавъ словно изъ подъ земли выросшія укрѣпленія, снабженныя орудіями самого большого калибра.

Наступленіе весны дало возможность заняться оборонительными работами и съ сухого пути. Для ускоренія работъ отряжалось, поочередно, по тысячѣ человѣкъ матросовъ. Къ нимъ въ помогу Корниловъ велѣлъ освободить арестантовъ. Онъ хорошо зналъ душу русскаго человѣка. Онъ зналъ, что въ ту минуту, когда отечество въ опасности, русскій человѣкъ способенъ забыть свои интересы и самого себя. Какова-бы ни была нравственная окраска разныхъ лицъ, любовь къ родинѣ уравниваетъ всѣхъ.

Необычайная энергія Корнилова въ это время поражала всѣхъ очевидцевъ. Слабый и болѣзненный вообще, онъ предавался такимъ трудамъ, которые бывали не подъ силу людямъ во цвѣтѣ лѣтъ. Адмиралъ вставалъ въ шестомъ часу утра и черезъ полчаса начиналъ пріемъ лицъ, являвшихся съ разныхъ сторонъ за распоряженіями. Въ 8 часовъ онъ садился на коня и ѣхалъ осматривать оборонительныя ра-

боты. Весь день проходилъ въ лихорадочной дѣятельности. Въ случаѣ тревоги, иногда приходилось вставать даже ночью и спѣшить куда требовалось. Каковы бы ни были обстоятельства, Корниловъ не терялъ самообладанія. Тамъ, гдѣ другіе смущались и падали духомъ, онъ дѣйствовалъ. Жертвовать жизнью готовы были всѣ, но взять на свои плечи бремя отвѣтственности пришлось ему одному.

Владиміръ Алексѣевичъ не упускалъ случая выказать свое уваженіе Нахимову. Онъ часто обращался къ нему за совѣтомъ, раза два въ недѣлю, не смотря ни на какую погоду, ѣздилъ къ нему на корабль, или посылалъ своихъ флагъ-офицеровъ. Съ своей стороны Нахимовъ постоянно просилъ Корнилова не стѣсняться тѣмъ, что онъ, Нахимовъ, старшій на рейдѣ, и распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Находились услужливые люди, которые старались поссорить адмираловъ, но это оказалось невозможнымъ. Они оба слишкомъ горячо любили службу, слишкомъ свято понимали свой долгъ для того, чтобы изъ за пустого тщеславія не помогать другъ другу въ общемъ дѣлѣ—пользѣ и чести Россіи.

Въ концѣ Марта 1854 г. Севастополь былъ уже въ полной мѣрѣ исправный военный портъ. Все было обдумано, предусмотрѣно; противъ всего приняты мѣры. Даже часовые на судахъ стояли ночью съ заряженными ружьями.

Праздникъ Пасхи былъ проведенъ въ Севастополѣ, какъ говорится, на чеку. Получено было извѣстіе, что сильный непріятельскій флотъ появился въ виду Одессы. Можно было ожидать, что непріятель явится внезапно, надѣясь застать русскихъ врасплохъ въ этотъ торжественный для православныхъ день. Дѣй-

ствительно, начиная съ 17 Апрѣля и втеченіе всего лѣта, непріятельскія суда показывались въ виду Севастополя, но въ наступленіе не переходили.

Къ 1 Сентябрю (1854) на Севастопольскомъ рейдѣ стоялъ флотъ изъ 14 кораблей, 7-ми фрегатовъ, одного корвета, двухъ бриговъ и 11-ти пароходовъ, не считая тѣхъ, которые оберегали нѣкоторые пункты Черноморскаго побережья. Съ сухого пути Севастополь былъ охваченъ сплошнымъ кольцомъ укрѣпленій. Нѣсколько башенъ, построенныхъ на возвышенности, могли обстрѣливать большое пространство.

Въ десятомъ часу утра 1-го Сентября показались на горизонтѣ два корабля, и за ними густой дымъ отъ множества пароходовъ. Около полудня городской телеграфъ далъ знать, что союзный флотъ идетъ съ дессантомъ. Кн. Меньшиковъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи войскъ на рѣкѣ Альмѣ, Нахимовъ поднялъ сигналъ: приготовиться къ походу. Въ 6 ч. вечера насчитывалось непріятельскихъ судовъ 106, и все подходили и подходили. Въ половинѣ девятаго вечера изъ Евпаторіи дано было знать, что непріятельскій флотъ сталъ на якорь.

Утромъ 2-го Сентября видны были на сѣверѣ непріятельскія суда. Они производили между Альмою и Лукулломъ фальшивую высадку. Всѣ наши пароходы развели пары, а батареи затопили ядрокалильныя печи. Но непріятель поворотилъ назадъ къ дѣйствительному мѣсту высадки между Евпаторіею и Кантуганомъ. Весь день былъ штиль, благопріятствовавшій высадкѣ.

5-го Сентября французскій корветъ, на которомъ усмотрѣли генерала со штабомъ, осматривалъ устье рѣки Альмы. Суда, доставившія дессанты, ушли въ

море. Можно было ожидать, что союзные адмиралы, покончивъ съ десантомъ, предпримутъ что нибудь ночью противъ Севастополя. Поэтому три парохода высланы были для наблюденій.

Въ 8 ч. утра непріятельскій флотъ двинулся къ устью рѣки Альмы. Въ то же время союзная армія направлялась берегомъ моря къ югу. На слѣдующій день, 8-го Сентября, разыгралось Альминское сраженіе, кончившееся неудачно для русскихъ. Потеря была значительна. Всю ночь отъ южной бухты на гору къ госпиталю тянулись мрачныя тѣни—люди съ носилками переносившіе раненыхъ.

9-го Сентября, собравъ совѣтъ изъ флагмановъ и капитановъ, Корниловъ объявилъ имъ, что наша армія отступаетъ къ Севастополю, и есть основаніе опасаться, что непріятель займетъ южныя Бельбекскія высоты и, дѣйствуя оттуда на эскадру Нахимова, можетъ сбить ее съ позиціи. Въ такомъ случаѣ облегчится непріятелю входъ на рейдъ и геройское сопротивленіе не спасетъ Черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. Поэтому Корниловъ предлагалъ выйти въ море и атаковать врага, столпившагося у Лукулла. Онъ разсчитывалъ, что при счастіи можно разметать непріятельскую армаду, а при неудачѣ—избѣгнуть позорнаго плѣна, имѣя случай взорвать сцѣпившіеся съ нами корабли на воздухъ. Такимъ образомъ, спасая честь русскаго флага, моряки защитили бы своею грудью и родной портъ, т. к. союзный флотъ, обезсиленный гибелью большей части кораблей, не дерзнулъ бы атаковать сильныя приморскія батареи Севастополя; а безъ содѣйствія флота союзныя войска были бы безсильны. Наши же войска могли бы укрѣпиться въ Севастополѣ и продержаться до прибытія подкрѣпленій.

Этотъ геройскій проэктъ не встрѣтилъ сочувствія. Только немногіе изъ собравшихся робко выразили согласіе. Большинство молчало. Нѣкоторые обдумывали проэктъ, о которомъ и раньше поговаривали въ Севастополѣ: затопить корабли у входа на рейдъ. Но какъ рѣшиться на эту жестокую мѣру! Запрудить портъ и запереться въ немъ безвыходно, не значило ли признать свое безсиліе; не значило ли отказаться отъ званія моряка? А это званіе было такъ дорого Черноморцамъ! Своей любовью къ дѣлу, своимъ единодушнымъ содѣйствіемъ, благороднымъ усиліямъ незабвенныхъ начальниковъ, они довели свои корабли до высокаго совершенства; могли по справедливости гордиться своимъ созданіемъ. И вдругъ, когда оно выросло и окрѣпло, надлежало принести его въ жертву, надлежало своими руками потопить въ волнахъ родимаго порта эти прекрасные корабли... Такое дѣйствіе походило на самоубійство!

Когда одинъ изъ капитановъ высказалъ необходимость затопить старѣйшіе по службѣ корабли въ фарватерѣ и обратить людей на подкрѣпленіе гарнизона, у многихъ на глазахъ навернулись слезы. Корниловъ съ негодованіемъ отвергъ этотъ проэктъ и закончилъ совѣщаніе слѣдующими словами: «Готовьтесь къ выходу. Будетъ данъ сигналъ, кому что дѣлать».

Распустивъ совѣтъ, Корниловъ явился къ Меньшикову и сообщилъ ему свой проэктъ. Онъ объяснялъ ему выгоды боя подъ самымъ огнемъ нашихъ укрѣпленій; говорилъ, что даже въ случаѣ пораженія, русскій флотъ, благодаря этому огню, всегда успѣетъ укрыться отъ непріятеля въ Севастопольской бухтѣ, и что служить подводною преградою разстрѣленныя суда также годны какъ и цѣлыя. Меньшиковъ рѣшительно

воспротивился этому предложенію и приказалъ затопить фарватеръ. Въ отчаяніи, Корниловъ рѣшился объявить своему начальнику, что онъ этого не сдѣлаетъ.

— Тогда поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы! — крикнулъ взбѣшенный Меньшиковъ, и велѣлъ позвать адмирала Станюковича.

— Остановитесь! — вскипѣлъ Владиміръ Алексѣевичъ.—Это самоубійство... то, къ чему вы меня принуждаете... Но, чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ... невозможно! Я готовъ вамъ повиноваться...

Грустный и задумчивый взошелъ Владиміръ Алексѣевичъ въ 6 ч. вечера на площадку Морской библіотеки. Съ этой площадки, надъ портикомъ, видны были какъ на ладони рейдъ, взморье и весь городъ; и потому она была превосходнымъ пунктомъ для наблюденій. Вскорѣ, по приказанію Корнилова, надъ библіотекой взвился русскій національный флагъ—сигналъ, что рѣшеніе топить принято безповоротно!

Съ библіотеки Корниловъ поѣхалъ на корабль «Ростиславъ» и приказалъ собраннымъ тамъ командирамъ судовъ, обреченныхъ на жертву, свезти на берегъ что можно втеченіи дня и ночи, а на разсвѣтѣ—срубить мачты и погрузить корабли на дно.

Тяжело было героямъ Синопа и Наварина разстаться съ морскою дѣятельностью для исполненія сухопутной службы. Еще мучительнѣе было имъ пускать ко дну эти грозныя громады, замѣнявшія для нихъ родной очагъ, эти достославные корабли для чести и славы которыхъ, каждый готовъ былъ пожертвовать жизнью. Нѣсколько офицеровъ, горячо преданныхъ морскому дѣлу, пришли просить адмирала,

отвести ударъ, грозившій почетному званію моряка; говорили о невыгодномъ впечатлѣніи, которое произведетъ самозатопленіе на Севастопольцевъ... «Надо покориться необходимости»,—отвѣчалъ Корниловъ.

Семь кораблей обреченныхъ на смерть, поставлены были у входа на рейдъ. Сперва сняли съ нихъ паруса и военные снаряды, потомъ пробили бока. Съ разсвѣтомъ 11 сентября, на мѣстѣ, которое занимали наканунѣ «Сизополь», «Варна» и «Силистрія» плавали обломки рангоута. «Уріилъ» и «Селафаилъ» скоро послѣдовали за своими товарищами. Около 8-ми часовъ волны поглотили «Флору». Но корабль «Три Святителя» долго еще томился; словно не хотѣлось ему принимать смерть отъ своихъ. «Не черноморской волнѣ топить его». — «Волна отъ него бѣжитъ». — «Видно три святителя охраняютъ его!»—говорили моряки, глядя съ ужасомъ на эту сцену. Многіе плакали. Вода лилась въ отверстія, прорубленныя въ подводной части корабля, но ему точно жалко было разстаться съ жизнью. Онъ погружался такъ медленно, что пароходу «Громоносецъ» приказано было бросить нѣсколько ядеръ въ подводную часть корабля и тѣмъ ускорить его агонію. Заметался несчастный корабль по волнамъ, словно умирающій на своемъ одрѣ...

Болѣзненно дрогнули сердца моряковъ; матросы плакали навзрыдъ.. Когда въ первомъ часу дня волны разступились и, поглотивъ корабль, запѣнились надъ его могилой, Корниловъ обратился къ сослуживцамъ своимъ съ слѣдующей теплою рѣчью:

«Товарищи! Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ. Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобы наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ завѣтной

Затопленіе кораблей въ Севастопольской бухтѣ.

мысли разразить врага на водѣ! Мы нужны для защиты города. Главнокомандующій рѣшилъ потопить старые корабли, чтобы они временно преградили входъ на рейдъ, а свободная команда усилитъ войска. Грустно уничтожать свой трудъ, но надо покориться необходимости. Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла; напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ. Конечно онъ и теперь готовитъ вѣрному его народу такую-же участь».

Со времени потопленія судовъ, вся дѣятельность Корнилова сосредоточилась на укрѣпленіяхъ Севастополя. Благодаря Корнилову и Нахимову, при содѣйствіи Тотлебена, къ 5 октября Севастополь съ сухого пути былъ уже приведенъ въ такое положеніе, что первое бомбардированіе могло быть выдержано съ успѣхомъ. Всѣ жили въ постоянномъ ожиданіи штурма. Каждый день дѣлались къ нему приготовленія. Въ одномъ изъ приказовъ Корниловъ напомнилъ товарищамъ, что отступленія не будетъ: «О сдачѣ нечего и думать, говорилъ онъ. Если вамъ кто нибудь скажетъ моимъ именемъ, что нужно сдаваться, разстрѣляйте того какъ измѣнника. Если я самъ прикажу сдаться, разстрѣляйте и меня».

Севастополь, расположенный на скалистомъ холмѣ, постепенно возвышающемся отъ берега рейда, раздѣленъ Севастопольскою бухтою на двѣ половины: Сѣверную и Южную. Отъѣзжая къ войскамъ, кн. Меньшиковъ поручилъ оборону сѣверной стороны Корнилову, а южной — Нахимову. И здѣсь герой Синопа остался вѣренъ себѣ. Онъ объявилъ Меньшикову, что не признаетъ себя хорошимъ сухопутнымъ генераломъ и готовъ подчиниться младшему въ чинѣ, лишь бы

командованіе находилось въ надежныхъ рукахъ. По счастью эта просьба не была уважена.

Убѣдившись, что князь не измѣнитъ своего рѣшенія, Нахимовъ объѣхалъ ввѣренныя ему позиціи. Выходъ въ море былъ запертъ; о морскомъ сраженіи нечего было и думать; для сухопутной обороны войска было мало. Оставалось только съ честью умереть!...

Такого же мнѣнія былъ и Корниловъ. Бесѣдуя съ однимъ изъ офицеровъ, онъ выразился такъ: «Съ сѣверной стороны ретирады нѣтъ; всѣ мы, кто туда попалъ, ляжешъ на вѣки... Смерть не страшитъ меня, а безпокоитъ одно только: если ранятъ... не въ состояніи будешь защищаться... возьмутъ въ плѣнъ.... На вопросъ, не прикажетъ ли онъ и флагъ-офицерамъ перебраться на сѣверную, Корниловъ отвѣчалъ: «Я бы не хотѣлъ, чтобы со мною и васъ всѣхъ перебили. Я укажу мѣсто, гдѣ кому быть».

Рано утромъ, духовенство съ образами, хоругвями и крестами совершило крестный ходъ по всей оборонительной линіи. На дистанціяхъ служились молебны и войска окроплялись Св. водою. «Пусть войска услышатъ сперва слово Божіе, а потомъ я передамъ имъ слова царскія», говорилъ Корниловъ.

Послѣ молебна, адмиралъ, одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою, объѣзжалъ войска и говорилъ съ ними: «Ребята, Царь велѣлъ намъ стоять грудью за Севастополь. Объ отступленіи нечего и думать; тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду».

Пріободрились матросы да солдатики и крикнули ему: «Не сдадимъ Севастополя, постоимъ за родную землю, ура!». Тотъ, кто видѣлъ ихъ воодушевленныя

лица и слышалъ восторженные клики, тотъ конечно никогда этого не забудетъ.

Вокругъ Малахова кургана строились укрѣпленія. Работало тысячи двѣ человѣкъ. Но этого было недостаточно; приходилось спѣшить. Корниловъ приказалъ звонить въ набатъ. Со всѣхъ сторонъ повалилъ перепуганный народъ. «Что случилось?»

— «Ступайте на Малаховъ, всѣмъ дѣло есть».

Толпа хлынула на укрѣпленіе; старики, женщины, дѣти. Закипѣла работа; продолжалась она и ночью, съ фонарями. Приляжетъ кто нибудь не надолго, и опять за работу. Добровольцевъ работниковъ явилось до шести тысячъ; сколько ни было въ городѣ лошадей, телѣгъ, лопатъ, все было тутъ, на Малаховѣ. Одну батарею цѣликомъ устроили женщины; такъ и звали ее потомъ «бабьей».

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о той роли, которую играли женщины въ періодъ 11-ти мѣсячной осады Севастополя. Русская женщина, когда случится ей возвыситься надъ обыденной суетою, когда исключительныя обстоятельства вырвутъ ее изъ вихря мелочныхъ заботъ и хлопотъ—представляетъ поистинѣ высокое явленіе. Сколько женщинъ различнаго званія и состоянія, богатыя и бѣдныя, все покинули и поспѣшили на дѣло Божіе. Свято исполняя трудныя обязанности сестеръ милосердія, онѣ не щадили себя. День и ночь работали сестры на перевязочномъ пунктѣ, почти не зная отдыха. Присутствуя при операціяхъ, видя смерть на каждомъ шагу, сестры обнаруживали присутствіе духа въ такіе моменты, когда врачи мущины, посѣдѣвшіе въ своей профессіи, едва могли владѣть собой. Утомленіе сестеръ въ эти достопамятные дни доходило до высочайшей степени. На короткое время,

урывками, онѣ могли предаваться отдыху, но и этотъ отдыхъ зачастую нарушался лопаньемъ бомбъ и стонами вновь приносимыхъ раненыхъ. Перевязочный пунктъ, устроенный въ дворянскомъ собраніи, оказался вскорѣ не безопаснымъ. Ядра и бомбы начали сильно угрожать зданію. По близости падали каленыя ядра. Когда рѣшено было перевести раненныхъ изъ дворянскаго собранія въ Николаевскую батарею, сестра Бакунина оставалась въ обстрѣливаемомъ зданіи до тѣхъ поръ, пока всѣ раненые не были выведены. Самоотверженіе сестеръ милосердія не обошлось безъ жертвъ: многія заразились тифомъ и умерли. Сестра Будбергъ получила контузію въ лѣвое плечо осколкомъ бомбы, провожая одного раненаго на перевязочный пунктъ. Она же и сестра Смирнова были контужены осколками стеколъ на батареѣ, разбившимися отъ взрыва шаланды, начиненной порохомъ. Сестра Смирнова при этомъ едва не лишилась зрѣнія, а сестра Будбергъ была завалена обломками треснувшаго отъ выстрѣловъ зданія.

Не мало героизма выказали и частныя лица: въ первый день бомбардированія Севастополя одна мать, провожая сына моряка на графской пристани, говорила ему: «Помни, ты долженъ скорѣе пасть, чѣмъ видѣть нашъ городъ въ рукахъ непріятеля». Слова этой благородной женщины глубоко запечатлѣлись въ сердцахъ окружающихъ и быть можетъ не разъ поддерживали ихъ въ трудныя минуты.

Другая мать, вдова, въ письмѣ къ единственному сыну выражалась такъ: «Не щади себя тамъ, гдѣ потребуетъ долгъ и совѣсть. Жизнь человѣческая становится дорога тогда лишь, когда онъ жертвуетъ ею для кого нибудь. Знаю, что ты добрый сынъ, но я

желала бы видѣть въ тебѣ и полезнаго слугу отечества. Буду молиться».

И Богъ услышалъ ея молитвы. Сынъ ея, хотя и раненый, возвратился въ объятія матери.

Жила въ Севастополѣ круглая сирота, дочь матроса. Звали ее Дашей. Когда вышелъ приказъ войскамъ выступать, Даша продала свой скарбъ, что отъ матери остался, и на вырученныя деньги купила лошадь и матросское платье. Забравъ съ собой тряпья для перевязокъ и обрѣзавъ волосы, Даша поѣхала за войскомъ. «Похожу я за ранеными, говорила она. Кому Богъ велитъ, тому и послужу». Когда начиналось сраженіе, Даша останавливалась въ сторонѣ и приготовляла перевязку. Какъ только увидитъ, что падаетъ кто нибудь изъ нашихъ, Даша бѣжитъ, перетащитъ его въ сторонку и перевяжетъ рану. Послѣ битвы, Даша вернулась въ Севастополь и во время всей осады ухаживала за ранеными въ госпиталяхъ. Государь, узнавъ о ея подвигѣ, прислалъ ей тысячу рублей и золотой крестъ. Въ послѣдствіи Даша вышла замужъ за отставного матроса.

Была еще старушка, Прасковья Ивановна Графова. Эта старушка появилась на сѣверной сторонѣ Севастополя въ 1855 г. Говорили, что она пріѣхала изъ Петербурга, оставивъ родныхъ, чтобъ послужить ближнему. Бодрая, веселая, словоохотливая, она сдѣлалась вскорѣ всеобщей любимицей. Дѣятельность ея на Малаховомъ курганѣ была замѣчательна. Въ день штурма она собственными руками перевязала 180 раненыхъ, тогда какъ многіе мущины послѣ 50-ти перевязокъ едва могли дѣйствовать руками. Перевязывая раненаго, Прасковья Ивановна говорила ему: мой голубчикъ, мой родимый, балагурила и ободряла. Легко раненымъ,

послѣ перевязки говорила: «Небойсь, все будетъ ладно; иди на свое мѣсто». Мужественная старушка не терялась подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, увѣренная, что ее не убьютъ, потому что она нужна ближнему. Вечеромъ 27 іюля, бомба упала вблизи Прасковьи Ивановны. «Матушка, прилягь скорѣе наземь, закричалъ ей матросъ; но было уже поздно. Бомбу разорвало и осколками разнесло члены бѣдной старушки.

Однажды при уборкѣ убитыхъ и раненыхъ, пришла пожилая женщина и съ ней двѣ молодицы. Къ разборкѣ павшихъ приставленъ былъ офицеръ. Она ему и говоритъ: «Вамъ со всѣми не управиться, батюшка, такъ пожалуйте мнѣ на домъ человѣкъ десять, или двѣнадцать. Я перевяжу ихъ, а завтра представлю въ госпиталь; своихъ то я схоронила, такъ хоть за этими присмотрю.

Когда послѣ Инкерманскаго сраженія наши войска отступали, и многіе изъ раненыхъ отставали и садились, не имѣя силъ двигаться далѣе, появилась между ранеными старушка матроска съ большимъ горшкомъ, сковородой и вязанкой дровъ. Живо разложила она огонекъ и принялась печь оладьи, утоляя голодъ раненыхъ. Многимъ спасла жизнь эта своевременная помощь, давъ силъ добраться до своихъ. Когда солдаты захотѣли разсчитаться съ благодѣтельной старушкой, она незамѣтно скрылась.

Всѣ старались послужить, кто чѣмъ могъ. На Малаховѣ жили четыре крестьянки, которыя во время перестрѣлки ходили за водой къ колодцамъ и приносили воду раненымъ. Одна такъ и не вернулась, убитая пулею въ грудь.

Были и дѣти на батареяхъ. Одинъ мальчуганъ, лѣтъ шести, прислуживалъ солдатамъ, а другой—двѣ-

надцати, Николай Пищенко, выучился стрѣлять не хуже взрослаго и не мало ядеръ послалъ непріятелю. Когда отца его убили, Николка остался на батареѣ и сталъ самостоятельно распоряжаться небольшими мортирами. Въ короткихъ брюкахъ, въ отцовской курткѣ, доходившей ему до колѣнъ, онъ возился около своихъ орудій, гордо отвѣчая посѣтителямъ: «Мортирами завѣдую и при нихъ умру».

Маленькій герой однакоже не умеръ, а былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и послѣ паденія

Бомбардированіе Севастополя съ моря.
(Снимокъ съ гравюры, находящейся въ Морскомъ Музеѣ).

Севастополя оказался въ 13-ть лѣтъ съ 11-ю годами Царской службы за плечами, такъ какъ по милости Государя Императора геройскимъ защитникамъ Севастополя каждый мѣсяцъ былъ зачисленъ за годъ.

Теперь возвратимся къ разсказу. Время летѣло быстро. Наступилъ наконецъ кровавый день 5-го Октября, день крещенія Севастополя огнемъ и желѣзомъ. Рано утромъ, едва открылась канонада, Корниловъ поскакалъ на 4-ый бастіонъ, ближайшій пунктъ отъ его квартиры. Утро было прекрасное, но мгла, обыкновен-

ная въ этотъ часъ дня, соединившись съ дымомъ выстрѣловъ, совершенно заволокла пространство, отдѣлявшее бастіонъ отъ непріятеля. Съ визгомъ летали снаряды съ трехъ сторонъ и перекрещивались внутри бастіона. Потеря въ людяхъ была уже значительна. Отовсюду слышались стоны. Тѣла убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣвали уносить, валялись вмѣстѣ. Люди нѣсколько оторопѣли съ непривычки; но увидавъ груды тѣлъ, точно остервенились, и начали отстрѣливаться горячо и быстро. Адмиралъ стоялъ на банкетѣ и смотрѣлъ за брустверъ. Покойно и строго было выраженіе его лица; легкая улыбка едва играла на устахъ; глаза свѣтились ярче обыкновеннаго; щеки пылали. Высоко держалъ онъ голову. Сухощавый и нѣсколько согнутый станъ его выпрямился. Онъ весь сдѣлался какъ будто выше ростомъ. Два раза прошелъ онъ быстрыми шагами по всему фронту бастіона, останавливался у орудій, заглядывалъ въ амбразуры и разговаривалъ съ командирами.

Съ 4-го бастіона онъ отправился на 5-ый. Приходилось ѣхать по крутой покатости холма, противъ котораго сверкали вспышки французскихъ выстрѣловъ. Лошади упрямились, пугаясь огня и снарядовъ. Корниловъ принуждалъ свою повиноваться. «Не люблю, когда меня не слушаются»,—пошутилъ онъ. Солдаты провожали его глазами и говорили другъ другу: «Вотъ такъ молодецъ!»

На 5-мъ бастіонѣ находился Павелъ Степановичъ. Съ обычной энергіей, какъ на кораблѣ, распоряжался онъ дѣйствіями, одушевляя людей удачно сказаннымъ словомъ привѣта или одобренія. Оба адмирала довольно долго разговаривали, стоя рядомъ на банкетѣ. Кругомъ нихъ ядра бороздили землю, били въ ла-

феты, въ орудія, въ людей; бомбы разрывались, то на землѣ, то въ воздухѣ. Одно ядро пролетѣвъ около адмираловъ, одному матросу сорвало голову и обдало мозгомъ и кровью нѣкоторыхъ изъ свиты. Капитанъ-лейтенантъ Ильинскій подошелъ къ Корнилову, умоляя его уѣхать и увѣряя, что подчиненные исполнятъ свой долгъ.

— А зачѣмъ же вы хотите помѣшать мнѣ исполнить свой?—отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Замѣтивъ, что въ пылу битвы прислуга томится отъ жажды, Корниловъ приказалъ адъютанту озаботиться немедленной доставкою воды.

На 6-мъ бастіонѣ онъ успѣлъ дописать письмо женѣ и снявъ съ себя часы, доставшіеся ему отъ отца, передалъ ихъ и письмо курьеру: «Передайте пожалуйста, женѣ; часы должны принадлежать старшему сыну; я боюсь что ихъ здѣсь разобьютъ».

По дорогѣ къ Малахову кургану адмиралъ ѣхалъ за верками, которые не закрывали даже и лошадей. «Мнѣ весело было съ нимъ ѣхать», — разсказывалъ Жандръ, — «и видѣть какъ ядра взрываютъ кругомъ насъ землю. Мнѣ и въ голову не приходило, что ангелъ смерти уже виталъ надъ нимъ. Простоявъ на курганѣ до половины двѣнадцатаго, адмиралъ сказалъ: «Ну, теперь домой». Но не успѣлъ онъ отойти трехъ шаговъ, какъ ядро раздробило ему лѣвую ногу у самаго живота. Кровь брызнула на мою грудь. Герой упалъ. Я поддержалъ его голову, другіе офицеры подхватили тѣло и мы положили нашего адмирала за брустверъ, между орудіями.

— Отстаивайте Севастополь!—сказалъ онъ».

На перевязочномъ пунктѣ онъ причастился и его перенесли въ госпиталь. Тамъ нашелъ его капитанъ-

лейтенантъ Поповъ. Вотъ разсказъ Попова о послѣднихъ минутахъ Владиміра Алексѣевича:

«Замѣтивъ мои слезы, онъ говорилъ: не плачьте, Поповъ; и взявъ меня обѣими руками за голову, произнесъ:—пріятно умирать, когда совѣсть спокойна. Повременивъ немного, онъ продолжалъ:—«Спаси Богъ Государя и Россію, Севастополь и флотъ!» Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ Истоминъ и успокоивъ Владиміра Алексѣевича относительно хода дѣлъ на бастіонѣ, выразилъ надежду на благополучный исходъ его раны.

— Нѣтъ, нѣтъ, туда, къ Михаилу Петровичу! — былъ его отвѣтъ.

Истоминъ бросился ему на шею и, заплакавъ, побѣжалъ на бастіонъ.

Замѣтивъ невинную хитрость докторовъ, старавшихся его успокоить, Владиміръ Алексѣевичъ сказалъ:

— Напрасно вы это дѣлаете, докторъ. Я не ребенокъ и не боюсь смерти. Говорите прямо, что надо дѣлать, чтобъ провести нѣсколько спокойныхъ минутъ.

Ему дали успокоительнаго лѣкарства и онъ задремалъ; но услыхавъ шумъ, открылъ глаза и спросилъ: что тамъ такое? «Лейтенантъ Львовъ привезъ извѣстіе о сбитіи англійской батареи», отвѣчали ему. «Ура!», угасающимъ голосомъ проговорилъ адмиралъ. Это были послѣднія его слова. Въ половинѣ четвертаго его не стало.

Общее отчаяніе, общія слезы сопровождали славнаго адмирала въ могилу, Нахимовъ оплакивалъ его какъ родного брата. На мѣстѣ, гдѣ палъ Корниловъ, матросы изъ ядеръ сложили крестъ.

Вслѣдъ за Корниловымъ сложилъ свою голову за отечество славный командиръ «Парижа» Истоминъ.

Судьба долго хранила защитника родного гнѣзда, благодушнаго, всѣми обожаемаго, безстрашнаго Нахимова. Тихій и радушный, всегда внимательный къ нуждамъ подчиненныхъ, онъ безъ хвастовства и рисовки старался примѣромъ своимъ возбудить духъ мужества и внушить мысль, что минута смерти опредѣлена Провидѣніемъ независимо отъ человѣческихъ разсчетовъ и предосторожностей. Онъ до того пренебрегалъ опасностью, что всѣ привыкли считать жизнь его завѣтною. Всѣмъ офицерамъ приказано было носить солдатскія шинели, чтобъ не служить мишенью для непріятельскихъ выстрѣловъ. Одинъ Нахимовъ не разставался съ сюртукомъ и эполетами. Когда Горчаковъ сдѣлалъ ему по этому поводу замѣчаніе, онъ отвѣчалъ: «Если бы ваше Сіятельство замѣтили мнѣ это при началѣ обороны, я конечно исполнилъ бы ваше желаніе; но теперь, люди такъ привыкли видѣть меня въ эполетахъ, что пріѣхать безъ нихъ на бастіонъ мнѣ будетъ уже неловко...»

Въ Январѣ 1855 г. Нахимовъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла, и генералъ-адмиралъ, В. К. Константинъ Николаевичъ, писалъ ему:

«Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе; мы гордимся вами и вашей славой какъ украшеніемъ нашего флота; мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и въ морякахъ видитъ друзей своихъ. Исторія скажетъ о подвигахъ вашихъ дѣтямъ нашимъ, скажетъ и о томъ, что современники вполнѣ цѣнили и понимали васъ!..»

27-го Марта 1855 г. Нахимовъ, произведенный въ адмиралы, отдалъ слѣдующій замѣчательный приказъ:

«Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была по-

водомъ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ къ старшему въ ней. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями—выпала на меня.

«Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

«Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту родного намъ Севастополя и флота. Я съ юныхъ лѣтъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію. Мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками *). Вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя и Генералъ-адмирала, и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскóго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ».

Можно ли безъ умиленія и глубокаго чувства читать эти слова, въ которыхъ вылилась благородная душа героя, который со всей свойственной ему скромностью, забывая себя и свое значеніе, только и думалъ о томъ, чтобъ возвеличить возлюбленныхъ сотрудниковъ.

Непріятельскій огонь, открывшійся 5-го Октября

*) Верхушка флагштока.

(1854 г.) ни на одинъ день не прекращался. Въ одну недѣлю потеряли мы ранеными и убитыми до четырехъ тысячъ. Матросы и солдаты почти не знали отдыха. Когда утихала пальба, приходилось чинить поврежденныя укрѣпленія. На Малаховомъ курганѣ работали арестанты.

«Если бы я встрѣтился съ подобными людьми въ пустынномъ мѣстѣ», разсказываетъ офицеръ очевидецъ, «я счелъ бы себя въ опасности». На вопросъ офицера, что они за люди, арестанты отвѣчали, что они освобождены покойнымъ адмираломъ Корниловымъ. «Чтобъ, молъ, заслужили прощеніе», пояснилъ одинъ, выдѣлившійся изъ толпы, арестантъ.—«Думали, что мы ужъ и не люди, что и души то человѣчьей въ насъ нѣту, и чувствія никакого нѣту, коли мы арестанты. Дай Богъ вѣчную память и царство небесное адмиралу Корнилову. Еслибъ не онъ, до сихъ поръ не видали бы люди, что мы не звѣри какіе!» Тутъ арестантъ сталъ разсказывать о дѣлѣ 5-го Октября, и когда говорилъ о смерти Корнилова, голосъ его дрожалъ и въ глазахъ стояли слезы.

Знаменательные дни 5-го Октября, 28-го Марта, 25-го Мая и 5-го Іюня, отличавшіеся особеннымъ усиленіемъ пальбы союзниковъ, извѣстны въ исторіи подъ названіемъ перваго, второго, третьяго и четвертаго «усиленнаго бомбардированія». Нахимовъ не менѣе двухъ разъ въ день объѣзжалъ оборонительныя линіи и весьма часто проводилъ тамъ не только большую половину дня, но и значительную часть ночи. Не только матросы сроднились съ нимъ, но и сухопутные солдаты души въ немъ не чаяли. По одному его слову они готовы были полѣзть въ огонь и въ воду. «Ребята, отецъ нашъ идетъ!»—крикнетъ, бывало, матро-

сикъ, завидя адмиральскіе эполеты. Поговоритъ Павелъ Степановичъ съ солдатиками, пошутитъ. Иной новичокъ съ непривычки, какъ пролетитъ ядро, онъ и голову наклонитъ, а Павелъ Степановичъ ему: «Не мнѣ ли ты, молодецъ, кланяешься? Кажись, мы съ тобою здоровались!» Ребята и расхохочутся.

«Какъ ни тяжко подчасъ»,—говорили они,—«а за Нахименкой (такъ звали они адмирала) мы какъ у Христа за пазушкой». Даже всѣ дѣти въ Севастополѣ знали Нахимова, и любимая игра у нихъ была въ Нахимова и Корнилова.

Одинъ солдатикъ, сраженный возлѣ Нахимова, лежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ, когда мимо него проскакалъ ординарецъ. Умирающій умолилъ его остановиться на одно слово.

«Говори скорѣе,—обратился къ нему офицеръ,—спѣшу по важному дѣлу».—Живъ ли Павелъ Степановичъ?—спросилъ умирающій. Живъ и здоровъ.—Ну, слава Богу! Теперь умру спокойно,— произнесъ страдалецъ и тутъ же испустилъ духъ.

До конца марта погода стояла прекрасная. Въ это время начали поговаривать о бомбардированіи. Нѣкоторые надѣялись, что по случаю Страстной недѣли будетъ перемиріе, но этого не случилось. Непріятель продолжалъ обстрѣливать городъ. Наступила Великая ночь. Бомбы, какъ звѣзды описывали красивыя дуги; ракеты, поднимаясь на значительную высоту, летали надъ городомъ какъ огненные змѣи. Съ одной стороны гремѣли выстрѣлы, съ другой—раздавался перезвонъ со всѣхъ севастопольскихъ колоколенъ. Послѣ обѣдни, изъ города на бастіоны совершены были крестные ходы. Подъ звуки радостнаго «Христосъ Воскресе!» падали убитые и стонали раненые.

На бастіоны наносили куличей, пасокъ и красныхъ яицъ; нѣкоторымъ солдатикамъ позволили разговляться по домамъ. У кого своего крова не было, добрые люди позвали къ себѣ. Середи дня солдатики веселились, словно они не на бастіонахъ, на волоскъ отъ смерти, а въ родной деревнѣ. Сигнальный крикнетъ: бомба! а на него никто и вниманія не обращаетъ.

На одномъ бастіонѣ собралась веселая толпа солдатъ и матросовъ. Какой то шутникъ вздумалъ раскрасить разряженную бомбу въ красную краску.

— Что это вы дѣлаете? спросилъ офицеръ, проходившій мимо.

— Надо съ англичаниномъ похристосоваться, ваше благородіе. Вотъ ему, дружку, красное яичко посылаемъ.

Офицеръ дѣлаетъ замѣчаніе, что стрѣлять не приказано.

— Да вѣдь это ваше благородіе, безвредная; мы снарядъ то вынули.

Офицеръ махнулъ рукой и красная бомба, при общемъ хохотѣ, полетѣла къ непріятелю.

Храбрые въ бою русскіе солдаты выказывали замѣчательное незлобіе въ тѣ немногіе часы, въ которые назначалось перемиріе для уборки тѣлъ. Какъ только взовьется бѣлый флагъ, герои съ обѣихъ сторонъ бросались привѣтствовать другъ друга, выражая по своему удивленіе взаимной храбрости.

— Ну, здравствуй, здравствуй, братъ мусью, говоритъ въ одномъ мѣстѣ солдатикъ подбѣжавшему къ нему худенькому черненькому французу, энергично потрясая ему руку.

Французъ подаетъ ему сигару, а солдатъ угощаетъ его трубкой. Но отъ непривычки, у француза отъ ма-

хорки кружится голова, и онъ, замахавъ руками, какъ шальной убѣгаетъ.

Много было смѣшныхъ сценъ въ этомъ родѣ между французскими и русскими солдатиками. Англичанъ наши не любили. Ихъ холодность и сдержанность не по нутру русскому человѣку.

На другой день Свѣтлаго праздника, 28-го марта, непріятель открылъ сильную канонаду. Залпы изъ орудій потрясали землю. Ядра и бомбы прыгали по всему городу. Иногда среди рева пролетающихъ ядеръ слышалось какое то кошачье завыванье. То были удары непріятельскихъ пуль о камни. Мало по малу всѣ эти звуки сливались въ какой то невыразимо тяжелый для непривычнаго уха концертъ. Вдругъ раздавался трескъ, точно дюжины стеколъ разбивались о камни; то былъ разрывъ гранаты. По временамъ слышались глухіе тяжелые шаги солдатъ, несущихъ что-то. Эти шаги сопровождались слабыми стонами. Пули ежеминутно перерѣзывали дорогу по всѣмъ направленіямъ. Иногда съ какимъ то фырканьемъ неслось мимо длинное развѣвающееся пламя. Оно ударялось о брустверъ и дѣлало далекій скачокъ. Этотъ огонь солдаты называли «лохматкою» т. е. гранатою.

Десять дней продолжалось второе бомбардированіе. Въ этотъ періодъ времени выбыло изъ строя болѣе 6000 человѣкъ; въ томъ числѣ много флотскихъ офицеровъ. На кладбище то и дѣло возили груды изувѣченныхъ труповъ.

Но и это десятидневное бомбардированіе не послужило поводомъ къ упадку духа обороняющихся. На Камчатскомъ люнетѣ во время сильной канонады раздавалась залихватская пѣсня: «Охъ вы горы мои Воробьевскія!» «Браво!»—послышалось изъ непріятельскихъ

ложементовъ. Пѣсня, видно, такъ понравилась французамъ, что они пріостановили огонь и до глубокой ночи ни одинъ снарядъ не просвистѣлъ надъ Камчаткой.

Въ эти тяжелые дни, когда смерть витала надъ головою каждаго, русскіе солдатики словно щеголяли своею удалью. Какъ то разъ, напримѣръ, противъ англійскихъ траншей залегли штуцерники Камчатскаго Егерскаго полка.

— Смотри, смотри, закричалъ одинъ изъ егерей;— что-то катится мимо.

— Чего тебѣ катится? Аль не видишь, заяцъ бѣжитъ.

— Катай его Кузнецовъ, на тебя бѣжитъ.

Кузнецовъ прицѣлился; раздался выстрѣлъ и заяцъ убитъ.

У англичанъ послышался смѣхъ. Заяцъ лежалъ посединѣ между нашими и англійскими ложементами.

Кузнецовъ перекрестился, и не долго думая, выскочилъ изъ ложемента и побѣжалъ къ убитому зайцу. Англичане встрѣтили удальца штуцернымъ огнемъ. Но когда Кузнецовъ, схвативъ зайца, поднялъ ружье и сталъ отступать, англичане прекратили пальбу и замахали шапками.

Такихъ удальцевъ было не перечесть. Между ними особенно отличался матросъ Кошка, котораго такъ и тянуло на отчаянный подвигъ. Подкрасться къ непріятелю, выхватить у часоваго ружье и удрать; или захватить часового врасплохъ и привести плѣннымъ — ему было нипочемъ. Случалось, что командиръ, услышавъ, что Кошка затѣваетъ какую нибудь отчаянную штуку, велитъ запереть его. Кошка обманетъ караульнаго, убѣжитъ и поставитъ на своемъ.

Зато, когда вызывали охотниковъ на ночную вылазку, Кошка былъ всегда первымъ. Въ одной вылазкѣ противъ англичанъ, былъ убитъ нашъ саперъ, трупъ котораго англичане врыли по поясъ въ землю, около своей траншеи, какъ бы въ видѣ цѣли для нашихъ выстрѣловъ. Такое поруганіе вызвало всеобщее негодованіе и удалый Кошка вызвался вырыть трупъ товарища и принести его По храбрецу открыли сильный штуцерный огонь, пока онъ выкапывалъ трупъ; но онъ продолжалъ неутомимо работать, не обращая вниманія на выстрѣлы. Вырывъ трупъ, Кошка взвалилъ его на плечи и принесъ на бастіонъ. Кошка былъ въ восемнадцати вылазкахъ, получилъ двѣ раны и Георгіевскій крестъ.

23-го Мая союзники открыли третье бомбардированіе Севастополя, а 26-го, въ шесть часовъ вечера, огромныя массы французовъ бросились на Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, которые, послѣ ожесточеннаго боя, остались въ рукахъ непріятеля.

Занятіе передовыхъ редутовъ дало непріятелю большое преимущество передъ нами, и каждую минуту можно было ожидать общаго штурма Севастополя.

Съ 26-го Мая по 5-е Іюня непріятель поддерживалъ сильный огонь противъ всего лѣваго фланга оборонительной линіи, а самъ укрѣплялся въ занятыхъ имъ укрѣпленіяхъ. 5-го Іюня съ разсвѣтомъ открылась сильная канонада по укрѣпленіямъ Корабельной стороны. Ядра и бомбы съ ожесточеніемъ летали со всѣхъ сторонъ. Лѣвый флангъ бастіоновъ былъ разрушенъ, амбразуры завалены, нѣсколько орудій сбито, значительная часть прислуги перерѣзана, такъ что къ полудню мы очень слабо могли отвѣчать непріятелю. Въ

бастіонахъ кровь лилась ручьями. Раненыхъ было такъ много, что не доставало носилокъ.

По временамъ пальба немного утихала. Непріятельскія орудія какъ будто утомлялись извергать смерть; но черезъ нѣсколько минутъ огонь возобновлялся еще съ большей силой. Смерть съ яростью носилась по всѣмъ направленіямъ. Солдаты стояли прижавшись къ брустверамъ. Одни крестились, другіе читали вслухъ молитвы. Сколько поучительнаго можно было извлечь въ эти ужасныя минуты, наблюдая живыхъ, умирающихъ и умершихъ! Но едва ли существовалъ человѣкъ, который могъ быть хладнокровнымъ наблюдателемъ въ такое время.

6-го числа французы штурмовали Малаховъ курганъ и были геройски отбиты нашими войсками. Около трехъ часовъ пополудни, когда все уже утихло и офицеры отдыхали, имъ дали знать, что адмиралъ Нахимовъ идетъ. Офицеры вышли его встрѣтить. Павелъ Степановичъ шелъ медленно, и на его вѣчно серьезномъ лицѣ играла улыбка. День былъ очень жаркій, адмиралъ вспотѣлъ и попросилъ у офицеровъ воды съ виномъ. Къ сожалѣнію у офицеровъ вина не было, и ему подали одной воды. Проводивъ адмирала до конца бастіона, офицеры раскланялись и онъ пошелъ далѣе. На другой день поутру пришелъ матросъ съ боченкомъ и запиской отъ адъютанта, въ которой тотъ увѣдомлялъ, что Павелъ Степановичъ посылаетъ офицерамъ боченокъ вина, т. к. въ жаркое время вредно пить одну воду.

Съ Мая мѣсяца 1855 г. Нахимовъ получилъ четыре сильныхъ контузіи, но не хотѣлъ лѣчиться и скрывалъ страданія. Настроеніе его стало мрачно, особенно съ той минуты, когда непріятелемъ были заняты наши

передовые редуты. Адмиралъ предвидѣлъ роковую развязку. Бомбы и ядра ложились у занимаемаго имъ домика; у самой двери его былъ убитъ провіантскій чиновникъ. Главнокомандующій убѣждалъ Нахимова переѣхать подъ своды Николаевской батареи, но онъ отказался. Врачи и всѣ сотрудники адмирала настоятельно просили, чтобы онъ остался хоть нѣсколько дней дома. Но вдали отъ бастіоновъ онъ томился. «Когда ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дѣлается», говорилъ онъ; и дѣйствительно, только на бастіонахъ и былъ онъ спокоенъ.

26-го Іюня, какъ бы прощаясь съ этимъ міромъ, Павелъ Степановичъ присутствовалъ на торжественномъ молебнѣ и крестномъ ходѣ, совершенномъ знаменитымъ духовнымъ витіею, архіепископомъ Иннокентіемъ. Рѣчь, сказанная архіепископомъ подъ громъ непріятельскихъ орудій, произвела сильное впечатлѣніе.

28-го Іюня съ разсвѣтомъ, англійскія батареи открыли сильный огонь по III бастіону. Около полудня завязалась канонада на Малаховомъ курганѣ и на IV бастіонѣ. Черноморскіе моряки, безпредѣльно преданные Павлу Степановичу, старались всѣми мѣрами оберегать его. Капитанъ 1 ранга, Кернъ, желая удалить адмирала отъ мѣткаго штуцернаго огня, просилъ его пожаловать къ нему на молебенъ, по случаю годовщины дня его свадьбы. Павелъ Степановичъ согласился и уже сходилъ съ банкета, какъ вдругъ раздались крики. Матросы любовались на какой-то удачный выстрѣлъ. Нахимовъ остановился и снова поднялся на банкетъ. Вскорѣ провизжала одна пуля и ударилась въ мѣшокъ.

«Ишь какъ ловко стрѣляютъ»,—замѣтилъ онъ. И

вотъ совершилось роковое предопредѣленіе судьбы: другая пуля ударила его въ високъ...

Въ это самое время обыватели Севастополя отправлялись ко всенощной. Рѣдко у кого не было въ душѣ желанія помолиться за завтрашняго именинника, общаго любимца Павла Степановича. Необыкновенное смятеніе на улицахъ поразило обывателей. Кто бѣжитъ, кто размахиваетъ руками и кричитъ что-то. Спрашиваютъ, что случилось? Говорятъ, что Павелъ Степановичъ проѣхалъ къ Малахову съ адъютантами, а тамъ повели назадъ его лошадь, а адъютанты проскакали Богъ вѣсть куда.

Когда раненаго перенесли въ морской госпиталь и стали раздѣвать, то тутъ только обнаружилось, какъ сильно страдалъ онъ отъ контузій. Вся спина его распухла и посинѣла. До самой кончины онъ не приходилъ въ себя. Тридцать шесть часовъ боролась со смертью желѣзная натура моряка. Въ 11 ч. утра, 30-го Іюня, докторъ Соколовъ, наклонившись надъ умирающимъ проговорилъ торжественно и ясно: «Вотъ наступаетъ смерть!» Еще нѣсколько судорожныхъ движеній, еще нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ и въ горнія селенія отлетѣлъ могучій духъ, такъ долго витавшій надъ Севастополемъ.

Послѣднее плаваніе адмирала черезъ Севастопольскій рейдъ было печально-торжественно. Гробъ, покрытый прострѣленнымъ флагомъ корабля «Императрица Марія», поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами. Друзья, сослуживцы, матросскія жены и дѣти плакали навзрыдъ. Вѣтеръ вдругъ засвѣжѣлъ, какъ бы посылая прощальный поцѣлуй тому, кто боролся съ нимъ втеченіе тридцатичетырехлѣтнихъ

морскихъ кампаній. Уцѣлѣвшія отъ потопленія корабли и пароходы приспустили флаги.

Въ шесть часовъ вечера 1-го Іюля, со всѣхъ мѣстъ обороны съѣхались начальствующія лица отдать послѣдній долгъ усопшему. Офицеры подняли гробъ, стоявшій въ домѣ Нахимова, и понесли его въ церковь. По окончаніи панихиды дозволено было всѣмъ матросамъ бастіона проститься съ адмираломъ. Солдаты тотчасъ же стали просить, чтобы и имъ позволили. Послѣ отпѣванія офицеры отнесли прахъ усопшаго въ недостроенный еще Владимірскій соборъ и опустили возлѣ Лазарева, Корнилова и Истомина. Такъ, герой Наварина, Синопа и Севастополя, этотъ рыцарь безъ страха и упрека, окончилъ свое славное поприще.

Смерть Нахимова тяжко поразила всю Россію. О чувствѣ, переживаемомъ по поводу этой потери современниками, можно судить по статьѣ Погодина въ Московскихъ вѣдомостяхъ. «Нахимовъ получилъ тяжелую рану!» «Нахимовъ скончался!» «Боже мой, какое несчастіе!» Эти слова не сходили съ устъ москвичей въ послѣдніе три дня. Только и разговоровъ было что о Нахимовѣ. Глубокая сердечная горесть слышалась въ безпрерывныхъ сѣтованіяхъ. Старые и молодые, военные и штатскіе, мужчины и женщины показывали одинаковое участіе.

Передъ штурмомъ 27 Августа союзники непрерывно громили Севастополь. Защитники его, забывая всѣ узы, связывавшія ихъ съ этимъ міромъ, помнили только долгъ, которому служили душею и тѣломъ. Когда Юрковскому, замѣнившему Нахимова, сообщили, что жена его при смерти и проситъ его пріѣхать въ Симферополь хотя на одинъ день, онъ отказался. «Ни

на минуту не могу оставить своего поста»,—отвѣчалъ онъ. И герой палъ на своемъ посту, не видавъ ни жены, ни семерыхъ дѣтей.

Каждый день приносилъ горестную вѣсть, что тотъ, или другой убитъ или раненъ. Смерть похищала отцевъ семействъ, цвѣтущихъ юношей, повергая ихъ семьи въ скорбь и отчаяніе. И эту смерть извергали другъ на друга люди, мнившіе въ безуміи своемъ, что совершаютъ великое дѣло!

Роскошнымъ куполомъ раскинулось надъ Севастополемъ темносинее небо. Солнце бросаетъ пламенные лучи на голубую пелену Севастопольской бухты, которая колышется словно грудь вздымаемая вздохами. На берегу въ ожиданіи барказовъ лежатъ ряды убитыхъ и на груди ихъ, безтрепетно въ неподвижномъ воздухѣ теплятся свѣчки. При томительныхъ звукахъ похороннаго марша, при колокольномъ звонѣ, двигаются барказы, осѣненные крестами и хоругвями. На кормѣ, вокругъ открытыхъ гробовъ, стоитъ духовенство въ траурномъ облаченіи. Толпы офицеровъ и матросовъ съ обнаженными головами грустно смотрятъ на помертвѣлыя лица своихъ товарищей, обращенныя къ небу съ сомкнутыми на вѣки очами. Всякому невольно думается, что черезъ часъ можетъ быть и его ожидаетъ такая же участь. Въ воображеніи рисуются дорогія лица, картины семейной жизни. Какъ заманчивы кажутся теперь эти картины!

Печальная процессія, сопровождаемая непріятельскими выстрѣлами, медленно движется по водамъ бухты къ сѣверному берегу. Товарищи поднимаютъ гробы и несутъ ихъ до могилы.

Въ городѣ между тѣмъ жизнь шла своимъ чередомъ, словно и войны не бывало. Обыватели обтер-

пѣлись и на стрѣльбу не обращали вниманія. Странное ощущеніе охватывало человѣка, попавшаго въ городъ прямо съ укрѣпленій. Ему казалось, что онъ во снѣ перенесенъ въ какую-то новую страну, такъ быстръ и рѣзокъ былъ переходъ отъ страшнаго Малахова кургана въ безпечный и веселый Севастополь. Тамъ—свистъ ядеръ, громъ канонады, трескъ разрывающихся снарядовъ; здѣсь—за десять минутъ ходьбы, жизнь бьетъ ключемъ, на улицахъ оживленіе; толпы нарядныхъ горожанъ разъѣзжаютъ другъ къ другу съ визитомъ, говорятъ о чемъ угодно, и всего меньше о войнѣ. Человѣкъ только что явившійся съ поля сраженія, прямо ошеломленъ; его воображеніе занято кровавыми сценами, мысли торжественно настроены; а тутъ—говорятъ о покупкахъ, лошадяхъ, борзыхъ собакахъ, городскихъ сплетняхъ...

Не мало случалось за это время и забавныхъ приключеній. Солдатамъ за поимку шпіоновъ выдавалась денежная награда; поэтому они усердствовали не по разуму, зачастую подозрѣвая своихъ и подвергая ихъ непріятной процедурѣ ареста и дознанія. Однажды на улицѣ въ Севастополѣ прослѣдили двухъ, хорошо одѣтыхъ мужчинъ, которые говорили между собою по французски. Ихъ окружили и схватили. Напрасно эти господа называли свои фамиліи извѣстныя въ городѣ; ихъ никто не слушалъ. Разумѣется дѣло выяснилось и ихъ отпустили съ миромъ, но любители французскаго языка пережили не мало волненій.

Съ каждымъ днемъ непріятель все болѣе и болѣе приближался къ нашимъ веркамъ. Общій голосъ требовалъ наступательныхъ дѣйствій. Состоялся военный совѣтъ, въ которомъ рѣшено было испробовать это послѣднее средство для спасенія Севастополя.

Средство не удалось. 4-го Августа наступленіе было отбито и съ этой минуты всякая надежда исчезла.

На другой день непріятель открылъ бомбардированіе по укрѣпленіямъ Корабельной стороны. Непріятельскій огонь, въ особенности навѣсный, былъ очень силенъ. Въ городѣ безпрестанно вспыхивали пожары; Корабельная сторона опустѣла.

Въ эти дни городъ сильно пострадалъ. Уцѣлѣвшіе до сихъ поръ дома насквозь были пронизаны. Много было убито обывателей. Не рѣдко поднимали на улицахъ трупы дѣтей. Въ бухтѣ загорѣлся транспортъ, нагруженный горючими матеріалами. Бомба взорвала барказъ нагруженный порохомъ, отчего обрушилась Графская пристань.

Французы смѣло подвигались къ Малахову кургану, куртинѣ и II бастіону. Къ 20-му Августа они подошли на 40 шаговъ къ контръ-эскарпу Малахова кургана; Англичане, подвинувшись къ III бастіону на 80 шаговъ, остановились, Все предвѣщало приближеніе развязки кровавой драмы.

24 Августа непріятель открылъ сильную пальбу по всей оборонительной линіи. Залпы изъ 800 орудій потрясали землю и воздухъ. Стали поговаривать о штурмѣ. Вечеромъ 26-го Августа канонада вдругъ стихла; но эта тишина была грознѣе выстрѣловъ. Съ часу на часъ ожидали штурма; всѣ были наготовѣ.

27-го утромъ, непріятель открылъ такую канонаду, въ сравненіи съ которой прежняя показалась совсѣмъ ничтожной. Вмѣстѣ съ бомбами, гранатами и ядрами, непріятель металъ камни и даже боченки съ порохомъ. Брустверы на Корниловскомъ и II бастіонѣ обрушились а рвы засыпало землею.

Въ 12 ч. на Павловской батарѣ подняли тревогу, и вся Корабельная зашевелилась. Потянулись войска, загромыхала артиллерія. Барабаны бьютъ, рожки трубятъ, жители перебираются черезъ бухту по наведенному мосту. Старая солдатка несетъ узелъ; выронила что-то и не оглянулась. Другая, съ ребенкомъ, остановилась и крестится на церковь; кѣмъ-то забытый волъ стоитъ у бульвара и безмятежно щиплетъ траву. За грохотомъ орудій ничего не слышно. Дымъ скрылъ линіи непріятеля. Нѣсколько минутъ тому назадъ видно было, какъ французы пробирались къ ближайшимъ траншеямъ. Артиллерія въ нихъ палила, но они не подавались. Вдругъ громкіе клики и какой-то гулъ у Малахова кургана. Дымъ поднялся къ небу, словно занавѣсъ на сценѣ и наши съ ужасомъ увидали, что на Малаховомъ развѣвается французское знамя...

Тучи французовъ устремились на Корниловскій и на II бастіоны. Началась страшная бойня. Въ бастіонѣ трудно было ходить отъ множества труповъ и потоковъ крови. Палъ генералъ Хрулевъ. Команду принялъ другой, и того убили; за нимъ еще одного. «Дайте намъ командира! Ведите насъ!»—кричатъ солдаты; но вести ихъ ужь некому...

Тѣмъ временемъ князь Горчаковъ, замѣнившій Меньшикова, видя, что съ потерею Малахова кургана удержать городъ въ своихъ рукахъ невозможно, приказалъ арміи начать отступленіе на сѣверную сторону.

Отступленіе больно отозвалось въ сердцахъ людей, отстаивавшихъ Севастополь втеченіе одиннадцати мѣсяцевъ, но оно было неизбѣжно. Укрѣпленія были разрушены и держаться въ городѣ стало невозможно.

Зарыдали солдатики и бросились обнимать свои пушки въ знакъ послѣдняго прощанія.

Памятникъ Корнилову.

Картина отступленія была величественна. Начинало темнѣть. Грустно шли войска къ мосту и къ берегу садиться на суда. Вдругъ вспыхнулъ въ городѣ пожаръ; за нимъ другой, потомъ взрывы—и началась иллюминація. Тогда всѣ какъ будто ожили; радость озарила лица, полились разговоры. Всѣ сразу поняли въ чемъ дѣло: жители сами зажигали свои дома.

Сильное зарево освѣщало окрестность. Вѣтеръ раздувалъ огонь и нагонялъ на берегъ волны. Скоро все слилось въ одну горящую массу. Свистъ огня сливался съ порывами вѣтра.

Вдругъ на пламени блеснетъ пламя еще болѣе яркое и ослѣпитъ всѣхъ какъ молнія, Это летитъ на воздухъ пороховой погребъ съ ядрами, гранатами, ракетами. И сверху и снизу громъ и грохотъ. Взлетали на воздухъ батареи; взлетали цѣлые бастіоны. Страшная картина отражалась въ бухтѣ, по которой взадъ и впередъ скользили барказы и шлюпки, забирая войска и раненыхъ. Неопредѣленное очертаніе судна, приближавшагося къ берегу, постепенно выдѣлялось изъ мрака, и наконецъ все судно, ярко освѣщенное пламенемъ, подходило къ берегу; потомъ, удаляясь, снова тонуло во мракѣ, изрѣдка окрашиваясь на нѣсколько секундъ въ ярко красный цвѣтъ. Каждая веревка, мачта, рея, все, казалось, было раскалено и пылало. То вдругъ и суда и толпа на берегу вырисовывались на огненной водѣ... Для описанія этой картины слова безсильны; то было какое-то грандіозное сверхъестественное представленіе *).

Взошло солнце. Вчера еще освѣщало оно стройный, красивый городъ; сегодня — обгорѣлыя стѣны;

*) Вышеславцевъ, Морской Сборникъ 1856 г.

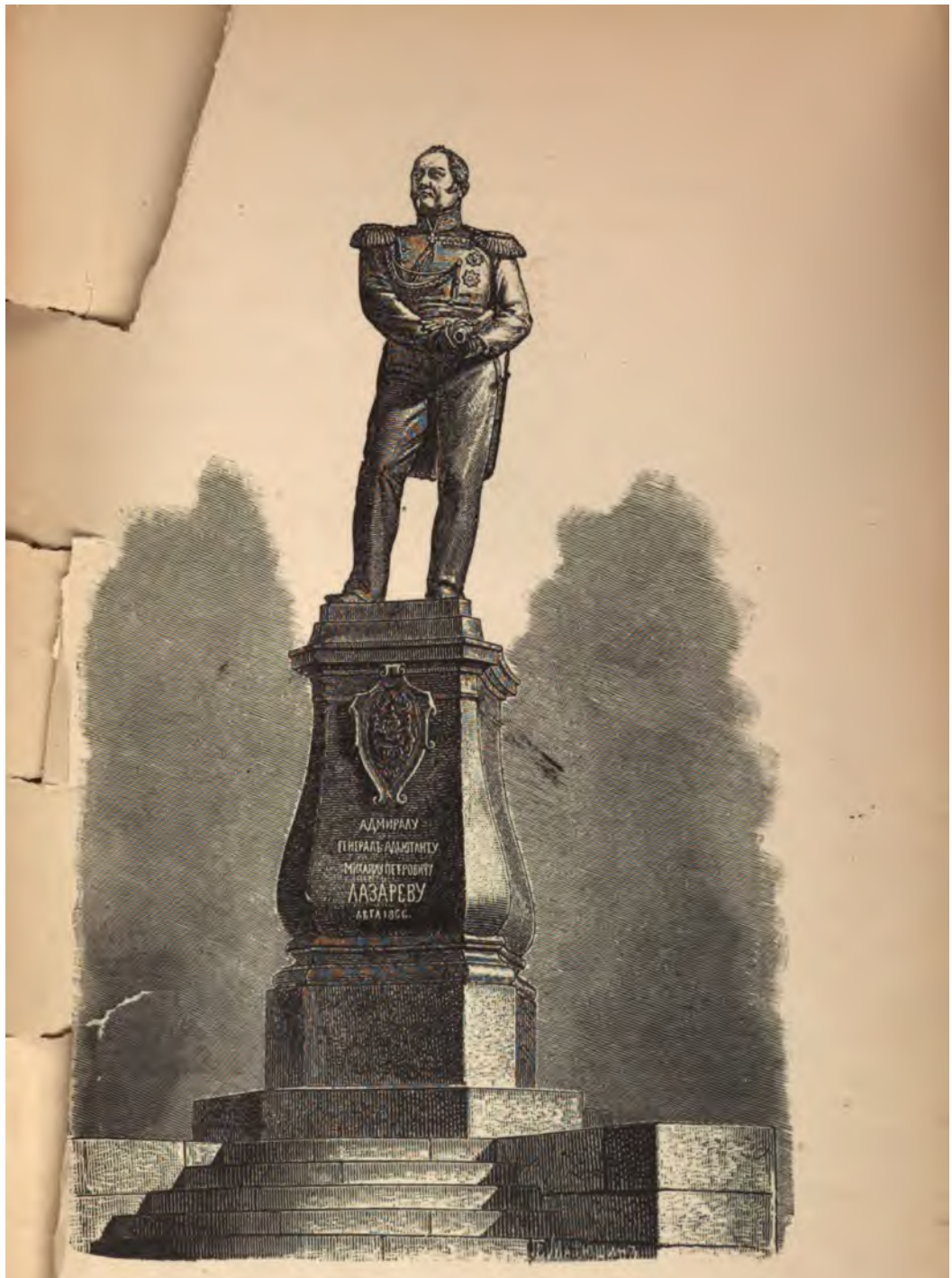
почернѣвшія трубы, заваленныя улицы, Прекрасная Екатерининская пристань сильно пострадала. Украшавшія ее мраморныя статуи валялись какъ трупы. Чей-то боевой конь, истекая кровью, стоялъ понуря голову.

Бухта совершенно опустѣла. Корабли и множество мелкихъ судовъ, покрывавшихъ ее нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, были затоплены, и только концы мачтъ выдававшіеся надъ водою, напоминали о ихъ безвременной гибели. Сильный вѣтеръ, дувшій съ моря, разносилъ дымъ и смрадъ далеко по окрестности, напоминая живущимъ объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ ихъ родину.

Прошли десятки лѣтъ и Севастополь, возрожденный подобно фениксу изъ пепла, украсился памятниками безсмертныхъ героевъ Черноморскаго флота. При входѣ въ Севастопольскую бухту, далеко съ моря виденъ Лазаревъ, незабвенный учитель доблестныхъ Черноморцевъ. Далѣе, на вершинѣ Малахова кургана, силуэтомъ на небѣ выдѣляется памятникъ Корнилова. Невдалекѣ отъ него каменная ограда, въ которой похоронены въ общей могилѣ храбрые воины, защищавшіе и осаждавшіе Малаховъ курганъ. Надъ ними французы поставили колонну изъ бѣлаго мрамора съ надписью:

«Réunis pour la victoire
«Unis par la mort.
«Du brave c'est la gloire,
«Du soldat c'est le sort».

На Графской пристани, противъ Морского собранія, на мѣстѣ указанномъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ III воздвигнутъ памятникъ Нахимову. Всѣ три адмирала и съ ними Истоминъ



Памятникъ адмиралу М. П. ЛАЗАРЕВУ.

почиваютъ въ склепѣ Севастопольскаго собора, освѣщенномъ кроткимъ свѣтомъ неугасимой лампады. Видъ этихъ гранитныхъ плитъ съ надписями Лазаревъ,

Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ вызываютъ высокопатріотическое чувство и твердую увѣренность, что Россія никогда не забудетъ величавыхъ образовъ своихъ героевъ и—«тотъ родной гранитъ,

«Гдѣ Нахимова могила,
«Гдѣ Корниловъ спитъ».

ИСТОЧНИКИ.

Исторія Петра Великаго.—*Устрялова.*
Очеркъ русской морской исторіи.—*Веселаго.*
Отечественныя записки 1820 и 1831 гг.
Сѣверная пчела. 1833 г.
Чесменскій бой.—*Глотова.*
Журналъ Чесменскаго боя.—*Грейга.*
Записки гидрографич. департ. Морск. министерства.
Записки учен. комит. Главнаго Морск. штаба.
Жизнь гр. Орлова Чесменскаго.—*Ушакова.*
Объ Ушаковѣ. *Соколовскаго.*
Жизнеописанія адмираловъ *Берха.*
Біографіи Екатерининскихъ адмираловъ.—N.
Жизнь Екатерины Великой.
Картина войнъ Россіи съ Турціею.—*Бутурлина.*
Подвиги русскихъ моряковъ.—*Шульца.*
Записки морского офицера.—*Броневскаго.*
Біографія Сенявина.—*Бантышъ-Каменскаго.*
Записки на кор. Уріилъ. *Мельникова.*
Біографія Сенявина.—*Ириновича.*
Война Россіи съ Франціею 1806 г.—*Михайлова-Денисова.*
Архипелагская кампанія.—*Соколова.*
Наваринъ. *Богдановича.*
Дѣйствія черноморскаго флота 1828—29 гг.—*Меликова.*
Журналъ военно-учебныхъ заведеній о Наваринѣ.
Слово—1829 г.
Годъ Наваринской кампаніи—*Рыкачева.*

Воспоминанія о кампаніи 1829 г.
Синопъ.—*Богдановича.*
Сѣверная пчела. 1828—29 гг.
Военный журналъ 1829 г.
Московскій телеграфъ 1832—33 гг.
Матеріалы.—*Жандра.*
Біографія Нахимова.—*Асланбекова.*
Русскій Вѣстникъ 1811 г.
Морской сборникъ 1848, 49, 50, 51, 52, 53, 56 гг.

Сочиненія **М. А. Лялиной**, изданія А. Ф. Девріена:

Путешествія Н. М. Пржевальскаго.

въ восточной и центральной Азіи. Уссурійскій край.—Монголія и страна тангутовъ. — Лобъ-Норъ. — Тибетъ.—Верховья и источники Желтой рѣки. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ 2-е просмотр. изданіе. Съ 60 иллюстраціями и 2 картами. Цѣна **2** р. **25** к., въ коленкор. переплетѣ **2** руб. **75** коп.

1-е изданіе **одобрено** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ.

Интересъ къ трудамъ родныхъ дѣятелей съ каждымъ годомъ все увеличивается въ современномъ обществѣ и потребность ближе ознакомиться съ личностью ихъ сказывается все болѣе. Результаты трудовъ и изслѣдованій Н. М. Пржевальскаго заключаются лишь въ изданіяхъ Географическаго Общества, малодоступныхъ по объему и притомъ большею частью уже распроданныхъ. Желаніе дать возможность удовлетворить насущной потребности нашей читающей публики и вызвало появленіе въ свѣтъ названной книги, предназначенной, главнымъ образомъ, уже зрѣлому юношеству, но которая съ одинаковымъ интересомъ прочтется и взрослымъ.

Русскіе мореплаватели.

Обработка по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ. 1 серія: Арктическіе и кругосвѣтные.—Н. Берингъ.—Г. Сарычевъ.—Ф. П. фонъ-Врангель.—Графъ Ф. Литке.—Пахтусовъ.—А. Норденшельдъ.—И. Ѳ. Крузенштернъ.—Ѳ. Ѳ. Беллинсаузенъ. 2-е изд. съ 100 рисунк. и съ картою. Цѣна **2** руб. **75** к., въ перепл. **3** р. **25** к.

1-е изданіе **одобрено** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія какъ для библіотекъ средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебн. завед, такъ и для раздачи воспитанникамъ младшаго возраста въ видѣ **подарка**.

II серія—Головнинъ, Коцебу, Невельской. В. Головнинъ въ плѣну у японцевъ.—Плаваніе Коцебу на „Рюрикѣ". — Присоединеніе Невельскимъ Амурскаго края.—Съ 36 рисунками. Цѣна въ переплетѣ **3** р.

Отчеты и результаты этихъ путешествій изданы въ большинствѣ случаевъ въ громадныхъ фоліантахъ, ставшихъ библіографическою рѣдкостью и доступныхъ читателю лишь въ большихъ публичныхъ библіотекахъ. Поэтому мы полагаемъ, что намѣреніе автора извлечь изъ массы малодоступнаго матеріала все то, что можетъ занимать читателя, не спеціалиста, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Путешествія Г. И. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи.

Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ. Съ 48 рисунками, портретомъ и картою. Цѣна **1** р. **75** к.; въ коленкор. перепл. **2** р. **50** к.

Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для ученик. средн. и старш. возврастовъ, библ. мужскихъ и женскихъ гимназій, реальн. училищъ и городск. училищъ, а также для ученич. библ. учит. институт. и семинарій и допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книга эта—популярное изложеніе четырехъ путешествій по Азіи нашего извѣстнаго современнаго путешественника Г. Н. Потанина. Извлеченіе сдѣлано авторомъ по подлиннымъ его сочиненіямъ, изданнымъ Император. Русскимъ Географич. Обществомъ. Путешествія эти очень богаты научными результатами.

Путешествія по Туркестану. Н. А
цова и А. П. Федченки. Изложено по подлиннымъ соч
путешественниковъ Съ 81 рис. и картой. Цѣна въ иллюстр
2 р. **50** к.

Книга эта **одобрена** Ученымъ Комитетомъ Министерства Наро
свѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ
заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ институтовъ.

*За популяризацію всѣхъ этихъ путешествій авторъ у
малой серебряной медали Императорскаго Русскаго Гео
скаго Общества имени П. П. Семенова.*

Старинныя сказанія Чешскаго рода. Составилъ А. Ирасекъ. Переводъ съ чешскаго
иллюстраціями Венцеслава Чѐрнаго. Цѣна въ обложкѣ **3**
въ коленк. пер. **4** р. **25** к.

Допущена въ ученич. библ. средн. учебн. завед. мужскихъ и ж
также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ то время, когда на Россію все болѣе устремляются взоры всѣх
знакомство съ жизнью соплеменнаго ей народа не только будетъ
но и полезно. Эта цѣль и имѣлась въ виду при изданіи русскаго
настоящей книги, тѣмъ болѣе заслуживающей вниманія, что она со
произведеніе пера извѣстнаго писателя, академика А. Ирасека. Соде
слѣдующее: 1) Сказанія временъ языческихъ, о праотцѣ Чехѣ, о Л
Бивоѣ, о Пржемыслѣ, Дѣвичья война и проч. 2) Сказанія временъ
скихъ: о королѣ Святополкѣ, о королѣ Ячменькѣ, хоругвь Св. Вя
Брунсвикѣ, Опатовицкій кладъ, о старой Прагѣ, о Жижкѣ, Розовая
и др. и 3) Старинныя пророчества.

Юрій Збигонь, молодой чехъ. И
ская повѣсть для юношества. Съ 13 рис. Е. Е. Баумгарт
иллюстрированномъ перепл. Цѣна **2** р.

Послѣдній изъ Черноевичей. Пов
быта Черногоріи Прокопія Хохлушка. Переводъ съ чешск
рисунками Н. И. Ткаченко. Цѣна брош. **45** к., въ папкѣ

Которая изъ двухъ? Повѣсть для юнош
6 рис. Е. П. Самокинъ-Судковской. Цѣна брош. **45** к., въ пап

Допущена въ ученич. библіотеки младшаго возраста средн. уч
и низшихъ училищъ Вѣдомства Императрицы Маріи.

Самородокъ. Повѣсть для дѣтей Съ 6 рис. ав
А. И. Морозова. Цѣна **25** к., въ перепл. **40** к.

Изданія эти продаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магаз. с
провинц. городовъ, лица же, не имѣющія сношеній съ ближ. книж
благоволятъ направлять свои требованія къ издателю **А. Ф. Де**
С.-ПБургъ Вас. остр., Румянцевская площ. д. 1/3.